

10

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1902.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

ОСТРОВИТЯНЕ.

ПОВѢСТЬ.

Овцы царя Авгіаса не вѣстѣ, въ стадахъ раздѣленныхъ
Въ кругахъ разныхъ пасутся; одиѣ по полянамъ—
Вдоль береговъ Элизента, другія у водъ освященныхъ
Старца-Алфея, пныя по значнымъ Бупроза вершинамъ,
Прочія въ здѣшнихъ окрестностяхъ. Каждое стадо
Вечеромъ съ пастбищъ собрать намъ въ овчарни отдѣль-
ныя надо.

Идиллія Θεокрита.

* * *

Очень давно когда-то всего на нѣсколько минутъ я встрѣ-
тилъ одно весьма жалкое существо, которое потомъ непре-
станно мнѣ припоминалось въ теченіе всей моей жизни, и
теперь, какъ живое, стоитъ передъ моими глазами: это была
слабая, изнеможенная и посинѣвшая отъ мокроты и стужи
дѣвочка на высокихъ ходуляхъ. Въ тотъ день, когда я уви-
дѣлъ этого ребенка, въ Петербургѣ ждали наводненія; съ
моря сердито свистала порывистый вѣтеръ и носилъ по
улицамъ цѣлыя облака холодныхъ брызгъ, которыми раздо-
бывался онъ гдѣ-то за угломъ cadaго дома, но гдѣ именно
онъ собиралъ ихъ — надъ крышей, или за цоколемъ — это
оставалось его секретомъ, потому что съ чернаго неба не
падало ни одной капли дождя. Въ этотъ ненастный, холод-
ный день она вошла на грязный, мощный дворъ изъ-подъ
черной арки воротъ, въ сопровожденіи еще болѣе ея изне-
моженного итальянскаго жида, который находился съ нею
въ товариществѣ по добыванію хлѣба, и въ сопровожденіи
цѣлой толпы зѣвакъ, съ утра бродившихъ для наблюденія,
какъ выступаютъ изъ береговъ Лиговка, Мойка и Фонтанка.
Блѣдный, чахоточный жидъ, стибаясь въ три погибели, несъ
покрытую клеенчатымъ чехломъ шарманку; праздные люди
гордо несли на своихъ лицахъ спокойную тупость безсмы-

слія. Дѣвочка на ходуляхъ была самымъ замѣчательнымъ лицомъ во всей этой компаніи и съ помощью своихъ ходуль возвышалась нагляднымъ образомъ надо всѣми. По силѣ производимаго ею впечатлѣнія, съ нею не могъ соперничать даже ея товарищъ, хотя это былъ экземпляръ, носившій, кромѣ шарманки, чохотку въ груди и слѣды всѣхъ страданій, которыми несчастнѣйшій изъ жидовъ участвуетъ съ банкиромъ Ротшильдомъ въ искупленіи грѣховъ падшаго племени Израиля. Во-первыхъ, дѣвочка была богиней: на ней былъ фантастическій нарядъ изъ перемятой кисеи и рыжаго плиса; все это было украшено гирляндами коленкоровыхъ цвѣтовъ, позументомъ и блестками; а на ея высокомъ, бѣломъ лбу лежала блестящая мѣдная діадема, придававшая что-то трагическое этому блѣдному профилю, напоминавшему длинный профиль Рашели, когда эта пламенная еврейка одѣвалась въ костюмъ Федры. Нѣтъ сомнѣнія, что вошедшая на ходуляхъ дѣвочка тоже должна была воплощать въ себѣ понятіе о какомъ-то трагическомъ величіи. Она вошла твердою и спокойною поступью, и когда сопровождавшій ее жидъ завертѣлъ свою шарманку, она запѣла:

Въ Нормандіи баронъ,
Большой любитель псовъ,
Жилъ съ деревенской простотою.

Въ ея голосѣ, которымъ она пропѣла эту рыцарскую пѣсню, было столько же скромной твердости, сколько въ ея тихомъ шествіи на ходуляхъ; но эта рыцарская пѣсня не нашла сочувствія ни въ комъ, кромѣ одной слабонервной дворяжки, начавшей подвывать пѣвнищъ самымъ раздражающимъ голосомъ и успокоившейся только послѣ пинка, отпущеннаго ей сострадательнымъ прохожимъ.

Несравненно болѣе общаго вниманія у зрителей дѣвочка встрѣтила тогда, когда она проплясала передъ ними на ходуляхъ какой-то импровизированный *matelot*. Я видѣлъ, какъ при самомъ началѣ этого танца всѣ самыя тупыя лица осклабились и праздныя руки безсмысленно зашевелились, а когда дѣвочка разошлась и запрыгала, каждую секунду рискуя поскользнуться и, въ самомъ счастливомъ случаѣ, только переломить себѣ ногу, публика даже начала приходить въ восторгъ. Изъ всѣхъ людей, стоявшихъ на дворѣ, и изъ всѣхъ, глазѣвшихъ на эту пляску въ окна,

лишь одно мрачное лицо еврея упорно хранило свое угрюмое выражение, да еще было спокойно лицо самой танцовщицы. Черные глаза жиды то обходили дозоромъ окна всѣхъ окружающихъ дворъ пяти этажей, то съ ненавистью и презрѣнiемъ устремлялись на публику партера, вовсе и не помышлявшую достать изъ кармана мѣдный грошъ на хлѣбъ голодному искусству.

— Если бы она плясала въ длинномъ платьѣ, она бы, по крайней мѣрѣ, вымела бы мнѣ дворъ,—проговорилъ присутствовавшiй въ партерѣ дворникъ.

Дворникъ сдѣлалъ именно такое заключенiе, какое онъ долженъ сдѣлать: «собакѣ снится хлѣбъ, а рыба—рыбаку». Естественнѣе этого ничего быть не можетъ.

По мановенiю дворника, прежде всѣхъ и проворнѣе всѣхъ посидѣвшая исчезнуть подъ аркою воротъ захожая публика, наслаждавшаяся *par terre* всѣми вокальными и хореографическими талантами дѣвочки на ходуляхъ; за публикой, сердито ворочая большими черными глазами въ просторныхъ орбитахъ, потянуль, изнемогая подъ своей шарманкой, чахоточный жидъ, которому дѣвочка только-что успѣла передать выкинутый ей за окно пятакъ, и затѣмъ уже сзади всѣхъ и спокойнѣе всѣхъ пошла сама дѣвочка на ходуляхъ. Она удалялась въ томъ же спокойномъ и гордомъ молчанiи, съ которымъ входила назадъ тому нѣсколько минутъ на этотъ дворъ, но изъ глазъ моихъ до сихъ поръ не скрывается ея блѣдный, спокойный лобъ, ея взоръ гордый и профиль Рашеля, этой царственной жидовки, знавшей съ нею умершiй секретъ трогать до глубины онѣмѣвшiя для высокаго чувства сердца буржуазной Европы. Память моя въ своихъ глубочайшихъ нѣдрахъ сохранила дѣтскiй обликъ ходульной плясуньи, и сердце мое и нынче рукоплещетъ ей, какъ рукоплескало въ тотъ несчастный день, когда она, серьезная и спокойная, не даря ни малѣйшаго вниманiя ни глупымъ восторгамъ, ни дерзкимъ насмѣшкамъ, плясала на своихъ высокихъ ходуляхъ и ушла на нихъ съ гордымъ сознаниемъ, что не даровано помазанья свыше тѣмъ, кто не почувствовалъ драмы въ ея даровомъ представленiи.

Я никогда ни одного слова не рассказывалъ о томъ, какъ приходила эта дѣвочка и какъ она плясала на своихъ высокихъ ходуляхъ, ибо во мнѣ всегда было столько такта, чтобы понимать, что во всей этой исторiи ровно нѣтъ ни-

какой исторіи. Но у меня есть другая исторія, которую я вознамѣрился рассказать вамъ, и эта-то исторія такова, что когда я о ней думаю, или, лучше сказать, когда я начинаю думать объ одномъ лицѣ, замѣшанномъ въ эту исторію и играющемъ въ ней столь важную роль, что безъ него не было бы и самой исторіи, я каждый разъ совершенно невольно вспоминаю мою дѣвочку на ходуляхъ. И такъ какъ онѣ не разлучались въ головѣ моей и глядѣли на меня обѣ, когда я думалъ только объ одной изъ нихъ, то я не хочу разлучать ихъ передъ твоими глазами, читатель. Тебѣ было бы жалко, какъ онѣ заплакали бы, заплакали бы, разлучаясь, эти милыя дѣти.

Я лучше желаю, чтобы въ твоёмъ воображеніи въ эту минуту пронеслось блѣдное, спокойное личико полуревенка въ парчевыхъ лохмотьяхъ и приготовило тебя къ встрѣчѣ съ другимъ существомъ, которое въ нашъ вѣкъ, шагающій такой практической походкой, вошло въ жизнь, не трубя передъ собою, но на очень странныхъ ходуляхъ, и на нихъ же и ушло съ гордымъ спокойствіемъ въ темную, неизвѣстную даль.

Маничка Норкъ! гдѣ бы ни была ты теперь, восхитительное дитя Васильевского Острова, по какой бы далекой землѣ ни ступали нынче твои маленькія, слабыя ножки, какое бы солнце ни грѣло твое хрустальное тѣло—всюду я шлю тебѣ мой душевный привѣтъ и мой поклонъ до земли. Всюду я шлю тебѣ, незлобный земной ангелъ, мою просьбу покорную, да простишь ты мнѣ, что я рѣшаюсь рассказать людямъ твою сердечную повѣсть. Протяни мнѣ твои маленькія, прозрачныя ручки; дохни на эти строки твоимъ чистымъ дыханіемъ и поклонись изъ нихъ своей граціозной головкой всему широкому міру Божьему, куда случай занесетъ неискusstный рассказъ мой про твою заснувшую весну, про твою любовь до слезъ, про твои горячіе, пламенные восторги! И чувствуетъ сердце мое, что дошла до тебя моя просьба; я слышу откуда-то, изъ какого-то суроваго далека твой благословляющій голосъ, вижу твою милую головку, поэтическую головку Титаніи, мелькающую въ тѣни темныхъ деревьевъ стараго, сказочнаго лѣса Оберона, и начинаю свой рассказъ о тебѣ, приснопамятный другъ мой.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Я обязанъ представить вамъ геронню моей повѣсти и нѣкоторыхъ лицъ ея семейства. Маничка Норкъ была петербургская, васильеостровская нѣмка. Ея мать, Софья Карловна Норкъ, тоже была нѣмка русская, а не привозная; да и не только Софья Карловна, а даже и ея-то матушка, Мальвина Ѳедоровна, которую лѣтъ пятнадцать уже перекатываютъ по комнатамъ на особо устроенномъ креслѣ на высокихъ колесцахъ, такъ и она и родилась, и прожила весь свой вѣкъ на Островѣ. Отца своего Маничка Норкъ не помнила, потому что осталась послѣ него груднымъ ребенкомъ: онъ умеръ, когда еще старшей Маниной сестрѣ, Бертѣ Ивановнѣ, шелъ всего только шестой годъ отъ роду. Софья Карловна Норкъ овдовѣла въ самыхъ молодыхъ годахъ и осталась послѣ мужа съ тремя дочерьми: Бертой, Идой и Марьей или Маней, о которой будетъ идти начинающійся рассказъ. Мужъ Софьи Карловны, Юганъ-Христіанъ Норкъ былъ по ремеслу токарь, а по происхожденію петербургскій нѣмецъ. Онъ былъ человекъ пунктуально вѣрный, неутомимо трудолюбивый и безукоризненно честный. Работая всѣми этими качествами, Юганъ-Христіанъ Норкъ за сорокъ лѣтъ неуспынаго труда успѣлъ скопить себѣ кое-какую копейку и, отходя къ предкамъ, оставилъ своей вѣрной подругѣ, Софіи Норкъ, кромѣ трехъ дочерей и старой бабушки, еще три тысячи рублей серебромъ государственными кредитными билетами и новенькое токарное заведеніе. Софія Норкъ, схоронивъ мужа, не опустила ни головы, ни рукъ. Оплакавъ свою потерю, она стала думать, какъ ей прожить съ дѣтьми своей головою. Софья Карловна была въ состояніи это обдумать, потому что у нея отъ природы былъ ясный практическій смыслъ, и она знала свое маленькое дѣло еще при мужѣ. Еще и ему она была серьезною помощницею. Не говоря о томъ, что она была хорошей женою, хозяйкою и матерью, она умѣла и продавать въ магазинѣ разныя издѣлія токарнаго производства; понимала толкъ въ работѣ настолько, что могла принимать всякіе, относящіеся до токарнаго дѣла заказы, и, мало этого, на окнѣ ихъ магазина на большомъ, бѣломъ листѣ шляпнаго картона было крупными, четкими буквами написано, на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ: *здесь починаютъ, чи-*

тять, а также и вновь обтягивают матеріей всякіе, дождевые и лѣтніе зонтики. Это было уже собственное производство Софьи Карловны, которымъ она занималась не по нуждѣ какой крайней, а единственно по страстной любви своей къ труду и изъ желанія собственноручно положить хоть какую-нибудь, хоть маленькую, хоть крохотную лепту въ свою семейную корвану. Результаты, однако, скоро показали, что лепта, добываемая Софьею Карловною черезъ обтягиваніе матеріей всякихъ дождевыхъ и лѣтнихъ зонтиковъ, совсѣмъ и не была даже такою ничтожною лептою, чтобы ея не было замѣтно въ домашней корванѣ; а главное-то дѣло, что лепта эта, какъ грошъ евангельской вдовицы, клалась весело и усердно, и не только радовала Иогана-Христіана Норка при его счастливой жизни, но даже помогла ему и умереть спокойно, съ упованьемъ на Бога и съ надеждой на Софью Карловну.

— Софья!—говорилъ онъ, мучительно борясь со смертью:— дѣти... я на тебя... на тебя надѣюсь...

— О, мой Иоганусъ!—отвѣчала, рыдая, Софья Карловна.

— Маньхень, — продолжалъ хрипя умирающій: — береги ее... мою горсточку... мою маленькую...

— О, всѣхъ! всѣхъ, мой Иоганусъ! — отвѣчала опять Софья Карловна, и васильеостровскій нѣмецъ Иоганъ-Христіанъ Норкъ такъ спокойно глядѣлъ въ раскрывавшіяся передъ нимъ темныя врата сѣни смертной, что если бы вы видѣли его тихо меркнувшія очи и его посиѣвную руку, крѣпко сжимавшую руку Софьи Карловны, то очень можетъ быть, что вы и сами пожелали бы предъ вашимъ походомъ въ вѣчность услышать не вопль, не вой, не стоны, не многословныя увѣренія за тѣхъ, кого вы любили, а только одно это слово; одно ваше имя, произнесенное такъ, какъ произнесла имя своего мужа Софья Карловна Норкъ въ отвѣтъ на его просьбу о дѣтяхъ.

Но дороже всего не то, что Софья Карловна умѣла хорошо сказать это слово; это, конечно, важно было только для умиравшаго, а для оставшихся жить всего важнѣе было, что всю музыку этого слова она выдержала.

Токарное производство мужа послѣ его смерти у Софьи Карловны не прекратилось и шло точно такъ же, какъ и при покойникѣ, а на другомъ окнѣ магазина, въ pendant къ вывѣскѣ о зонтикахъ, выступила другая, объявлявшая,

что здѣсь чистятъ и передѣлываютъ соломенные шляпы, а также берутъ въ починку резиновыя калоши и клеятъ разбитое стекло. Прошелъ годъ, два, пять лѣтъ, вывѣски эти неизмѣнно оставались на своихъ мѣстахъ; Софья Карловна неизмѣнно содержала то же самое заведеніе и исправно платила деньги за ту же самую квартиру на Большомъ проспектѣ. Въ это время дѣти подросли, бабушка совсѣмъ выжила изъ вѣка, хотя, впрочемъ, все-таки по-прежнему ѣздила на своемъ колесномъ креслѣ, а Софья Карловна все трудилась, трудилась безъ отдыха, безъ сторонней помощи и вся жила въ своихъ дѣтяхъ. Берта и Ида ходили въ нѣмецкую школу и утѣшали мать прекрасными успѣхами; любимица покойника, Маньхень, его крохотная «горсточка», какъ называлъ онъ этого ребенка, бѣгала и шумѣла, то съ сафьяннымъ мячикомъ, то съ деревяннымъ обручемъ, который гоняла по всѣмъ комнатамъ и магазину.

«О, мой Юганусъ!» — думала Софья Карловна, вздыхая и уныло глядя на рѣзвившагося ребенка.

— О, мой милый Юганусъ! — говорила она вслухъ, ловя убѣгавшую Маньхень и прижимая дѣвочку къ своему увидшему плечу, откуда трудовой потъ давно вытравилъ поцѣлуну истлѣвшаго Югануса, но съ которыми, можетъ-быть, не хотѣла разставаться упрямая память.

Такъ опять шли годы. Состояніе Норкъ, благодаря несущнымъ трудамъ матери, не разстраивалось; фрейлейнъ Берта «отучилась» въ школѣ и прямо съ скамьи сдѣлалась невѣстой нѣкоего Фридриха Шульца, очень хорошаго молодого человѣка, служившаго въ одной коммерческой конторѣ и получавшаго большое содержаніе. Приданнымъ за Бертой Ивановной пошли: во-первыхъ, ея писаная красота и молодость, а, во-вторыхъ, доброе имя ея матери, судя по которой практичный Фридрихъ Шульцъ ждалъ найти доброе яблочко съ добраго дерева. Берта его не обманула. Вторая дѣвица Норкъ, Ида Ивановна, только-что доучилась; а одиннадцатилѣтнюю Маничку только отвели въ школу.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ народныхъ сказкахъ нашихъ часто сказывается, что изъ трехъ дѣтей, рожденныхъ отъ однихъ и тѣхъ же роди-

телей, третій, самый младшій, задается либо всѣхъ умнѣе, либо всѣхъ сильнѣе, либо всѣхъ счастливѣе и удачливѣй. Ходя по русской землѣ, зашла эта сказка и въ семью покойнаго русскаго нѣмца Югана Норка. Маня была дитя совершенно, что говорить, «особенное», какое-то совсѣмъ необыкновенное. Умна и пытлива она была необычайно: добротѣ и чистосердечію ея не было мѣры и предѣловъ: никто въ цѣломъ домѣ не могъ припомнить ни одного случая, чтобы Маничка когда-нибудь на кого-нибудь разсердилась, или кого-нибудь чѣмъ-нибудь обидѣла. Всѣ, знавшіе этого ребенка, удивлялись на него и со страхомъ говорили: охъ, она не будетъ жить на свѣтѣ!

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ, — настаивала старая русская кухарка Норковъ: — что наша барышня, Марья Ивановна, не жилецъ на этомъ свѣтѣ, такъ я за это голову свою дамъ на отсѣченье, что она не жилецъ.

Кухаркѣ головы не отрубили, и Маша росла на общую семейную радость и утѣшеніе.

Для матери и разсыпавшейся пепломъ бабушки этотъ ребенокъ былъ идоломъ; сестры въ ней не слыхали души; слуги любили ее до безумія; а старый подмастерье Норка, суровый Германъ Верманъ, даже часто отказывалъ себѣ въ пятой гальбѣ пива единственно для того только, чтобы принести завтра фрейлейнъ Марѣ хоть апельсинъ, хоть два пирожныхъ, хоть, наконецъ, пару яблокъ. Однимъ словомъ, Маня была домашній идолъ въ полномъ значеніи этого слова. Одно только въ ней сызрана начало тревожить ея мать и бабушку — это какой-то странный, необъяснимый для нихъ переломъ въ ея характерѣ, подготовленный, конечно, ея слишкомъ раннимъ развитіемъ и совершившійся на девятомъ году ея дѣтской жизни. Переломъ этотъ выразился тѣмъ, что неудержимая рѣзвость и безпечная веселость Мани вдругъ оставили ее, словно отлетѣли: легла спать вечеромъ одна дѣвушка, встала другая. Думали, что она больна, попробовали полѣчить — ничто не помогло: добивались у нея, не видала ли она чего-нибудь необыкновеннаго во снѣ — это стало сильно досаждать дѣвочкѣ, она разстроилась и заплакала. Ее оставили въ покоѣ, думая, что это она такъ загрустила и что это непременно пройдетъ. Опять ошиблись: ни игры, ни шалости больше не манили къ себѣ Маню — возвратить ее къ нимъ не было

никакой возможности. Маня, которую, щадя ее слабое здоровье, долго не сажали за книжку, вдруг выучилась читать по-нѣмецки необыкновенно быстро; по-русски она стала читать самоучкой без всякаго указанія. Съ этихъ поръ ее нельзя было разлучить съ книгою. Ручнымъ работамъ она училась усердно и понятно, но обыкновенно спѣшно, торопливо кончала свой урокъ у старой бабушки, или у старшей сестры и сейчасъ же бѣжала къ книгѣ, забивалась съ нею въ уголь и зачитывалась до того, что не могла давать никакого отвѣта на самые простые, обыденные вопросы домашнихъ. Ни веселаго хохота, ни дѣтскихъ игръ не знала съ этихъ поръ Маня; всѣ тѣ, небольшія конечно, удовольствія, которыя доставляла ей мать, она принимала съ благодарностію, но они ее вовсе не занимали. Чтеніе развивало въ ней страшную впечатлительность, которая обратила на себя серьезное вниманіе родныхъ только послѣ слѣдующаго случая. Взяла ее замужняя сестра одинъ разъ въ театръ на *Уголино*, и сама была не рада съ нею, ни спектаклю, ни жизни. Маня разрыдалась въ ложѣ и послѣ того шесть недѣль вылежала въ нервной лихорадкѣ. Каждую почти ночь во время болѣзни она срывалась съ кровати, плакала и кричала:

— Съѣшьте меня! Меня, меня съѣшьте скорѣй!

Впечатлительности дѣвочки стали бояться серьезно. Ее старались удалить отъ всего, что могло, по соображенію родныхъ, сильно вліять на ее душу: отнимали у нея книги, она безропотно отдавала ихъ и, садясь, молчала по цѣлымъ днямъ, лишь машинально исполняя что ей скажутъ, но попрежнему часто невпопадъ отвѣчая на то, о чемъ ее спросить. Родные теряли голову съ этой воспримчивостію Маши. Какъ тщательно они ни берегли ее, но невозможно же все-таки было удалить ее отъ всего, что различными путями добивалось въ ее душу, съ чѣмъ говорило ее чуткое сердечко. Оно говорило съ визгливою пѣснью русской кухарки; съ косящимся на солнце ошпаннѣвшимъ орломъ, котораго напоказъ зѣвакамъ таскать лѣтомъ по Острову ошпаннѣнный и полуголодный мальчикъ; говорило оно и съ умными глазами стриженнаго пуделя, танцующаго въ красномъ фракѣ, подъ звуки разбитой шарманки—со всѣми и со всѣмъ умѣло говорить это маленькое, чуткое сердечко, и унять его говорливость, научить его молчанію не смогъ

даже самъ пасторъ Абель, который, по просьбѣ Софы Карловны Норкъ, со всѣхъ рѣшительно сторонъ, глубоко-мысленно обсудилъ душевную болѣзнь Мани и снабдилъ ее книгами особеннаго выбора.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Мое знакомство съ семействомъ Норкъ началось въ гораздо позднѣйшую эпоху, чѣмъ Манино дѣтство, и началось это знакомство довольно оригинальнымъ образомъ, и притомъ непосредственно черезъ Маню.

Дѣло это-таки, впрочемъ, ужъ было давненько. Жилъ я тогда на Васильевскомъ Островѣ, неподалеку отъ извѣстной нѣмецкой школы. Одинъ разъ лѣтомъ возвращался я откуда-то изъ-за Невы; погода была ясная и жаркая; но вдругъ съ Ладоги дохнулъ вѣтеръ; въ воздухѣ затряслось, зашумѣло; небо нахмурилось, волны на Невѣ сразу метнулись, какъ бѣшенныя; набѣжалъ настоящий шквалъ, и яликъ, на которомъ я переправлялся къ Румянцевской площади, зашвыряло такъ, что я едва держался, а у гребца то одно, то другое весло, не попадая въ воду и сухо вертясь въ уключинахъ, звонко ударялось по бортамъ. Кое-какъ я перебрался на свой Островъ, и чуть только ступилъ на берегъ, какъ хлынулъ азартнѣйшій холодный ливень; вѣтеръ неистово засвисталъ и понесся вдоль линій; крупныя капли били какъ градины: душъ былъ необыкновенный. Я бросился бѣжать, какъ поспѣвали ноги, словно ребенокъ, преслѣдуемый страшными привидѣніями, и, влетѣвъ на свой подъѣздъ, совсѣмъ было-сбилъ съ ногъ спрятавшихся здѣсь отъ дождя двухъ молоденькихъ дѣвочекъ. Обѣ онѣ были мокрехоньки и робко жались у стѣнки. На обѣихъ на нихъ были коричневыя, люстриновыя платья и черныя переднички съ лифами и гофрированными черными же обшивками. Поверхъ платья на одной изъ дѣвочекъ, черномазенькой и востролиценькой брюнеточкѣ, была надѣта пестрая шерстяная тальмочка, а на другой, которую я не успѣлъ разглядѣть сначала, длинная черная тальма изъ легкаго дамскаго полусукна. На головѣ первой дѣвочки была швейцарская соломенная шляпа съ хорошенькими цвѣтами и широкой коричневой лентой, а на второй почти такая же шляпа изъ сѣраго кастора, съ одною черною бархаткой по тулѣ и безъ всякой другой отдѣлки. У обѣ-

ихъ на рукахъ висѣли зеленые шерстяные мѣшечки, въ которыхъ, сквозь взмокшую матерію, ясно обрисовывались корешки книгъ и пеналы.

— Бѣдныя двѣ дѣвочки, какъ тутъ пріютились у насъ на подъѣздѣ! — сказала я, представляясь въ видѣ Язона мутнымъ очамъ добродѣтельнѣйшей въ мірѣ чухонки Эрнестины Крестьяновны, исправлявшей въ моей одинокой квартирѣ должность кухарки и камердинера и называвшей, въ силу многосложности лежавшихъ на ней обязанностей, свое единственное лицо собирательнымъ именемъ: *прислуги*.

— О, мейнъ Готъ! дасъ истъ шреклихъ! — заговорила моя «прислуга».

— Да, говорю, позвать бы ихъ къ намъ, Эрнестина Крестьяновна, чтобъ не простудились онѣ тамъ, стоячи мокрыя на сквозномъ вѣтру.

— О ja, ja! Gott bewahr, — залепетала «прислуга» и побѣжала на лѣстницу.

— Ну, сто? — начала она, появляясь черезъ минуту назадъ съ растопыренными руками и съ неописаннымъ смущеніемъ на лицѣ: — одинъ какъ совсѣмъ коцитъ, а другой совсѣмъ не коцитъ; ну, и сто я здѣлать?

Я вышелъ на подъѣздъ самъ. Дѣвочки попрежнему жалась у стѣнки; черненькая нѣсколько выдавалась впередъ, а другая совсѣмъ западала за ея плечико.

— Войдите, сдѣлайте мѣлость, къ намъ, пока перейдетъ дождикъ, — сказала я, обращаясь къ обѣимъ дѣтямъ безразлично.

Черненькая взглянула на меня быстро, но ничего не отвѣтила, а по глазамъ ея видно было, что ей тутъ очень неловко и что она рѣшительно не прочь бы зайти и пообогрѣться въ комнатѣ.

— Пожалуйста, зайдите! — повторилъ я, и въ эту минуту замѣтилъ изъ-подъ локтя передней дѣвочки крошечную ручонку, которая безпрестанно теребила и трясла этотъ локоть сосѣдки изо всей своей силы.

— Мы вамъ ничего худого не сдѣлаемъ; намъ только жаль, что вы здѣсь стоите, — обратился я къ черненькой и снова замѣтилъ, что ручонка ея сосѣдки подъ ея локоткомъ задергала съ удвоеннымъ усердіемъ.

— Она не хочетъ, а я безъ нея не могу, — отвѣчала, краснѣя и застѣнчиво улыбаясь, черненькая дѣвочка, и чуть

только она произнесла эти слова, какъ безпокойная ручка, назойливо теребившая ея локотокъ, отпала и юркнула под мокрую черную тальму.

— Какъ вамъ не стыдно бояться!

— Я ничего не боюсь, — чуть слышно прошептала задняя дѣвочка и въ ту же секунду тронулась съ мѣста; черненькая тоже пошла съ нею, и обѣ рядышкомъ онѣ вступили въ мои апартаменты, которые, впрочемъ, выглядели очень уютно и даже комфортно, особенно со входа съ непогожаго надворья. Впрочемъ, теперешній видъ моего жилья очень много выигрываетъ оттого, что предупредительная Эрнестина Крестьяновна въ одну минуту развела въ каминѣ самый яркій, трескучій огонекъ.

Завидя въ передней гостей, «прислуга» моя выбѣжала уточкой и начала около нихъ кататься, стаскивая съ нихъ мокрая тальмы и шляпы, встряхивая ихъ юбочки и обтирая ихъ козловые сапожки.

Черезъ минуту гости, держась рука за руку, робко вступили въ мою зальцу и, пройдя три шага отъ двери, тотчасъ сдѣлали мнѣ самый милый книксенъ.

— Пожалуйте сюда къ камину, — попросилъ я ихъ въ кабинетъ.

Дѣвочки двинулись впередъ, снова держась рука за руку, и, оглянувшись по новой комнатѣ, обѣ стали у огня.

— Садитесь, — попросилъ я ихъ, пододвигая имъ два кресла.

Дѣвочки вмѣстѣ поклонились; очень оригинально усѣлись вдвоемъ на одномъ креслѣ, расправили юбочки и сушили ножки.

— А я сейчасъ будить горяцій кофе давай, — радостно объявила Эрнестина Крестьяновна и ушла въ кухню.

Я сталъ себѣ свертывать папирску и молча разсматривать моихъ гостей. Обѣ онѣ были не дѣвочки и не дѣвушки, а среднее между тѣмъ и другимъ, какъ говорятъ — *подросточки*. Черненькой, на видъ, было лѣтъ пятнадцать, и правильныя, тонкія черты ея лица обѣщали изъ нея со временемъ что-то очень красивое; но это должно было случиться, когда линіи лица протянутся до назначенныхъ имъ точекъ и живыя краски юности расцвѣтятъ дѣтскую смуглость нѣжной, тонкой кожи. Другая, которая, стоя въ коридорѣ, все западала за свою подругу, была совсѣмъ въ

пномъ родѣ: по росту и сложенію ей можно было дать лѣтъ тринадцать, а по лбу и бровямъ гораздо болѣе, чѣмъ ей подругѣ. Эта дѣвочка была некрасивая и никогда не обѣщавшая быть красавицей, но вся она была какое-то счастливѣйшее сочетаніе ума, граціи и прелести. Фигурка ея была необыкновенно стройная, такая «мишьянная», волосы тонкіе, легкіе, свѣтло-пепельнаго цвѣта; носикъ строгій, губки довольно полныя; правильно оканчивающійся подбородокъ и удивительной тонкости и бѣлизны шейка, напоминающая красивую и гибкую шейку цацарки. Но всего замѣчательнѣй въ этомъ лицѣ были глаза, эти окна души, какъ ихъ называли поэты — окна, въ которыя внутренней человекъ смотритъ на свѣтъ изъ своего футляра. Большіе бирюзовые глаза эти были непременно очень близоруки. Это заключеніе возникало у меня вслѣдствіе того, что дѣвочка при каждомъ, относящемся къ ней вопросѣ, поворачивалась къ говорящему всѣмъ тѣломъ, выдвигала нѣсколько впередъ головку и мило щурила свои глазки, чтобы лучше разглядѣть того, кто говорилъ съ нею. Ничего въ мірѣ нѣтъ мудренѣе и неразгаданнѣе такихъ близорукихъ глазъ. Можно подумать, что они долго глядятъ не видя ничего, кромѣ свѣта, и вдругъ сосредоточатся на чемъ-нибудь одномъ, взглянуть глубоко и тотчасъ же спрячутся за свои таинственныя рѣсницы, точно робкія серны, убѣгающія за нагорныя сосны.

Замѣчаютъ, что большинство близорукихъ людей бываютъ очень мечтательны и что у нихъ весьма часто бываетъ сильно развита фантазія. Можетъ-быть, въ этомъ замѣчаніи есть своя доля правды.

Въ то время, когда я, разсматривая моихъ гостей, предавался всѣмъ этимъ соображеніямъ, «прислуга» вошла и поставила на столъ подносъ съ тремя чашками горячаго кофе.

— Фрейлинъ, бите зеръ тринкенъ зей шнеллеръ кафе, — пригласила Эрнестина Крестьяновна.

Черненькая дѣвочка толкнула слегка локоткомъ пепельную блондинку, и обѣ ни съ мѣста.

Я всталъ и подаль имъ кофе.

— Ахъ, поставьте, мы возьмемъ сами, — отвѣчала, конфузясь, брюнетка.

Она встала, отряхнула начинавшія высыхать юбочки и, подойдя къ столу, бликнула:

— Маньхенъ!

— Мм!—отозвалась Маньхенъ и, полуоборотясь, прищурила глазки.

— Бери же! — произнесла, продолжая безпрестанно мѣняться въ лицѣ, чернушка.

Маня еще прищурилась, пока рассмотрѣла стоящій на столѣ кофе, и торопливо отвѣчала по-нѣмецки:

— Ich danke sehr, Klara; ich will nicht.

— Отчего же вы не хотите согрѣться?—спросилъ я какъ сумѣлъ ласковѣе.

— Благодарю васъ, — отвѣчала чистымъ русскимъ языкомъ Маня.

— Вы церемонитесь?

— Нѣтъ... я... не озябла.

— Чашка кофе все-таки вамъ не повредитъ.

Маня опять прищурила глазки, встала, и, слегка покачиваясь на своихъ ножкахъ, подошла къ столику.

Теперь я рассмотрѣлъ, что платья обѣихъ дѣвушекъ были не совсѣмъ коротенькія, но на подъемѣ такъ, что всѣ ихъ полусаложки и даже съ полвершка бѣленькихъ чудочекъ были открыты. Дождь на дворѣ не прекращался; вѣтеръ сердито рвалъ въ каминной трубѣ и ударялъ въ окна цѣлыми потоками крупнаго ливня; а вдалькѣ гдѣ-то грянулъ громъ и раскатился по небу.

— Громъ!—проговорила Маня.

— Да, а вы боитесь грома?

— Я? — да, я боюсь грома; а мой мама... Ида... Онѣ знаютъ, что я боюсь.

— Хотите, мы пошлемъ сказать, чтобы о васъ не беспокоились? Далеко вы живете?

— Вотъ тутъ, всего черезъ двѣ линіи; тутъ магазинъ нашъ, магазинъ Норкъ.

Я отвѣчалъ, что знаю, гдѣ ихъ магазинъ.

— Но посылать, пожалуйста, не надо.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо, какъ можно! — заговорила она, увидя, что я хотѣлъ повернуться къ кухнѣ.

— Нѣтъ, прошу васъ, пожалуйста, не посылайте бѣдную старушку.

Я вызвался сходить самъ.

— Ахъ, нѣтъ, пожалуйста, не надо!

— Но ваши будутъ беспокоиться.

— Нѣтъ, пожалуйста... Они догадаются, что мы съ Кларинькой куда-нибудь зашли. Теперь я вспомнила, что они подумаютъ, что мы ждемъ въ школь.

Сколько я ни старался уговаривать Маньхень, она ни за что не соглашалась ни пустить меня по дождю, ни послать «бѣдную старушку».

А погода, дѣйствительно, разыгралась во всю свою финскую мочь; все небо заволочло черною, свинцовою тучею; удары грома катились быстрѣе и непосредственнѣе вслѣдъ за скользившими зигзагами молній.

— Маня, сколько здѣсь книгъ!—сказала изъ угла, стоя у моего книжнаго шкапа, Кларинька.

Маня сощурила глазки и, держа въ зубахъ отломленный кусочекъ сухарика, наклонила головку впередъ по голосу Клары.

— Гдѣ?—спросила она, очень внимательно и необыкновенно тихо.

— Вотъ цѣлый шкапъ.

Маня такъ и пошла къ шкапу съ чашкою въ рукахъ и кусочкомъ сухарика между зубками.

— Вы любите книги?—спросилъ я, подходя вслѣдъ за нею къ шкапу.

— Да, я люблю,—уронила она едва слышно.

— Сколько ихъ тутъ!—удивлялась Клара.

Маня воззрлась въ корешки книгъ, какъ газель въ лѣбную чашу; сухарикъ такъ непрежнему оставался неразгрызенный въ ея губкахъ.

— Вы много читаете?—спросилъ я Клару.

— Я? Нѣтъ; я такъ читаю... когда захочется; а она всегда читаетъ.

— Маньхень!—добавила она:—посмотри, цѣлый Пушкинъ.

Маня передвинулась молча и опять стала глядѣть въ перешлеты; я не сводилъ глазъ съ ея живыхъ, то щурившихся, то широко раскрывавшихся глазъ и блѣднаго, прозрачнаго личика.

Она читала названья книгъ съ такою жадностію, какъ будто кушала какой-нибудь сладкій запрещенный плодъ, и читала не одними глазами, а всѣмъ своимъ существомъ. Это видно было по ея окаменѣвшимъ ручкамъ, по ея вытянутой шейкѣ, по ея губкамъ, которыя хотя не двигались

сами, но около которыхъ, подъ тонкой кожицей, что-то шевелилось какъ гусеница.

Такъ прошло семь или восемь минутъ. Маня все стояла у шкапа, и червячокъ все ворочался около ея губокъ, какъ вдругъ раздался страшный ударъ грома и съ трескомъ раскатился по небу. Маня слабо вскрикнула, быстро бросила на полъ чашку и, забывъ всякую застѣнчивость, сильно схватилась за мою руку.

Разлетѣвшаяся вдребезги чашка и зазвенѣвшая по полу ложечка испугали ее еще болѣе.

— Идти! идти! — прошептала она, схватившись въ испугѣ за мою руку и совсѣмъ подбѣваясь подъ мой локоть.

Я не могъ понять, что значить ей *идти*, и старался какъ умѣлъ и какъ могъ ее успокоить, но она все тревожилась, вздрагивала, зорко смотрѣла впередъ, и каждый разъ крѣпче жалась ко мнѣ при всякомъ новомъ ударѣ.

— Какъ жаль, что вы такъ боитесь грома! — началъ я, когда гроза утихла и небо стала понемножку свѣтлѣть и разясняться.

Маня, молча, взглянула на меня, потомъ на разбитую чашку и пролитый кофе, и опять прошептала:

— *Идти.*

— Теперь невозможно идти.

Дѣвушка задумалась.

— Васъ вѣрно напугалъ кто-нибудь?

— Н-вѣтъ... это такъ... вліяніе...

Все существо Мани опять разомъ выразило, что ей очень тяжело отъ этого *вліянія*, и тоненькій червячокъ снова заѣгалъ подъ кожей около ея губокъ.

— Идти, — заговорила она, крѣпко сжимая мою руку: — нужно скорѣе идти... идти...

Она задрожала и жалась ко мнѣ съ выраженіемъ ужаса и какъ будто съ мольбой, чтобъ я удерживалъ ее, чтобъ не пускалъ ее куда-то *идти*.

Гроза стихла.

Я ничего не сталъ разспрашивать Маню объ этомъ, какъ она называла, «вліяніи», и какъ только немножко распогодилось, одѣлся и пошелъ проводить ихъ. Магазины Норкъ были отъ моей квартиры въ нѣсколькихъ минутахъ ходьбы. Мы всѣ втроемъ перешли это разстояніе очень скоро и, едва успѣли взяться за дверную ручку, какъ въ магазинѣ

раздался сумасшедшій крикъ, и въ одно мгновеніе Маня совсѣмъ исчезла въ какой-то необъятной кучѣ свѣтлаго ситца. Ситець этотъ закутывалъ Маню, шевелился около нея, пожиралъ ее и издавалъ слабое, почти мышинное пищаніе, а вдалекѣ, гдѣ-то комнаты за двѣ, послышалось порывистое дерганье, какъ будто кто-то тянуть слабою рукою колодезный цеборъ. Звуки эти все слышались ближе и ближе и, наконецъ, въ противоположной двери показалось высокое желѣзное кресло съ большими колесами, круглые ободы которыхъ были тщательно обмотаны зеленой суконной покрывкой. На этомъ креслѣ, положила руки на ободья колесъ, сидѣла сама старость съ младенчески шаткой головою и ушедшими въ затылокъ глазами. Темный полосатенькій капотъ и бѣлый чепецъ, которымъ была покрыта подѣхавшая фигура, слегка тряслись и дрожали. Даже нестрѣй шотландскій пледъ, закрывавшій недвижимыя ноги старушки, слегка шевелился.

При появленіи этого кресла, ситець, поглотившій Маню, заворочился еще сильнѣе; изъ него поднялись двѣ красноватыя руки, взмахнули на воздухъ и опять утонули въ складкахъ, а насупротивъ ихъ показалась пара другихъ, болѣе свѣжихъ рукъ, и эти тоже взмахнули и также исчезли въ ситцевой пѣнѣ. Затѣмъ показалась головка Мани, а возлѣ нея, у самыхъ щекъ, отцвѣтшая женская голова съ полусѣдыми локонами и гладко причесанная бѣлокурая головка дѣвушки, волосы которой громко объявляли о своемъ ближайшемъ родствѣ съ волосами Мани. Это были ея мать и сестра Ида, а въ дверяхъ на креслѣ—Манина бабушка.

Мы съ дѣвочкой Кларой двое оставались сторонними зрителями этой сцены и на насъ никто не обращалъ ровно никакого вниманія. Маню обнимали, цѣловали, ощупывали ея платьице, волосы, трогали ее за ручки, за шейку, ласково трепали по щечкамъ и вообще какъ бы старались удостовѣриться, не сонъ ли все это? не привидѣніе ли? дѣйствительно ли это она, живая Маня съ своей маленькой и слабою плотью?

Мнѣ очень хотѣлось уйти и не мѣшать этой семейной сценѣ, но въ то же время я чувствовалъ необходимость рассказать въ оправданіе дѣвушекъ, гдѣ онѣ были и по какому случаю попали ко мнѣ.

— Ахъ, какъ мы васъ можемъ благодарить! Я не умѣю

сказать вамъ, какъ я вамъ благодарна, — отвѣчала мнѣ восторженно Софья Карловна, когда Маня перешла въ объятія бабушки, а я наскоро рассказалъ кое-какъ всю эту исторію.

Софья Карловна непременно просила меня остаться пить чай; она говорила, что сейчасъ будетъ ея зять, который уже цѣлый часъ рыщетъ съ своимъ знакомымъ художникомъ Истомвнымъ по всему Острову, отыскивая вездѣ бѣдную Маню. Я отказался отъ чаю и вышелъ.

Софья Карловна, прощаясь, взяла съ меня слово, чтобы я непременно зашелъ къ нимъ и былъ бы ихъ хорошимъ знакомымъ. Я далъ такое слово и сдержалъ его, даже и во второмъ отношеніи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

На другое утро ко мнѣ зашелъ незнакомый, очень щеголевато и въ то же время очень солидно одѣтый, плотный, коротко стриженный господинъ съ здоровымъ смуглымъ лицомъ, бархатными бакенбардами и очень хорошими черными глазами. Онъ назвалъ себя Фридрихомъ Шульцемъ; сказалъ, что онъ зять мадамъ Норкъ и что пришелъ поблагодарить меня отъ тещи и отъ себя за вниманіе, оказанное вчера дѣтямъ. Фридрихъ Шульцъ говорилъ немного, держался съ тактомъ и вообще велъ себя человѣкомъ выдержаннымъ. Въ заключеніе своего короткаго визита онъ выразилъ надежду, что мы будемъ знакомы, и мы съ нимъ простились.

Черезъ день послѣ визита, сдѣланнаго мнѣ Шульцемъ, я отправился къ Норкамъ узнать о здоровьѣ Мани. Это было передъ вечеромъ. Маня сама отперла мнѣ двери и этимъ сдѣлала вопросъ о ея здоровьѣ почти неумѣстнымъ, но, тѣмъ не менѣе, меня всѣ встрѣтили здѣсь очень радушно, и я очень скоро не только познакомился съ семействомъ Норковъ, но даже сталъ въ немъ почти своимъ, или, по крайней мѣрѣ, очень близкимъ человѣкомъ.

Здѣсь я долженъ сдѣлать нѣкоторое, весьма короткое, впрочемъ, отступление для того, чтобы познакомить читателя со всѣми лицами семейства Норковъ въ ту именно пору, къ которой относится этотъ рассказъ, и при этомъ показать ихъ чистенькое жилище.

Самымъ старымъ лицомъ здѣсь была утлая бабушка

Норкъ. Ей было уже восемьдесятъ-три года; она была нѣкогда и умна, и красива, и добродѣтельная; нынче она была просто развалина, но развалина весьма опрятная, не обдававшая ни пылью, ни плѣсенью и не раздражавшая ничего уха скрипомъ желѣзныхъ ставень, которые во всѣхъ развалинахъ такъ безтолково двигаются изъ стороны въ сторону и несносно скрипятъ на заржавѣвшихъ крючьяхъ. У старушки Норкъ оставалось довольно ума и очень много сердца, для того, чтобы любить каждый листочекъ дерева, выросшаго изъ ея праматеринскаго лона, и между всѣми этими вѣточками и листочками, самымъ любимымъ листкомъ старушки была опять-таки та же младшая внучка, Маничка Норкъ. О Софѣ Карловнѣ мы знаемъ достаточно, чтобы не говорить о ней въ особенности. Она осталась навсегда доброю матерью и хорошею хозяйкою, но съ лѣтами послѣ мужа значительно располнѣла; горе и заботы провели у нея по лбу двѣ глубокия морщины; а торговыя столкновения и расчеты приучили ея лицо къ нѣсколько суровому, такъ сказать, суходѣльному выраженію, которое замѣчается почти у всѣхъ женщинъ, поставленныхъ въ необходимость лично вести дѣла не женскаго хозяйства. Берта Ивановна Шульцъ была прежде всего и больше всего красавица, здоровая, свѣжая, бѣлая, роскошная, очень добрая, угодливая, вѣрная жена, страстно нѣжная мать и безцѣнная хозяйка. Лучшимъ аттестатомъ семейнымъ добродѣтелямъ Берты Ивановны былъ мужъ ея, Фридрихъ Фридриховичъ Шульцъ. Всегда практически умный, здоровый и веселый Фридрихъ Шульцъ, въ качествѣ мужа Берты Ивановны, раздобрѣлъ еще болѣе; его веселый смѣхъ со времени женитьбы сталъ слышаться еще чаще и громче, а на лицѣ его явилось еще болѣе самоувѣренности. Въ этой самоувѣренности, которая лежала на лицѣ Шульца, не было, впрочемъ, ничего заносчиваго и обиднаго. Только при взглядѣ на свою жену, или при разговорѣ о ней, Фридрихъ Шульцъ примѣшивалъ къ своей безобидной самоувѣренности нѣкоторую надменность.

— Ну-ка, — говорило тогда его лицо гостямъ, угощавшимся у его хлѣбосольной трапезы:—ну-ка, скажите-ка, мои голубчики, у кого изъ васъ есть такая жена?

— А ни у кого у васъ нѣтъ такой жены, да и ни у кого не можетъ быть такой жены, — добавляло оно, слѣдя за плававшей лебедью Бертой Ивановной. — А вотъ посмотрите,

какой еще я куплю моей Бертиныкѣ домъ — такъ тоже у васъ ни у кого и дома такого никогда не будетъ.

Ссоръ и неладовъ у этого супружества никогда не бывало. Ибо если иногда Берта Ивановна, отягощаясь далеко за полночь заходившими у мужа пирушками, и говорила ему по-нѣмецки: «лучше бы они, Фрицъ, пораньше къ тебѣ собирались», то Фридрихъ Фридриховичъ обыкновенно отвѣчалъ на это своей женѣ по-русски: «Эй, Берта Ивановна, смотрите, чтобъ мы съ вами, мой другъ, какъ-нибудь не поспорились!» и тѣмъ все дѣло и кончалось.

Ида Ивановна, оставшаяся до сихъ поръ дѣвушкою, была иной человѣкъ, чѣмъ ея сестра, Берта Шульцъ, и совсѣмъ иной, чѣмъ сестра ея Маня. Ида была очень недурна собой. Ростъ у нея былъ прекрасный и фигура очень стройная, такъ что, глядя сзади на ея роскошныя плечи, гибкую талію и граціозную шейку, на которой была граціозно поставлена пропорціональная головка, обремененная густѣйшими русыми волосами, можно было держать пари, что передъ вами женщина, не разъ заставлявшая усиленно биться не одно мужское сердце; но стоило Идѣ Ивановнѣ повернуться къ вамъ своимъ милымъ и даже, пожалуй, красивымъ лицомъ, и вы сейчасъ спѣшили взять назадъ составившееся у васъ на этотъ счетъ предположеніе. У Иды Ивановны былъ высокій, строгій профиль, почти безъ кровинки во всемъ лицѣ; открытый, благородный лобъ ея былъ просто прекрасенъ, но его ледяное спокойствіе дѣйствовало какъ-то очень странно; оно не говорило: «оставь надежду навсегда», но говорило: «прошу на благородную дистанцію!» Небольшой, тонкій носъ Иды Ивановны шелъ какъ нельзя болѣе подъ-стать ея холодному лбу; широко разставленные, глубокіе сѣрые глаза смотрѣли умно и добро, но немножко иронически; а въ блѣдныхъ щекахъ и нѣсколько узенькомъ подбородкѣ было много какой-то пассивной силы, силы терпѣнія. Въ губахъ у старшей дѣвicy Норкъ было нѣчто общее съ Манею, но это *ничто* и здѣсь было совершенно неумовимо. Оно и здѣсь тоже совсѣмъ не принадлежало самимъ устами Иды Ивановны, а это именно былъ опять такой же червячокъ, который шевелился, пробѣгалъ по ея верхней губѣ и снова скрывался гдѣ-то, не то въ крови, не то въ воздухѣ.

Самыя уста Иды Ивановны были необыкновенно странны:

это не были тонкія, блѣдныя губы, постоянно ронщущія на свое малокровіе: это не былъ пунсовый ротикъ, протестующій противъ спокойнаго величія стального лица живыхъ особъ, напрасно носящихъ холодную маску Діаны. Уста Иды были въ мѣру живы и въ мѣру красны; но и опять вы почему-то понимали, что они никогда никого не поцѣлуютъ инымъ поцѣлуемъ, какъ поцѣлуемъ родственной любви и дружбы. Оставивъ пансіонъ, Ида Ивановна на другой же день поставила себѣ стулъ за прилавокъ магазина и сдѣлалась самой усердной и самой полезной помощницей своей матери. Софья Карловна не ставила Иду Ивановну никому въ примѣръ, и даже не такъ, можетъ-быть, нѣжно любила ее, какъ Маню, но зато высоко ее уважала и скоро привыкла ничего не предпринимать и ни на что не рѣшаться безъ совѣта Иды. О томъ, что Ида Ивановна тоже дѣвушка, что она тоже можетъ кого-нибудь полюбить и выйти замужъ, въ семействѣ Норкъ, кажется, никто не подумалъ ни одного раза. Даже прагматическому Шульцу, относившемуся къ свояченицамъ и къ тещѣ съ самымъ горячимъ участіемъ, и ему сдавалось, что Ида совсѣмъ что-то такое, такъ собственно и рожденное исключительно для семьи Норковъ и имѣющее здѣсь, въ этой семьѣ, свое вѣковѣчное мѣсто. Есть такія странныя дѣвушки, такъ уже вотъ и прикрѣпленные на всю жизнь свою къ родимой семьѣ. Такъ это на нихъ и знаменуется: взглянешь и сейчасъ это видишь. Такихъ дѣвушекъ очень часто приходится встрѣчать въ нашемъ сельскомъ духовенствѣ, и особенно много ихъ въ благовоспитанныхъ семьяхъ небогатыхъ петербургскихъ нѣмцевъ. Чуть не съ колыбели какая-то роковая судьба обрекаетъ ихъ въ хранительницъ родительской старости, да въ няньки сестриныхъ дѣтей, и этотъ оброкъ такъ вѣрно исполняется ими до гроба. Они дѣлаются *крѣпкими* своему положенію до того, что упасть, или немножко пошатнуться, или скользнуть, хотя немножечко одной ногою, для нихъ ужъ невозможно. Не знаю, надобно ли къ этому ужъ прямо родиться или можно себя приучить жить для такихъ цѣлей, но знаю, что такова именно была Ида, хотя на прекрасномъ лицѣ ея и не было написано: «навѣкъ оставь надежду». Печать иная почивала на этомъ обликѣ: вамъ вѣрить ей хотѣлось все, что вамъ мило и дорого на свѣтѣ, и ваше внутреннее чув-

ство вамъ за нее клялось, что ни соблазнъ любовныхъ словъ, ни *золото, ни почести, ни діадема королевы врасплохъ ее застать не могутъ и не возьмутъ ее въ осаду. Око ея было свѣтло, сердце чисто.

Въ заключеніе упомяну еще о подмастерьѣ Германѣ Верманѣ, который самъ себя не отдѣлялъ отъ семейства Норковъ и котораго грѣхъ было бы отдѣлить отъ него въ этомъ разсказѣ.

Германъ Верманъ былъ небольшой, очень коренастый старикъ, съ угловатою головою и густыми черными, съ просѣдью волосами, которые всѣ называли *дикими* и по которымъ Ида Ивановна самого Вермана прозвала «Соважѣмъ». Соважъ былъ старикъ честнѣйшій и добрѣйшій, хороший мастеръ и хороший пьяница. По наружности онъ болѣе былъ похожъ на француза, чѣмъ на нѣмца, а по нраву на англичанина; но въ существѣ онъ былъ все-таки нѣмецъ, и самый строгій нѣмецъ.

Жили Норки въ небольшомъ деревянномъ домѣ на углу одной изъ ближайшихъ линій и Большого проспекта, дома котораго, какъ извѣстно, имѣютъ вдоль фасадовъ довольно густые и тѣнистые садики, дѣлающіе проспектъ едва ли не самую пріятную улицу не только Острова, но и всего Петербурга. Въ пяти окнахъ, выходившихъ на линію, у Норковъ помѣщался магазинъ и мастерская, въ которой жилъ и работалъ съ учениками Германъ Верманъ. Жилыя комнаты (которыхъ счетомъ было четыре) всѣ выходили окнами въ густой садикъ по Большому проспекту. Здѣсь, тотчасъ влѣво отъ магазина, была большая, очень хорошо меблированная зала, съ занавѣсками, вязанными ругами Иды Ивановны, съ мебелью, покрытою бѣлыми чехлами, и съ хорошимъ фортепяно. Далѣе шла маленькая гостиная для короткихъ друзей. Это просто былъ кусокъ спальни Софьи Карловны, отдѣленный красивыми ширмами краснаго дерева и установленный мягкой голубою мебелью. За ширмами была самая спальня. Другія двѣ комнаты, выходившія окнами на дворъ, отдѣлялись отъ двухъ первыхъ широкимъ свѣтлымъ коридоромъ. Въ углу коридора, совершенно въ сторонкѣ, была комната бабушки, а прямо противъ импровизированной гостиной—большая и очень хорошая комната Иды и Мани. Комната эта была ихъ спальнею и тутъ же стояли два маленькіе письменные стола. Далѣе, въ концѣ

коридора, сейчас за комнатою двѣиць, была кухня, имѣвшая, посредствомъ особаго коридорчика, сообщеніе съ мастерскою, гдѣ жилъ Германъ Верманъ; а изъ кухни на дворъ шель особый, черный ходъ съ деревяннымъ крыльчкомъ.

Квартира эта по улицѣ была въ первомъ этажѣ, но со двора подъ нею былъ еще устроенъ невысокій полуэтажъ, и какъ разъ подъ однимъ изъ оконъ двѣиць выходило крыльцо этого полуэтажа, покрытое широкимъ навѣсомъ изъ кровельнаго желѣза.

Жило семейство Норковъ какъ нельзя тише и скромнѣе. Кромѣ какихъ-то двухъ старушекъ и пастора Абеля, у нихъ запросто не бывалъ никто. Съ выходомъ замужъ Берты Ивановны, которая поселилась съ своимъ мужемъ черезъ два дома отъ матери, ежедневнымъ ихъ посѣтителемъ сдѣлался зять. Шульцъ вмѣстѣ съ женою навѣщаль тещину семью аккуратно каждый вечеръ и былъ настоящимъ ихъ сѣмьяниномъ и сыномъ Софьи Карловны. Потомъ въ домѣ ихъ, по извѣстному читателямъ случаю, появился я, и въ тотъ же день, велѣдъ за моимъ выходомъ, Шульцъ привезъ художника Истомина.

Художникъ Романъ Прокофьевичъ Истомина, еще очень незадолго передъ этимъ событіемъ, выдѣлился изъ ряда своихъ товарищей одною весьма талантливою работою, давшою ему сразу имя, деньги, знакомства многихъ великихъ міра сего и расположеніе множества женщинъ. Все это, вмѣстѣ взятое, съ одной стороны дѣлало Истомина уже въ то время лицомъ довольно интереснымъ, а съ другой—снабжало его кучею враговъ и завистниковъ, которыхъ всегда такъ легко пріобрѣтаетъ себѣ всякое дарованіе, не только въ средѣ собратій по профессіи, но и вообще у всего мѣщанствующаго разума, живо чувствующаго безсиліе своей практической лошади передъ огненнымъ конемъ таланта. Талантливости Истомина не отвергалъ никто, но одни находили, что талантливость эта все-таки не имѣетъ того значенія, которое придаютъ ей; другіе утверждали, что талантъ Истомина самъ по себѣ великъ, но что онъ принимаетъ ложное направленіе; что деньги и покровительства губятъ его, а въ это время Истомина вышелъ въ свѣтъ съ другою работою, показавшею, что талантъ его не губится ни знакомствами, ни деньгами, и его завистники обратились въ злѣйшихъ его враговъ. Истомину шла удача за

удачею въ жизни и необыкновенное счастье въ любви. У него бывали любовницы во всѣхъ общественныхъ слояхъ, начиная съ академическихъ натурщицъ до... ну, да до самыхъ неприступныхъ Діанъ и грандесъ, покровительствующихъ искусствамъ. Последнее обстоятельство имѣло на художественную натуру Истомина свое неотразимое вліяніе. Красивое, часто дышавшее истиннымъ вдохновеніемъ и страстью лицо Истомина стало дерзкимъ, вызывающимъ и надменнымъ; на зло своимъ врагамъ и завистникамъ, онъ началъ выставлять на видъ и напоказъ всѣ выгоды своего положенія—квартиру свою онъ обратилъ въ самую роскошную студию, одѣвался богато, жилъ весело, о женщинахъ говорилъ нехотя, съ гримасами, пренебрежительно и всегда цинически.

Я слышалъ объ Истоминѣ много хорошаго и еще больше худого, но самъ никогда не видалъ его. Извѣстно мнѣ было, что онъ существуетъ, что онъ едва ли не одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ молодыхъ талантовъ въ академіи, что онъ идетъ въ гору—и только. Зналъ я также, что Истоминъ состоитъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Фридрихомъ Шульцемъ, а отъ Иды Ивановны слышалъ, что Шульцъ вообще страстный охотникъ водить знакомство съ знаменитостями и потому ухаживаетъ и за Истоминимъ.

— Это Ахиллессова пята нашего Фрица,—шутила Ида.

Только я и зналъ объ Истоминѣ. Въ домѣ Норковъ со дня своего перваго посѣщенія онъ не былъ ни разу, да и нечего было ему здѣсь и дѣлать въ этой тихой, скромнѣйшей семьѣ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Сблизаясь съ семействомъ Норковъ, я, разумѣется, познакомился ближе и съ Фридрихомъ Шульцемъ. Человѣкъ этотъ, какъ я уже сказалъ выше, съ первой же встрѣчи показался мнѣ образцомъ самой хорошей порядочности, но... Богъ его знаетъ, что въ немъ было такое, что какъ-то не располагало къ нему и не влекло. Фридрихъ Фридриховичъ былъ и хлѣбосоль, и человѣкъ не только готовый на всякую послугу, но даже напрашивавшійся на нее; онъ и патріотизму русскому льстилъ, стараясь какъ нельзя болѣе во всемъ русить; и за дѣла его можно было только уважать его, а все-таки онъ какъ-то не располагалъ человѣка искренно

въ свою пользу. Определительно въ немъ чувствовался недостатокъ простоты, благоуханно почившей въ воздухѣ, которымъ дышало семейство Норковъ. Зайдешь, бывало, къ Фридриху Фридриховичу—онъ встрѣчаетъ радушно: «добро пожаловать!» кричить, бывало, еще чуть ногу за порогъ переставишь:—«Проходите, батюшка, къ моей бабѣ, а я тутъ съ людишками поразверстаюсь», докончить онъ, указывая на стоящихъ артельщиковъ. Кажется, будто и чистосердечно, и привѣтливо, и просто, а чувствуешь, что нѣтъ во всемъ этомъ ни чистосердечія, ни простоты, ни привѣта. Пойдешь къ Бертѣ Ивановнѣ—та тоже встрѣтитъ съ улыбкой, съ вѣчно одинаковой, доброй улыбкой; расскажетъ, что ея Фрицъ совсѣмъ измучился; что они ѣздили вчера смотрѣть Газе, и что Газе въ Людовикѣ, по ея мнѣнію, гораздо лучше, чѣмъ въ Кромвелѣ, а что о Раабѣ и о Гювартѣ, право, гораздо больше говорятъ, чѣмъ они заслуживаютъ. Но и отъ этой доброй улыбки Берты Ивановны, и отъ этихъ ея рассказовъ не согрѣвается душа и не теплѣетъ на сердцѣ. Проболтаешь съ полчаса, входитъ Фридрихъ Фридриховичъ, отдуется, упадетъ съ видомъ утомленія на диванъ и, разгладивъ бархатные бакенбарды, начинаетъ:

— А у меня, милостивецъ мой, опять какой мудреный крендель нынче завернулся. Тутъ, прости меня Господи, съ этой срундой съ своей не можешь никакъ себя хорошо сообразить, а вчера только прѣзжаю, застаю повѣстку, что молодые Коровниковы выпросили меня себѣ попечителемъ. Ну, помилуйте, скажите, что это такое?! Вѣдь это же, наконецъ, наказаніе! Развѣ мало, говорю, у васъ, господа, своихъ русскихъ?—Найдется, чай, довольно охотниковъ, миллионнымъ состояніемъ опекать.—Нѣтъ, свое твердятъ:—«Мы васъ, Фридрихъ Фридриховичъ!» «Да, что, говорю, васъ! кислый квасъ! Что такое неправда за *меня*? что я, въ самомъ дѣлѣ, за такое особенное? вѣдь я, говорю, господа, нѣмецъ, шпирехензидентъ, Иванъ Андреичъ колбасникъ!»—Нѣтъ, опять свое: *вы да мы, мы да вы*, да и давай цѣловаться. Ну, что вы тутъ съ такимъ народомъ прикажете разговаривать?

Поставить, бывало, Фридрихъ Фридриховичъ въ самое неприятное положеніе, такимъ совершенно, впрочемъ, правдивѣйшимъ рассказомъ, и смотреть въ глаза, пока ему со-

чинишь какую-нибудь любезность. Впрочемъ, если онъ замѣтитъ, что ужъ вы очень затрудняетесь, то, не дожидаясь отвѣта, крикнетъ:

— Бертинька! а ну, дай намъ, матушка, что-нибудь такое позабавиться.

И изъ комнаты Берты Ивановны тотчасъ же появляется подносъ съ холодною закускою, графинчикомъ Doppel-cogn, бутылкой хересу и бутылкой портеру.

— Безъ соли, безъ хлѣба—худая бесѣда. Нашъ братъ, русскій человѣкъ, любить почавкать,—начинаетъ Фридрихъ Фридриховичъ, давая вамъ чувствовать, что когда онъ, десять минутъ назадъ, называлъ себя нѣмецкимъ человѣкомъ, то это онъ шутилъ, а что, въ самомъ-то дѣлѣ, онъ-то и есть настоящій русскій человѣкъ, и вслѣдъ за этой оговоркой, Шульцъ заводитъ за хлѣбомъ-солью бесѣду, въ которой ужъ гостю приходится только молчать и слушать Фридриха Фридриховича со всяческимъ, впрочемъ, правомъ хвалить его умъ, его добродѣтель, его честность, его жену, его лошадей, его мебель, его хлѣбъ-соль и его сигары.

У Норковъ же было совершенно иное. Проходишь, бывало, черезъ магазинъ—Ида Ивановна чаще всего стоитъ съ какимъ-нибудь покупателемъ и продаетъ ему папиросную машинку, или салатную ложку; поклонись, проходя, какъ попало, Идѣ, она кивнетъ головою, тоже чуть замѣтно, и попрежнему ведетъ свое дѣло съ покупателемъ. Придешь въ залу—никого нѣтъ, но все смотритъ такъ привѣтно: и фортепьяно, и закрытая чехлами мебель, какъ будто говорить вамъ: «Здравствуйте-съ! просимъ покорно садиться». Вы и садитесь. Такъ именно было со мною въ третьемъ посѣщеніи Норковъ. Я прошелъ мимо Иды Ивановны, стоявшей въ магазинѣ, и сѣлъ, не зная, что мнѣ дѣлать, но чувствуя, что мнѣ совсѣмъ здѣсь хорошо и ловко.

Черезъ двѣ или три минуты Ида Ивановна сбѣла съ рукъ покупателя и показала въ залѣ. Выйдя изъ магазина, она въ обѣихъ рукахъ держала по ломтю свѣлой дыни, посыпанной сахаромъ.

— Нехорошая дыня,—сказала она, протягивая мнѣ ломтикъ въ своей тонкой, бѣлой рукѣ, и въ то же время сама начала другой.

— Нѣтъ, ничего,—отвѣчалъ я, отвѣдавъ дыни.

— Водянистая; нынче лѣто такое гадкое, все фрукты какіе-то водянистые.

— А что ваша сестра?

— Маня? Она все возится съ вашими книгами.

— А я ей еще принесъ.

Ида Ивановна покачала головой и выговорила:

— Вы намъ ее совсѣмъ испортите. Подите къ ней, если хотите, въ ея комнату.

— Можно?

— Отчего же? Тамъ убрано. Я одна тутъ; мнѣ нельзя отойти отъ магазина; мамы нѣтъ дома, а бабушка ужъ закатилась и спитъ.

Я поблагодарилъ и коридорчикомъ прошелъ къ комнатѣ Иды и Мани.

— Войдите,—сказала Маня, когда и второй разъ постучался у ея двери.

Я засталъ Маню сидѣвшею на окнѣ, съ котораго до половины была сдвинута синяя тафтяная занавѣска. На полѣняхъ у Мани лежала моя книга.

— Здравствуйте!—сказала она, щурясь и осторожно спускающая на полъ свои крошечныя ножки. — А я такъ и думала, что это вы.

— Отчего же это вы такъ думали?

— Такъ... читала и какъ-то про васъ вспомнила, а вы и пришли.—Садитесь.

Я сѣлъ. Маня выбѣжала на минуту и вернулась съ пепельницею, сигарою и спичками.

— Курите, — сказала она, стави передо мною спички и подавая мнѣ сигару.

Я поблагодарилъ.

— Это Фрицева сигара: онъ всегда хорошія сигары курить; вы попробуйте.

Я взялъ сигару и закурилъ: сигара, точно, оказалась очень хорошою.

— Довольны вы книгою? — началъ я, чтобы съ чего-нибудь начать.

— Да,—отвѣчала торопливо Маня.—Это такъ по-русски; такое... дѣйствительное.

— Вы любите болѣе дѣйствительное?

Дѣвушка задумалась.

— Я много читала,—начала она тихо:—но вы меня не

разспрашивайте. Я все читаю. Это вот хорошая книга,— продолжала она, указывая на мой томикъ «Записокъ охотника»:— нравится мнѣ, а я не могу рассказать, почему... Такъ какое-то вліяніе такое... Жаль прочесть скоро. А другія книги читаешь... даже сибѣишь. Такъ читаешь...— Маня махнула ручкой.

— Безъ вліянія?

Дѣвушка смотрѣла на меня долго и, пожавъ плечиками, сказала:

— Я не знаю, право, какое жъ другое слово?

Мнѣ стало стыдно своей попытки слегка подтрунить надъ Маней.

— Видите, — говорила она, робѣя и потупляя глазки:— Шиллера, Гёте, Ауэрбаха — все это я брала у Фрица; все кое-какъ знаю; и еще разныя тамъ книги у него брала... а это новое совсѣмъ, и такое понятное... какъ самой будто все это хочется почувствовать: вѣдь это-жъ вліяніе значить?

— Вы знаете, — говорила она мнѣ, прощаясь: — вы не думайте, что мои родные, въ самомъ дѣлѣ, сердятся, что я читаю книги. Фрицъ сказалъ, что ваши книги мнѣ всегда можно читать, и мама мнѣ тоже позволила.

— Очень радъ, — отвѣчала я и ушелъ, пожавъ ея ручку.

Фридрихъ Фридриховичъ, значить, ко мнѣ благоволилъ, и я далъ себѣ слово дорожить этимъ благоволеніемъ для Мани.

Такъ прошло нашему знакомству, надо полагать, мѣсяца три или четыре. Въ это время я познакомился у Шульца съ нѣсколькими знаменитостями, впрочемъ не первой руки — и, между прочимъ, съ Романомъ Прокофьевичемъ Истоминымъ. При всѣхъ предубѣжденіяхъ противъ этого человѣка, онъ мнѣ очень понравился. Кромѣ таланта, выразительной наружности и довольно рѣдкой въ русскомъ художественскомъ кружкѣ образованности, къ нему влекла его хорошая, страстная рѣчь, гордое пренебреженіе къ врагамъ и завистникамъ, и смѣлая, твердая рѣшимость, соединенная (когда онъ хотѣлъ этого) съ утонченнѣйшею мягкостью и теплою обращенія. Я на Романа Прокофича тоже, кажется, произвелъ впечатлѣніе довольно выгодное, и со второго или съ третьяго свиданія, мы стали держать себя по отношенію другъ къ другу добрыми пріятелями. Это еще не рѣшено, да и врядъ-ли это когда-нибудь будетъ рѣшено, почему съ однимъ человѣкомъ почти ни съ того, ни

съ сего, легко сходишься, самъ того не замѣчая, а съ другимъ ни отъ того, ни отъ сего, при всѣхъ усиліяхъ сойтись, никакъ не сойдешься. Почти совершенно другъ друга путемъ не зная и не вѣдая, сошлись мы съ Романомъ Прокофичемъ такъ, что вдругъ очутились на одной квартирѣ. Онъ попалъ случайно на очень хорошей бель-этажъ небольшого домика; въ этомъ бель-этажѣ приходилось по три одинокихъ комнаты со сторонъ и посерединѣ необыкновенно изящный круглый залъ, оклеенный темносиними парижскими обоями съ широкимъ золотымъ карнизомъ. Я взялъ себѣ три комнатки налѣво, а Романъ Прокофичъ три комнаты направо, да этотъ очаровательный залъ подъ мастерскую. Дверь изъ залы на мою половину заперли, завѣсили синимъ сукномъ, и зажили мы съ Истоминимъ, сходясь часто, но никогда не мѣшая другъ другу не во-время. Ко всему этому для меня было большою находкой, что Истоминъ часто и, не заходя ко мнѣ изъ-за своей стѣны, разсѣивалъ налегавшую на меня тоску одиночества музыкою, которую онъ очень любилъ и въ которой зналъ толкъ, хотя никогда ею не занимался путемъ, а игралъ на своемъ маленькомъ, звучномъ піанино такъ, самъ для себя, и самъ для себя пѣлъ очень недурно, даже довольно трудныя вещи.

Живя въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ, я, противъ всякаго желанія, убѣдился, что Истоминъ, дѣйствительно, былъ женскимъ кумиромъ. Минуту, кажется, трудно было улучшить такую, когда-бъ у него не была въ гостяхъ какая-нибудь женщина, и все это были женщины комильфотныя—«дамы сильныхъ страстей и густыхъ вуалей». Невольно слыхалъ я изъ-за моихъ дверей и нѣжныя ласки, и страстные, кровь кипящія вздохи, и бѣшеные взрывы ревности, и опасенія, и страхи, и тѣ ехидныя слова, которыми страсть оправдываетъ себя передъ разсудкомъ, и привыкъ я ко всему этому очень скоро и на все это не обращалъ давно никакого вниманія.

— Я очень часто слышу, любезный Истоминъ, что говорятъ ваши дамы,—разъ или два намекалъ я моему сосѣду.

— Нельзя же, голубчикъ, безъ этого—надо же имъ гдѣ-нибудь и поговорить, —отвѣчалъ онъ мнѣ, словно не понимая моего намека.

Такъ мы и жили. Къ намъ обоямъ заходилъ иногда Фрицъ Фрицовичъ (такъ звалъ Шульца Истоминъ), и мы

частенько навѣщали Фрица Фрицовича. Навѣщая насъ, бездомовниковъ, Фридрихъ Фридриховичъ являлся человѣкомъ самымъ простодушнымъ и безпретендательнымъ: все ему, бывало, хорошо, что ни подашь; все ловко, гдѣ его ни посадишь. Зайдя же ко мнѣ второй разъ, онъ прямо спросилъ:

— А не пьютъ ли у васъ въ деревнѣ въ это время водки?

— Извините, говорю, Фридрихъ Фридриховичъ, водка есть, но закусить, кажется, нечѣмъ.

— Ну, что тамъ, отвѣчаетъ, за закуска еще; истинные таланты не закусываютъ. А вы вотъ, говорить, поаккомпанируйте-ка!

Я опять извиняюсь; говорю:

— Рано, не могу утромъ пить.

— Ну, да я, впрочемъ, солистъ, — отвѣчалъ Шульцъ и спокойно вынулъ вторую рюмку.

Таковъ онъ былъ и всегда, и во всемъ, и я, и Истоминонъ держались съ нимъ безъ всякой церемоніи. Къ Норкамъ Истоминонъ не ходилъ и не тянуло его туда. Только нужно же было случиться такому грѣху, что попалъ онъ, наконецъ, въ эту семью и что на общее горе-злосчастіе его туда потянуло.

Сбъ этомъ теперь и наступаетъ повѣствованіе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Разъ, вскорѣ какъ стала зима, сижу я у себя и работаю. Вдругъ, этакъ часу въ первомъ, слышу звонокъ. Является моя «прислуга» и шепчетъ:

— Тамъ одинъ какой-то дама васъ спрашивать.

Выхожу я—смотрю, Ида Ивановна сидитъ на диванѣ и улыбается, а возлѣ нея картонный ящикъ и большущій свертокъ въ толстой синей бумагѣ.

— Здравствуйте! — говоритъ Ида Ивановна: — устала я до смерти.

— Кофе, говорю, чашечку, хотите?

— А крѣпкій, спрашиваетъ, — у васъ кофе варятъ?

— Какой хотите сварять.

— Ну, такъ дайте; только самаго крѣпкаго.

«Прислуга» моя захлопотала.

— А вѣдь я къ вамъ это какъ попала? — начала съ своимъ обыкновеннымъ спокойствіемъ Ида Ивановна. — Я вотъ

контрабанды накупила и боюсь нести домой, чтобъ не понасться съ нею кому не слѣдуетъ. Къ Бергѣ зайти еще лучше боюсь, чтобы не встрѣтиться.—Пусть это все у васъ полежитъ.

— Извольте, говорю,—съ радостью.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, это не то, что контрабанда, а разныя, знаете, такія финти-фанты, которыя надо сберечь, чтобъ ихъ пока не увидали дома. Дайте-ка мнѣ какой-нибудь ящикъ въ вашемъ комодѣ; я сама все это хорошенько уложу своими руками, а то вы все перемнете.

Я очистилъ ящикъ; Ида Ивановна все въ него береженько посложила.

— Вы знаете, что это такое?—начала она, садясь за кофе.—Это здѣсь платице, мантилька и разныя такія вещицы для Мани. Вѣдь черезъ четыре дня ея рожденіе; ей шестнадцать лѣтъ будетъ—первое совершеннолѣтіе; ну, такъ мы всё готовимъ ей сюрпризы, и я не хочу, чтобы кто-нибудь зналъ о моемъ подаркѣ. Я нарочно даже чужой модисткѣ заказывала. Вы тоже, смотрите, пожалуйста, не говоритесь.

— Нѣтъ, зачѣмъ же!

— То-то: зачѣмъ! Это всегда такъ ни зачѣмъ дѣлается.— Я тогда утромъ пришлю дѣвушку, вы ей все это и отдайте.

— Хорошо-съ, говорю, Ида Ивановна,—и тотчасъ, какъ проводилъ ее за двери, отправился на Невскій, взялъ новое изданіе Пушкина и отдалъ его Миллеру переплестъ въ голубой атласъ со всякими приличными украшеніями и съ вытисненнымъ именемъ Маріи Норкѣ.

Вечеромъ въ тотъ же день я зашелъ къ Норкамъ и засталъ въ магазинѣ одну Иду Ивановну.

— Послушайте-ка!—позвала она меня къ себѣ:—вотъ умора-то! Бабушка посылала Вермана гушить канарейку съ клѣткой и этотъ Соважъ таки-протащилъ ей эту клѣтку такъ, что никто ея не видать; бабушка теперь ни одной души не пускаетъ къ себѣ въ комнату, а канарейка трещитъ на весь домъ, и Манька-плутовка догадывается, на что эта канарейка.—Преуморительно.

— Да чего это, говорю, вы, Ида Ивановна, такъ ужъ очень со всѣмъ этимъ секретничаете?

— Ахъ, какъ же! Вѣдь ужъ если все это дѣлать, то надо

сюрпризомъ! Неужто-жь вы не понимаете, что это сюрпризомъ надо?

При всемъ желаніи Иды Ивановны ничѣмъ не нарушать обыденный порядокъ, весь домъ Норковъ точно приготовлялся къ какому-то торжественному священнодѣйствию. Маня замѣчала это, но дѣлала видъ, что ничего не понимаетъ, краснѣла, тушила въ землю глаза и безвыходно сидѣла въ своей комнатѣ.

Наступилъ, наконецъ, и долгожданный день совершеннѣйшаго. Дѣвушка Иды Ивановны ранехонько явилась ко мнѣ за оставленными вещами, я отдалъ ихъ и побѣжалъ за своимъ Пушкинымъ. Книги были сдѣланы. Часовъ въ десять я вернулся домой, чтобы переодѣться и идти къ Норкамъ. Когда я былъ уже почти совсѣмъ готовъ, ко мнѣ зашелъ Шульцъ. Въ рукахъ у него была длинная цилиндрическая картонка и небольшой свертокъ.

— Посмотрите-ка, отецъ родной! — сказала онъ, вытаскивая изъ картонки огромную соболью муфту съ бѣлымъ атласнымъ подбоемъ и большими шелковыми кистями.

— Прелесть, — произнесъ я, погладивъ рукою муфту.

Фридрихъ Фридриховичъ подулъ противъ шерсти на то мѣсто, гдѣ прошла моя рука, и, встряхнувъ муфту, опустилъ ее снова въ картонку.

— А эта-съ штукаенція? — запыталъ онъ, раскатавъ дорогой соболій же воротникъ, совсѣмъ ужъ готовый и настегаанный на шелковую подкладку.

— Хорошо.

— Оцѣните?

— Рублей триста.

— Пятьсотъ!

— Очень хорошо.

— А Бертинька повезла такую бархатную, нынѣшнюю шубку на гагачьемъ пуху; знаете, какія нынче дѣлаютъ, съ такою кружевной пелериной. Понимаете, ее и осенью можно носить съ кружевомъ, и зимой: пристегнула вотъ этотъ воротничиншко — вотъ и зимняя вещь. Хитра голь на выдумки: правда? — воскликнулъ онъ, самодовольно улыбувшись и ударивъ меня фамиллярно по плечу.

— Да это все кому же?

— Да Манькѣ же. Манькѣ! — Шульцъ перемѣнилъ голосъ и вдругъ заговорилъ тономъ особенно мягкимъ и серьез-

нымъ:—вѣдь, что жь, правду сказать, нужно, въ самомъ дѣлѣ, какъ говорится, соблюдать не одну же форменность.

Гдѣ это и при какихъ это случаяхъ *говорится*, что «нужно соблюдать не одну форменность» — это осталось секретомъ Фридриха Фридриховича. Онъ, очевидно, цацкался передо мною съ своими дорогими подарками и, попросивъ меня одѣваться поскорѣе, понесъ свои коробки къ Истомину.

Черезъ пять или десять минутъ я засталъ ихъ съ Истоминнымъ, разсуждавшихъ о чемъ-то необыкновенно весело. Рядомъ съ муфтою Мани на диванѣ лежала другая муфта, нѣсколько поношенная, но несравненно болѣе дорогая и роскошная.

— Эта, ваше степенство, не по нашимъ каниталамъ, — говорилъ Фридрихъ Фридриховичъ, выводя пальцемъ эсы по чужой муфтѣ, которая видимо сбила съ него изрядную долю самообожанія. — Какія ручки, однако, должны носить эту муфту?

— Ручки весьма изрядныя, — отвѣчалъ, тщательно повязывая передъ зеркаломъ галстукъ, Истоминъ. — Насчетъ этихъ ручекъ есть даже нѣкоторый анекдотъ, — добавилъ онъ, повернувшись къ Шульцу. — У этой барыни мужъ дорогого стѣитъ. У него руки совсѣмъ мацерированныя: по двадцати разъ въ день ихъ моетъ; самъ ни за что почти не беретъ, руки никому не подаетъ безъ перчатки и увѣряетъ всѣхъ, что и жена его не можетъ дотронуться ни до чьей руки.

Фридрихъ Фридриховичъ вдругъ такъ и залился счастливымъ смѣхомъ.

— Ну, что жь, онъ вѣдь и правъ! Мужъ-то, я говорю, онъ вѣдь и правъ! — взвизгивалъ Фридрихъ Фридриховичъ. — Она вѣдь *за руки* только не можетъ трогаться.

Я видѣлъ въ зеркало какъ Истоминъ, снова взявшійся за свой галстукъ, тоже самодовольно улыбулся.

— Понюхайте-ка, — сказалъ, завидя меня и поднимая муфту, Фридрихъ Фридриховичъ: — чѣмъ, сударь, это пахнетъ?

Не понимая, въ чемъ дѣло, я поднесъ муфту къ лицу. Она пахла тѣми тонкими англійскими духами, которые, по словамъ одной моей знакомой дамы, сообщаютъ всему *запахъ счастья*.

— Счастьемъ пахнетъ, — отвѣчалъ я, глядя на столъ муфту.

— Да-съ, вотъ какія у Романа Прокофьяча бываютъ гости, что все отъ нихъ счастьемъ пахнетъ.

Шульцъ опять расхохотался.

— А позвольте-ка, господа, лучше прибрать это счастье къ мѣсту, — проговорилъ Истоминъ: — сравнили, и будетъ ею любоваться, а то чего добраго... ее тоже, пожалуй, кое-кто знаетъ.

— Ну-съ! такъ во походъ пошли гусары? — спросилъ Шульцъ, видя, что Истоминъ совсѣмъ готовъ.

Я взялъ мою шляпу и мои книги, обернутыя яркою цвѣтною бумагою.

— Также подарокъ? — спросилъ Шульцъ.

Я отвѣчалъ утвердительно.

Истоминъ остановился посреди комнаты.

— Что жъ это, господа? — заговорилъ онъ. — Вѣдь это ужъ не хорошо: всѣ вы съ подарками, а я съ пустыми руками.

— Ну, ничего! что тамъ еще за подарки! — Вы нечаянный гость; я скажу, что утѣшилъ васъ насильно, — убѣждалъ его Фридрихъ Фридриховичъ.

— Да! да позвольте-ка-съ еще! У меня и у самого сейчасъ найдется для нея подарокъ, — воскликнулъ Романъ Прокофьевичъ и, торопливо вытаскивъ изъ-за мольберта одинъ изъ стоявшихъ тамъ запыленныхъ картоновъ, вырѣзалъ изъ него прихотливый, неправильный овалъ, обернулъ этотъ кусокъ бумагою, и мы вышли. Не знаю почему, но мнѣ было ужасно непріятно, что Истоминъ, послѣ этого циническаго разговора о дамской муфтѣ, идетъ въ домъ Норковъ, да еще вмѣстѣ съ нами, и въ этотъ святой для цѣлаго семейства день совершеннолѣтія Мани. Тѣмъ, кто знакомъ съ предчувствіями, я могу сказать, что у меня были самыя гадкія предчувствія, и они усилились еще болѣе, когда передъ нами отворилась дверь въ залу и отъ стѣны, у которой стояло бабушкино кресло и сидѣло нѣсколько родныхъ и стороннихъ особъ, отдѣлилась навстрѣчу намъ фигура Мани, блѣнная и легонькая, какъ морская пѣна.

Я никогда не забуду всѣхъ мельчайшихъ подробностей здѣшней картины, навсегда запечатлѣвшейся въ моей памяти.

Вся зала была обновлена въ это самое утро. Обновление ея состояло въ томъ, что на окнахъ были повѣшены новыя занавѣси; съ фортепяно была снята клеенка, бронзовые канделябры были освобождены изъ окутывавшей ихъ пѣлый годъ кисей и обитые голубымъ ринсомъ стулья и кресла

нескромно сбросили съ себя свои коленкоровыя сорочки. Кромѣ того, почти во всю залу (она же и гостиная) былъ разостланъ огромный англійскій коверъ, принесенный съ собою въ приданое еще бабушкой. Вдоль одной стѣны, прямо противъ двери, на своемъ подвижномъ креслѣ сидѣла сама бабушка. Старушка была одѣта въ бѣломъ пикейномъ капотѣ, съ множествомъ кружевныхъ обшивокъ и кругленькими, похожими на горошенки, бѣленькими же пуговками. На старческой головѣ бабушки былъ высокій полуфламандскій чепчикъ съ туго накрахмаленными оборками и полосатыми лентами, желтой и оранжевой. Рядомъ съ кресломъ старушки, въ другомъ креслѣ, помѣщался пасторъ Абель въ длинномъ черномъ сюртукѣ и бѣломъ галстукѣ. Возлѣ пастора сидѣла мадамъ Норкъ, тоже въ бѣломъ платьѣ и съ натуральными съдymi буклями; у плеча мадамъ Норкъ стоялъ Германъ Верманъ, умытый, вычищенный и долго чесавшійся, но непричесанный, потому что его «дикіе» волосы ни за что не хотѣли ложиться и топорщились, по обыкновенію, во всѣ стороны. На Германѣ Верманѣ былъ свѣтло-коричневый фракъ, бѣлый жилетъ, очень кургузыя синія панталоны и красный галстукъ, едва схватывавшій огромнѣйшіе тугіе полисоны немилосердно накрахмаленной манишки. Далѣе сидѣла Ида Ивановна, Берта Шульцъ, булочница Шперлингъ и ея дочь, наша старая знакомая, подруга Мани, Клара Шперлингъ. Кромѣ пастора и Вермана, всѣ рѣшительно были одѣты во все бѣлое, а черненькая Клара Шперлингъ смотрѣла настоящей мухой въ сметанѣ.

Маня стояла между бабушкой и пасторомъ, который говорилъ ей что-то такое, что дѣвушку видимо приводило въ состояніе нѣкоторой ажитаціи, а у ея старой бабушки выдвливало слезы.

При нашемъ появленіи въ дверяхъ, пасторъ и бабушка разомъ освободили ручки Мани, и дѣвушка, заколыхавшись какъ кусокъ бѣлой пѣны, вышла навстрѣчу намъ на середину комнаты.

Далѣе Шульцъ не пустилъ ее. Онъ поднялъ торжественно передъ собою ладонь и далъ почувствовать, что сейчасъ начнется что-то такое, требующее благоговѣннѣйшей тишины и вниманія.

Съ этимъ онъ кашлянулъ, поднялъ на Маню самый официальный взглядъ и произнесъ:

— Сестра!

— Тсс! — пронеслось по залу, хотя, впрочем, и безъ того никто не нарушалъ ни малѣйшей тишины.

— Привѣтствую тебя въ этотъ торжественный день твоей жизни! — началъ Шульцъ тономъ и дикціею проповѣдника. — Привѣтствую тебя не какъ ребенка, а какъ женщину — какъ человѣка, который отнынѣ получаетъ въ обществѣ свои права и принимаетъ свои обязанности передъ семьей и передъ обществомъ. Дай Богъ... (пасторъ, а за нимъ и всѣ присутствующіе при словѣ «Богъ» поднялись съ мѣстъ и стали. Шульцъ продолжалъ еще торжественнѣй...) Дай Богъ, повторяю я, преданнѣйшій слуга и братъ твой, усердно моля за тебя умершаго на крестѣ Спасителя, чтобы всѣ великія и святыя обязанности женщины стали для тебя ясны, какъ ясно это солнце, освѣщающее дорогой для всѣхъ насъ день твоего совершеннолѣтія (солнце ярко и весело смотрѣло въ окна черезъ невысокія деревья палисадника). Дай Богъ, чтобы зло и неправда человѣческая бѣжали отъ тебя, какъ тьма бѣжитъ отъ лучей этого солнца! *Honestus rumor, alterum patrimonium est*, говоритъ мудрая латинская пословица, то-есть: хорошая репутація замѣняетъ наслѣдство; а потому болѣе всего желаю тебѣ, чтобы въ твоёмъ лицѣ и мы, и всѣ, кто тебя встрѣтитъ въ жизни, видѣли повтореніе добродѣтелей твоей высокопочтенной бабушки, твоего честнаго отца, душа котораго теперь присутствуетъ здѣсь съ нами (Софья Карловна заморгала глазами и заплакала), твоей матери, взлелѣявшей и воспитавшей своими неусыпными трудами и тебя, и сестеръ твоихъ, изъ которыхъ одной я обязанъ всѣмъ моимъ счастьемъ! (Берта Ивановна заплакала; Шульцъ подошелъ, поцѣловалъ руку жены, тоже отеръ слезу и закончилъ). Дѣвица Марія Норкъ! дорогая, новорожденная сестра наша, прими наше братское привѣтствіе и осчастливь себя и насъ воспитаніемъ въ себѣ тѣхъ высокихъ качествъ, которыхъ мы въ правѣ ждать отъ твоего прекраснаго сердца.

Произнеся эту, всеконечно заранѣе обдуманную рѣчь, Фридрихъ Шульцъ вдругъ всталъ на колѣни, взялъ Маню за обѣ руки, и сильно растроганнымъ голосомъ, въ которомъ въ самомъ дѣлѣ дрожали искреннія слезы, проговорилъ:

— Матушка! Машуточка! утѣшь-оправдай на себѣ нашу

родную, русскую пословицу, что «отъ яблоньки яблочко недалеко катится!»

Шульцъ взялъ и поклонился Манѣ въ ноги, вѣско ударивъ лбомъ о полъ.

Маня быстро опустилась, схватила зятя за плечи, и оба вмѣстѣ поднялись на ноги.

Фридрихъ Фридриховичъ поцѣловалъ ее въ губы и потомъ еще разъ поцѣловалъ одну за другою обѣ ея руки.

Я подошелъ и въ замѣшательствѣ тоже поцѣловалъ Манину руку. Маня, у которой глаза давно были полны слезъ, смѣшалась еще болѣе, и рука ея дрогнула. За мною въ ту же минуту подошелъ къ ней Истоминъ, сказалъ что-то весьма почтительное, и смѣло взялъ и также поцѣловалъ руку Мани. Дѣвушка совсѣмъ переконфузилась и пошатнулась на мѣстѣ.

На ея счастье, Шульцъ, который въ это время успѣлъ уже обмахнуть голубымъ фуляромъ свои панталоны и лацканы фрака, сказалъ:

— Позволь, матушка, отдать тебѣ на память объ этомъ днѣ вотъ эти бездѣлушки.

Онъ вынулъ муфту и воротникъ и, подавая ихъ Манѣ, добавилъ:

— Пусть это будетъ дополненіемъ къ подарку сестры твоей Берты.

— На что такъ много? — заговорила Маня, потерянно глядя во все стороны и прикладывая къ пылающимъ щекамъ свои ручки.

— Марья Ивановна! — позвольте мнѣ просить васъ принять и отъ меня на память вотъ это, — сказалъ я, подавая ей пять томовъ Пушкина.

Маня прищурила глазки, взглянула на переплетъ, протянула мнѣ обѣ ручки и отвѣчала:

— Благодарю васъ: я возьму.

— А я, Марья Ивановна, не зналъ, что сегодня день вашего рожденія и что я васъ увижу нынче, — началъ Истоминъ. — Я принесъ вамъ то, что у меня было дома, и вы тоже будете такъ снисходительны — возьмете это отъ меня на память о моемъ знакомствѣ съ вами и о нашемъ совершеннѣйшн.

Истоминъ сбросилъ съ картона бумагу и подаль его Манѣ; та взглянула и зардѣлась.

Всѣ мы подошли къ картону и всѣ остановились въ изумленіи и восторгѣ. Это былъ кусокъ прелестнѣйшаго этюда, приготовленнаго Истоминнымъ для своей новой картины, о которой уже многіе знали и говорили, но которой до сихъ поръ никто не видалъ, потому что при каждомъ появленіи посѣтителей, доускавшихся въ мастерскую художника, его мольбертъ съ подмалеваннымъ холстомъ упорно поворачивался къ стѣнѣ.

На поднесенномъ Мавѣ кускѣ картона, величиною болѣе полуаршина, была молодая русалка, въ первый разъ всплывшая надъ водою. Этюдъ былъ писанъ въ три тона. Русалка, впервые вынырнувшая со дна рѣчки, прыгнула на сонный берегъ, гдѣ дикій тминъ растетъ и гдѣ цвѣтутъ, качаяся, фіалки возлѣ буквицъ. Вся она была цѣломудренно закрыта тминомъ, сквозь стебли котораго только кое-гдѣ чуть-чуть очерчивались свѣжіе контуры ея тѣла. Одна голова съ плечами любопытно выставилась впередъ и внимательно смотрѣла удивленными очами на невѣдомый для нея надводный міръ. Никакое другое искусство, кромѣ живописи, не могло такъ выразить всего, что выражала эта восхитительная головка. Любопытство, ужасъ, восторгъ и болѣзненная тревога — все это разомъ выступало на этихъ сломанныхъ бровкахъ, полуоткрытомъ ротикѣ, прищуренныхъ глазкахъ и поблѣднѣвшихъ щекахъ. Но всего болѣе поразило всѣхъ въ этой головкѣ какое-то странное, наводящее ужасъ сходство русалки съ Манею. Это не былъ вѣрный голбейновскій портретъ и не эффектная головка Греза: это было что-то такое... какъ бы случайное сходство, какъ бы портретъ съ двойника, или какъ будто это она, Маня, но въ лунатизмѣ, что-ли, или въ какомъ-то непонятномъ для насъ восторженномъ состояніи.

— Она впервые видитъ свѣтъ. По мнѳологін, у нихъ тоже есть совершеннѣтїе, до котораго молодая русалка не можетъ всплыть надъ водою, — началъ мягко и прїятно рассказывать Истоминъ. — Это очень поэтическій, славянскій мнѳъ. Вообразите себѣ, что она, до извѣстныхъ тамъ лѣтъ своей жизни, жила въ кристалльныхъ палатахъ на днѣ рѣчки; слышала тамъ о корабляхъ, о буряхъ, о людяхъ, о ихъ любви, ненависти, о горѣ. Она плавала въ глубинѣ, видала, какъ въ воду опускается столбъ луннаго свѣта, слышала на берегахъ шумъ другой жизни; надъ головою ея пробѣгали

корабли, отрѣзавшіе лунный свѣтъ отъ дна рѣчного; но она ничего, рѣшительно ничего не видала, кромѣ того, что тамъ есть у нихъ подъ водою. Она знаетъ, что ея мать когда-то утонула оттого, что былъ когда-то человѣкъ, который любилъ ее, потомъ разлюбилъ, «покинулъ и на женщинѣ женился»; но какъ все это тамъ? что тамъ такое? какіе это живые люди? какъ тамъ надъ водою дышать? какъ любить и покидаютъ? — все это ей совершенно непонятно. И вотъ ея совершеннолѣтіе исполнилось; здѣсь вы видите, какъ она только-что всплыла; надводный воздухъ остро рѣжетъ ея непривычное тѣло и въ груди ей больно отъ этого воздуха, а между тѣмъ все, что передъ нею открылось, поражаетъ ее; вдругъ все это, что понималось смутно, уясняется; все начинаетъ ей говорить своимъ языкомъ, и она... Видите... Здѣсь на этомъ кускѣ, впрочемъ, нѣтъ этого, а тамъ — на цѣлой картинѣ, тутъ влѣво рѣзвятся другія русалки хохотуши, щекотуши — всѣ молодыя, красивыя... Одна изъ нихъ слышитъ, что

Птичка подъ кустами
Встрепенулася во мглѣ;

Другая шепчетъ:

Между мѣсяцемъ и нами,
Кто-то ходить по землѣ.

А эта вся... одна, закрывшись дикимъ тминомъ, въ сто глазъ и столько же ушей все слушаетъ, все видитъ; и не птичка, не тотъ, кто ходитъ гдѣ-то по землѣ, а *все, все разомъ* оковало ее, и вотъ она, вы видите, какая! Не знаю, впрочемъ, сумѣлъ ли я хоть плохо передать холсту, что думалъ и что хотѣлось бы сказать этой картиной чувству, — докончилъ тихо Истоминъ, осторожно поставивъ картонтъ на свободное кресло.

Истоминъ былъ очень хорошъ въ эту минуту. Если бы здѣсь было нѣсколько женщинъ, впечатлительныхъ и способныхъ увлекаться, мнѣ кажется, онъ всѣ вдругъ полюбили бы его. Это былъ художникъ-творецъ, въ самомъ обаятельномъ значеніи этого слова. Фридрихъ Фридриховичъ, глядя на него, пришелъ въ неподдѣльный, художественный восторгъ. Онъ схватилъ обѣ руки Истомина, сжалъ ихъ и, глядя ему въ глаза, проговорилъ съ жаромъ:

— Вы будете велики! Вы будете нашею гордостью; вы будете славою русскаго искусства!

Истоминъ покраснѣлъ, обнялъ Шульца и торопливо отошелъ къ окошку, и — чудо чудное! на глазахъ его вдругъ мелькнули нервныя слезы.

Чортъ его знаетъ, до чего онъ становился прекрасенъ въ этомъ разстройствѣ!

Я подошелъ къ окну и сталъ рядомъ съ Истоминымъ.

— Дьяволъ бы совсѣмъ взялъ эту глупость! — началъ онъ мнѣ на ухо, стараясь въ то же время сморгнуть и утереть свою слезу. — Выдумать еще надо что-нибудь глупѣе, какъ придти на семейный праздникъ для того, чтобы поздравить дѣвушку и вдругъ самому напроситься на общее вниманіе!

Истоминъ нетерпѣливо дернулъ зубами уголокъ своего платка и сунулъ его сердито въ карманъ фрака.

Онъ былъ совершенно правъ. О Манѣ и ея празднествѣ совершенно забыли. Всѣ столпились около этюда, который теперь держалъ въ рукахъ пасторъ Абель. Даже старушка-бабушка взялась руками за колеса своего кресла и поѣхала, чтобы соединиться съ прочими у картины. Пасторъ Абель держалъ картину въ одной лѣвой рукѣ и, сильно откинувшись головою назадъ, разсматривалъ ее съ чинной улыбкой аугсбургскаго исповѣданія; всѣ другіе жались около пасторовыхъ плечъ, а выѣхавшая бабушка зазирала сбоку. Однако, старушкѣ было очень хорошо видно картину, потому что она первая заговорила:

— Aber warum?.. какъ она совсѣмъ выглядитъ похожа на Маньхенъ!

Всѣ въ одну минуту оглянулись на Маню, которая стояла на своемъ прежнемъ мѣстѣ и смотрѣла на Истомина, вытягивая впередъ голову, точно хотѣла сейчасъ тронуться и подбѣжать къ нему.

— Есть сходство, — произнесъ съ достоинствомъ пасторъ.

— Совсѣмъ Маня! — подтвердила съ восклицаніемъ Ида Ивановна.

— Романъ Прокофьичъ! Зачѣмъ это такое сходство? Вѣдь это не нарочно писано; я самъ видѣлъ, какъ вы вырѣзали этотъ кусокъ изъ цѣлаго картона, — заговорилъ Фридрихъ Фридриховичъ.

Истоминъ обернулся, загнувъ назадъ разсыпавшіеся черныя кудри, и, дѣлая шагъ къ сгруппировавшейся семьѣ, сказалъ:

— Это?.. это художественная вольность, которую вы

должны простить мнѣ и которую никто не въ правѣ поставить намъ ни въ судъ, ни въ осужденіе. Фантазія сама по себѣ все-таки фантазія человѣческая; она слаба и ничтожна передъ осуществленною фантазіею природы, передъ натурою. Я очень долго бился съ этой головкой и она мнѣ все не удавалась. Для такихъ лицъ нѣтъ много натурщицъ. Наши натурщицы все слишкомъ обыкновенныя лица, а остановить первую встрѣчную женщину, которая подходитъ подъ вашъ образъ, слишкомъ романтично и ни одна не пойдетъ. Настолько нѣтъ ни въ комъ сочувствія къ искусству. Въ тотъ именно день, когда, помните, Марья Ивановна въ бѣру долго не приходила домой, и когда мы ее искали, я въ первый разъ увидѣлъ ея головку и... это была именно та головка, которой мнѣ недоставало для картины.

— Зачѣмъ же вы ее, мой голубчикъ, вырѣзали-то? — говорилъ съ добродушнымъ упрекомъ Фридрихъ Фридриховичъ.

— А что-съ?

— Да вѣдь она-жъ нужна вамъ.

— Я теперь сто разъ кряду нарисую вамъ ее на память, — отвѣчалъ небрежно Истоминъ.

— Только она, что-то, знаете какъ будто... измѣнена въ чемъ-то.

— Да, выраженіе, конечно... Это дѣлаетъ масса новыхъ впечатлѣній, которыя охватываютъ ее... Это такъ и нужно.

— И есть что-то страшное, — замѣтила бабушка.

— Да-да, именно страшное есть, — утверждалъ пасторъ, вертя мизинцемъ свободной руки надъ бликами, падавшими на носъ и освѣщенную луною щеку русалки.

— Гм! наша Маньхенъ попадаетъ на историческую картину, которою будутъ восхищаться десятки тысячъ людей... Богъ знаетъ, можетъ-быть, даже и цѣлыя поколѣнія! — воскликнулъ весело Фридрихъ Фридриховичъ, оглядываясь на Маню, которая только повернулась на ногахъ и опять стояла на томъ мѣстѣ, не сводя глазъ съ Истомина.

— Извольте, фрейлейнъ Марія, вашу картину, — произнесъ пасторъ, подавая ей картину.

Маня взяла этюдъ и, зардѣвшись, сдѣлала Истомину полудѣтскій книксенъ.

— Нѣтъ, господа, ужъ потрудитесь ваши подарки сами положить на ея совершеннолѣтній столикъ, — попросила насъ Софья Карловна.

— Пожалуйте! — позвала она, подходя къ двери своей крошечной гостиной.

Мы всё довольно торжественно прошли съ своими приношеніями черезъ маленькую гостиную и коридорчикъ и вступили въ комнату новорожденной. Комната эта была вся освѣжена и глядѣла олицетвореніемъ дѣвственнаго праздника Мани. На окнахъ были новыя бѣлыя кисейныя занавѣски съ пышными оборками наверху и съ такими же буфами у подвязей; посрединѣ окна, подходившаго ближе къ ясеновой кровати Мани, на длинной мѣдной проволокѣ висѣла круглая металлическая клѣтка, въ которой порхала подаренная бабушкой желтенькая канарейка; весь уголъ комнаты, въ которомъ стояла кровать, былъ драпированъ новымъ голубымъ французскимъ ситцемъ и надъ этою драпировкою, въ самомъ углу, склоняясь на Манино изголовье, висѣло большое черное распятіе съ вырѣзанною изъ слоновой кости бѣлою фигурою Христа. Вся дѣвственная постелька Мани, ничѣмъ, впрочемъ, не отличавшаяся отъ постели Иды Ивановны, была бѣла какъ кипѣнь и въ головахъ ея стоялъ небольшой столъ, весь сверху до низу обдѣланный бѣлою кисеею съ буфами, оборками и широкими розовыми лентами по угламъ. На этомъ столѣ, посрединѣ помѣщался на большомъ подносѣ очень хорошій тортъ съ латинскими буквами «М и N». Около торта размѣщались принесенныя сегодня пасторомъ: нѣмецкая библія въ зеленомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ; большой красный дорогой стаканъ съ гравированнымъ видомъ Мюнхена, и на немъ, на бѣлой ниточкѣ, чья-то карточка; рабочая корзиночка, съ бумажкою, на которой было написано: «Клара Шперлингъ», и, наконецъ, необыкновенно искусно сдѣланный швейцарскій домикъ, съ слюдовыми окнами, балкончиками, дверьми, загородами и камнями на крышѣ. На чистомъ липовомъ ящикѣ, изъ котораго домикъ этотъ былъ вынутъ и въ который онъ снова могъ вдвигаться, на дощечкѣ было тщательно вышито имя Германа Вермана, и ниже годъ, мѣсяцъ и число настоящаго праздника. Рядомъ съ этимъ бѣлымъ столомъ стоялъ роскошный, ажурный рабочий столикъ, отдѣланный внутри зеленою тафтою. Это былъ подарокъ матери. На этомъ столикѣ лежало бархатное пальто, принесенное Бертой Ивановной, и сюда же Шульцъ положилъ соболевый воротникъ и муфту. Я поло-

жилъ сочиненія Пушкина къ стѣнѣ на бѣломъ столикѣ, а Истоминъ поставилъ на эти книги свою картину.

— Какая прекрасная работа!—сказалъ онъ, разсматривая деревянный швейцарскій домикъ.

— Это нашъ добрый Германъ сдѣлалъ, — отвѣчала ему Софья Карловна.

— Прелестная, замѣчательная работа!—продолжалъ Истоминъ, обращаясь къ Герману.

Тотъ заложилъ большой палецъ правой руки въ петлю своего коричневаго фрака и поклонился Истомину съ достоинствомъ.

Пасторъ, Ида и всѣ, кромѣ бабушки, были въ этой комнатѣ и цѣлой компаніей всѣ снова возвратились въ залу, гдѣ насъ ждалъ кофе, русскій пирогъ съ дичиннымъ фаршемъ и полный завтракъ со множествомъ всякаго вина. Софья Карловна безпрестанно выбѣгала и суетилась, Маня сидѣла возлѣ бабушки; Берта Ивановна усердно кушала, держа какъ-то на отлетѣ оба тоненькіе мизинца своихъ маленькихъ бѣлыхъ ручекъ. Мужчины всѣ ѣли очень прилежно, но Ида Ивановна все-таки наблюдала за ними и, стоя у стола, безпрестанно подкладывала то тому, то другому новыя порціи.

— Ышьте, —говорила она мнѣ, кладя второй кусокъ очень вкусной рыбы.

— Полноте, Ида Ивановна! не могу никакъ, — отпрашивался у нея я.

— Ышьте-ка, ѣшьте, —отвѣчала она съ вѣчнымъ своимъ спокойствіемъ, не принимая отъ меня никакихъ оправданій. Съ другими она поступала совершенно такъ же, только вмѣсто фамильярнаго *ышьте*, на всѣ ихъ отговорки, тихо отвѣчала имъ *кушайте*.

— Не выбрасывать же стать, —шепнулъ я ей, возлѣ ея локтя.

Ида Ивановна съ едва замѣтной улыбкой толкнула меня въ плечо и опять потащила кому-то новый кусокъ жаркого.

Фридрихъ Фридриховичъ не уступалъ свояченицѣ: какъ она угощала всѣхъ яствами, такъ онъ еще усерднѣе наливалъ гостей то тѣмъ, то другимъ виномъ. Даже когда пустыя блюда совсѣмъ сошли со стола и половина Маничкинаго торта была проглочена съ шампанскимъ, Фридрихъ Фридриховичъ и тогда все-таки не давалъ намъ отдыха.

— Позвольте, господа,—говорилъ онъ, не выпуская никого изъ-за стола.— Это все требуется непременно допить.

— Помилуйте, Фридрихъ Фридриховичъ, куда же намъ еще пить!—отмаливались гости въ виду цѣлыхъ трехъ бутылокъ шампанскаго съ подрѣзанными проволоками у пробокъ.

— Нѣтъ, позвольте! Это совсѣмъ невозможно такъ оставлять,—убѣждалъ Фридрихъ Фридриховичъ.— Открытую бутылку нельзя оставлять въ хозяйствѣ. Это, во-первыхъ, значить зло оставлять, а потомъ отъ этого, наконецъ, прислуга балуется.

— Пожалуйте-ка,—относился онъ, приближая горлышко бутылки къ стакану пастора.

— О, ихъ канъ нихтъ, либеръ геръ Шульцъ!—отмаливался пасторъ.

— Ничего, господинъ пасторъ, ничего; это васъ подкрѣпить,—убѣждалъ Шульцъ и, дополнивъ стаканъ его аугсбургскаго прендобія, относился съ тѣми же доводами къ другимъ.

— Это васъ подкрѣпить,—говорилъ онъ, упрямо заставляя насъ непременно допить все, и прибавлялъ: — пожалуйста, господа! пожалуйста, потрудитесь! пожалуйста, прошу васъ, чтобъ послѣ насъ люди не баловались.

Пасторъ, отстрадавъ, стукнулъ пустымъ стаканомъ и отдулся, а Шульцъ наступалъ на него снова, приглашая выпить «въ пользу дѣтскихъ пріютовъ».

— Капли не выпью больше, господинъ Шульцъ,—отказывался пасторъ.

— Въ пользу дѣтскихъ пріютовъ-то, господинъ пасторъ?

— Ни за что, господинъ Шульцъ.

— Въ пользу дѣтскихъ пріютовъ ни за что?

— О, mein Gott!—вздыхалъ сдававшійся на сильные доводы пасторъ.

Шульцъ налилъ ему стаканъ и внушительно замѣтилъ, что въ пользу дѣтскихъ пріютовъ и думать нельзя отказываться.

И въ пользу дѣтскихъ пріютовъ было, дѣйствительно, допито все такъ, что людямъ послѣ насъ ужъ не надъ чѣмъ было баловаться.

Вино рѣшительно оказало на всѣхъ свое, пока, впрочемъ, только хорошее вліяніе. Всѣ сдѣлались сердечнѣе и веселѣе.

Истосинъ, вставши изъ-за стола, отнесся съ большими комплиментами къ Верману.

— О, помилюйте! — сконфузился старый токарь, попрежнему стараясь умирять свои торчащие волосы.

— Я вамъ говорю не любезность, а я вамъ говорю просто, что я не видалъ такой легкой и отчетливой работы; это просто художественная... прекрасная вещь, — настаивалъ Истоминъ.

— Ну что это? Это, такъ будемъ мы смотрѣть совсѣмъ какъ настоящая бездѣлица. Что говорить о мнѣ? Вотъ вы! вы артистъ, вы художникъ! вы можете — вы загть манъ дизз?.. *творить!* А мы, мы люди... мы простой *ремесленникъ*. Мы совсѣмъ не одно... Я чувствую какъ это, что есть очень, что очень прекрасно; я все это могу очень прекрасно понимать... но я шары на бильярдъ дѣлать умѣю! Вотъ мое художество!

Истоминъ съ неподдѣльнымъ жаромъ взялъ Вермана за обѣ руки и, привлекая его къ себѣ, сказалъ:

— Всякій, кто чувствуетъ прекрасное, тотъ, либеръ геръ Верманъ, художникъ и истинный художникъ.

Истоминъ поцѣловалъ старика, и такъ крѣпко поцѣловалъ его и обнялъ, что обѣ крюковатыя ножки Соважа приподнялись отъ пола, дрыгнули на воздухъ и показали свои подошвы.

Маничка смотрѣла на все это и (можетъ-быть, мнѣ это показалось) смотрѣла теперь именно тѣмъ самымъ взглядомъ, какимъ глядѣла изъ-за тмина и буквиць истоминская русалка.

Сильно подгулявшие разошлись по домамъ гости Норковъ и разошлись съ тѣмъ, чтобы вечеромъ непременно сойтись здѣсь снова. Шульцъ хотѣлъ, чтобы мы все провели вечеръ у него.

— У меня свободнѣй, очень дольше побаловать будетъ можно, — убѣждалъ онъ тещу, говоря, что здѣсь у нея неловко безнокоить бабушку; но сама бабушка, которой ближе всѣхъ касалась эта отговорка, рѣшительно возстала противъ перенесенія Манинаго праздника изъ материнскаго дома къ зятю.

— Ну, такъ ко мнѣ, госнода, завтра зубы полоскать? — приглашалъ неотступный Шульцъ.

— Это можете, — сказала ему съ тихой улыбкою близко стоявшая Ида.

— Могу-съ?

— Можете, а сегодня это очень странно, что вамъ за фантазія пришла уводить къ себѣ нашихъ гостей!

— Ну, да, да; у васъ, Ида Ивановна, всегда все странно. У васъ, — продолжалъ, выходя, Шульцъ: — все это... цирлихъ — манирлихъ... все это на тонкой деликатности; а у насъ, знаете, все попросту, по-мужицки. Такъ? — спросилъ онъ, ударивъ по плечу довольно крѣпко Истомина. Тотъ сильно вздрогнулъ и разсердился, не знаю, за то ли, что Шульцъ такъ пошутилъ съ намъ, или за то, что онъ самъ вздрогнулъ.

Такъ окончился нашъ сытный завтракъ, а въ восемь часовъ вечера мы снова были у Норковъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Несмотря на то, что семейство Норкъ, какъ я уже одинъ разъ сказалъ, жило очень скромно и мнѣ никогда не доводилось видѣть у нихъ почти никого стороннихъ, но въ этотъ вечеръ оказалось, что знакомство у нихъ все-таки гораздо обширнѣе, чѣмъ я предполагалъ. Кромѣ семейства пастора, который явился съ женою и двумя взрослыми дочерьми, набралось еще интукъ до восьми молодыхъ нѣмецкихъ дамъ и дѣвицъ. Мужчинъ, правда, было немного: всего три какіе-то неизвѣстные мнѣ солидные господина, молодой помощникъ пастора, учитель изъ Анненшупле, неизбѣжный на всякомъ земномъ пространствѣ полякъ, съ черными висячими усами, котораго Шульцъ весьма фамиллярно называлъ почему-то «наномъ Кошутомъ», и сынъ булочника Шперлинга, свѣжій, веселый, бѣлокурый нѣмецъ, точно испеченный въ собственной булочной на домашнихъ душистыхъ сливкахъ и розовомъ маслѣ. Вечеръ шель по-нѣмецки. Солидные господа и пасторъ сѣли за карты, курили гамбургскія сигары и потягивали некрѣпкіе пунши, а остальное все немилосердно плясало. Плясалъ Шульцъ, плясала Ида Ивановна, плясала Софья Карловна, хотя и отказывавшаяся, но весьма слабо отказывавшаяся и, наконецъ, даже вовсе не отказавшаяся отъ гротфатера, который, при общихъ аплодисментахъ, протанцовала съ зятемъ. Не танцевала рѣшительно только одна бабушка, которая не могла оставить своего кресла, но и она сидѣла весь вечеръ и любовалась молодыми. На счастье ея, дѣйствительно, было чѣмъ любоваться. Извѣстное дѣло, что

если не гнаться за легкостью построения рукъ и ногъ, да не требовать отъ каждаго лица особаго выраженія, то едва ли гдѣ-нибудь въ Петербургѣ можно набрать столько свѣженькихъ лицъ, бѣлыхъ плечъ и хорошихъ бюстовъ, сколько увидишь ихъ, находясь между добродѣтельнѣйшими василевскими островитянками нѣмецкаго происхожденія. Разгорѣвшись отъ кадрили и вальсовъ, пышные гости Норковъ были точно розы: одна другой краше, одна другой свѣжѣе, и всѣ ихъ сочные бюсты, и всѣ ихъ добродѣтельныя уста говорили въ одно слово:

— Oh! Wir möchten noch ein bischen tanzen! (О, мы хотимъ еще танцевать).

Но лучше всѣхъ, эффектный всѣхъ и всѣхъ соблазнительнѣй на этомъ праздникѣ все-таки была дочь хозяйки. Берта Ивановна Шульцъ, и зато ей чаще всѣхъ доставался и самый лучший кавалеръ, Романъ Прокофьичъ Истоминонъ. Какъ только Романъ Прокофьичъ первый разъ ангажировалъ Берту Ивановну на туръ вальса и роскошная нѣмка встала и положила свою бѣлую, далеко открытую матовую руку на плечо славянскаго богатырь-молодца, въ комнатѣ даже все тихо ахнуло и зашептало:

— Ein hübsches Pärchen! (Красивая пара!) Nu, das ist Mal ein Pärchen! Ein besseres Paar kann's nicht. (Вотъ такъ пара! Лучше этой пары ужъ быть не можетъ!)

Одинъ изъ солидныхъ гостей, стоя на этотъ случай у дверей залы, забывъ гдѣ онъ и съ кѣмъ онъ говорить и, изогнувшись сладострастнымъ сатиромъ, таинственно шепталь на ухо Шульцу:

— Вотъ бы, я говорю, этой дамѣ какаго мужа-то надо.

— И я то же самое думаю, — отвѣчалъ спокойно Фридрихъ Фридриховичъ, и съ невозмутимой увѣренностью въ своемъ превосходствѣ продолжалъ любоваться могучимъ Истоминонымъ, поворачивающимъ на своей рукѣ вальжную и, какъ лебедь, красивую Берту Ивановну.

Чуть только эта пара окончила второй кругъ и Истоминонъ, остановившись у кресла Берты Ивановны, низко ей поклонился, всѣ словно по сигналу захолопали имъ въ ладоши и усерднѣе всѣхъ другихъ хлопалъ самъ, пробиравшійся къ женѣ, Фридрихъ Фридриховичъ.

— О, вы! — говорилъ онъ, улыбаясь и грозя пальцемъ стоявшему возлѣ Берты Ивановны Истоминону. — Нѣтъ, ужъ

вы меня извините, я съ вами мою жену на необитаемый островъ ни за что не отпущу.

Берга Ивановна вспыхнула. Истомину тоже эта выходка не понравилась.

— Отчего же это? — отвѣчалъ онъ съ недовольной гримасой Шульцу.

— Отчего? Ну, батюшка, не хитрите, мы васъ не сегодня знаемъ! Нѣтъ, Бертинька, нѣтъ, мой другъ, какъ ты хочешь, а я тебя съ нимъ на необитаемый островъ не отпущу.

— Фридрихъ, — произнесла, краснѣя и качая съ упрямомъ головкой, Берга Ивановна, которую все это конфузило, но въ то же время, однако, было въ свою очередь и довольно пріятно.

— Ну, ну, ну, мамушка, пушу ужъ, пушу, — отвѣчалъ Фридрихъ Фридриховичъ, цѣлуя женину руку и отходя затѣмъ подъ руку съ тещей въ сторону для какихъ-то хозяйственныхъ совѣщаній.

Всѣхъ незамѣтнѣе на этомъ танцевальномъ вечерѣ были Ида Ивановна и Маня. Ида Ивановна танцевала много и съ чисто-нѣмецкимъ упоеніемъ, но все-таки она была совершенно незамѣтна, а Мани совсѣмъ даже было и не видно. Истоминъ, какъ вѣжливый кавалеръ, пригласилъ на одну кадрили и одинъ вальсъ Иду Ивановну и потомъ ангажировалъ на слѣдующій вальсъ Маню. Миниатюрная Маня, рядомъ съ Истоминимъ, смотрѣла совсѣмъ ребенкомъ. Крошечной, граціозной пташечкой она носилась возлѣ сильной фигуры Истомина, совсѣмъ лежа на его рукѣ и едва касаясь пола своими крохотными, вовсе не нѣмецкими ножками. Балъ Норковъ заходилъ уже за полночь; гдѣ-то за стѣною началъ раздаваться стукъ посуды и ложекъ, и солидные господа уже не разъ посматривали на свои брегеты. Танцамъ приходилъ конецъ; нужно было ужинать и послѣ ужина расходиться, а сочныя плечи и добродѣтельно-пряныя уста еще просились потанцевать.

— Oh! nur noch ein Mal! Nur noch ein einziges, kleines Mal! (О! еще одинъ разочекъ! Одинъ маленький, крошечный разочекъ!) — говорили, складываясь сердечкомъ, пряныя губки.

Фридрихъ Фридриховичъ вступился въ ихъ спасенье; онъ далъ солиднымъ господамъ по настоящей гаванской сигарѣ,

попросилъ тещу повременить съ ужиномъ; усадилъ Иду Ивановну за рояль и далъ черноусому поляку порученіе устроить какую-нибудь мазурку похитрѣе.

— Панъ Кошуть! бондзь-ну, панъ ласковъ, зроби намъ мазуречку... атакую. — Шульць закусилъ губу и проговорилъ:— атакую, чтобъ кровь старая заговорила.

— Moge, moj rane, moge, — отвѣчать, расшаркиваясь, панъ Кошуть и вдругъ вошелъ въ свою сферу.

Онъ попросилъ немножко въ сторону одну изъ дочерей пастора и, переговоривъ съ нею, объявилъ оригинальную мазурку *par confidence*. Условіями этой мазурки требовалось, чтобы дамы сѣли по одной стѣнѣ, а мужчины стали по другой, напротивъ дамъ, и чтобы дамы выбирали себѣ кавалеровъ, довѣряя имя своего избраннаго одной общей довѣренной, которою и взялась быть младшая дочь пастора. Каждый мужчина долженъ былъ угадать, какая дама его выбрала, выйти и передъ тою остановиться. Если же мужчина ошибался — причемъ обыкновенно начинался веселый хохотъ — то плохой отгадчикъ, при общемъ смѣхѣ, возвращался съ носомъ на свое мѣсто и выходилъ слѣдующій и затѣмъ, когда эта пара кончила, дама, избравшая прежняго кавалера, отосланнаго за недогадливость за фронтъ, должна была сама встать, подать руку недогадливому избраннику и танцевать съ нимъ. Разумѣется, при такихъ условіяхъ, особенно съ незнакомыми почти дамами, мужчины безпрестанно ошибались и при смѣнѣ каждой пары въ залѣ Норковъ начинался самый веселый хохотъ. Наконецъ, дошла очередь и до Истомина. Онъ стоялъ предпослѣднимъ, послѣ него оставался только одинъ дирижеръ мазурки, самъ черноусый Кошуть. Истоминъ замѣтилъ давно, что всѣ подходившіе къ Манѣ отходили отъ нея ни съ чѣмъ и что она сама никого не выбирала, и потому, какъ только до него дошла его очередь, онъ прямо разошелся къ Манѣ, остановился передъ нею и поклонился.

Маня слегка покраснѣла и тихо сказала:

— Я васъ не выбирала.

Всѣ дружно засмѣялись.

Истоминъ засмѣялся такъ же искренно, какъ всѣ тѣ, кому онъ доставилъ это удовольствіе, и, махнувъ рукою спѣшнымъ шагомъ удалился къ мужской стѣнѣ.

На его мѣсто, разглаживая усы, выступалъ полякъ.

— На ура иду! — сказали онъ, сталкиваясь съ Истоминымъ и, остановясь передъ Манею, щелкнувъ каблукими и поклонился à la Кшесиньскій.

Ко всеобщему удивленію, Маня встала и подала ему свою ручонку.

Ида Ивановна заиграла. Полякъ вѣжливо остановилъ ее и вкрадчивымъ голосомъ сказалъ:

— Нельзя ли старую мазурку Хлопицкаго?

Ида Ивановна покопалась въ кучѣ лежавшихъ на фортепьяно нотъ, достала оттуда одну тетрадь, положила ее на пюпитръ и раздала Хлопицкій.

Полякъ сжалъ ручку Мани, выпаль лѣвой ногою, топнулъ и пошелъ, и пошелъ. Какъ перышко, привязанное къ легкой воланной пробѣ, мелькала возлѣ него Маня. Отчаяннымъ мазуромъ леталь онъ, тормоша и подбрасывая за руку свою легкую даму; становился передъ ней, не теряя такта, на колѣни, векакивалъ, снова неся, глядѣлъ ей съ удалью въ ея голубиные глазки, отрывался и, ловя налету ея руки, увлекать ее снова и, наконецъ, опустившись на колѣно, перенесъ черезъ свою голову ея руку, раболѣпно поцѣловалъ концы ея пальцевъ и, не поворачиваясь къ дамамъ спиною, задомъ отошелъ на свое мѣсто.

Зальца трещала отъ рукоплесканій, и переконфуженная Маня не знала, куда ей смотрѣть и куда дѣваться.

Послѣ такого танцора не легко было пуститься въ мазурку, даже и въ этомъ пріятельскомъ, фамильномъ кружкѣ, и Истоминъ началъ надѣяться, что авось-либо его никто не выберетъ.

Но... въ ряду дамъ шелъ тихій смѣхъ, шопотъ и подергиванье.

— *Aber das muss; nichts zu machen, das muss, das muss,* — повторяла стоявшая у женскаго фланга дочь пастора, и вотъ величественная Берта Ивановна, расправляя нарочно долго юбку своего платья, медленно отдѣлилась отъ стула и стала застѣнчиво, но съ королевской осанкой.

— *Das muss! das muss!*—настойчиво кричали ей сквозь веселый смѣхъ со всѣхъ сторонъ женщины.

Берта Ивановна засмѣялась и, закусивъ нижнюю губку, тронулась королевскою поступью къ Истомину. Они подали другъ другу руки и стали на мѣсто.

Ида Ивановна смотрѣла на нихъ молча и серьезно: въ

это время Ида Ивановна смѣялась. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, удивительная дѣвушка была эта Ида Ивановна! При своей великой внѣшней скромности, она страсть какъ любила пошлать, слегка подтрунить надъ кѣмъ-нибудь, на чей-нибудь счетъ незлобиво позабавиться; и умѣла она шалить такъ, что это почти было незамѣтно; и умѣла она досыта насмѣяться такъ, что не только мускулы ея лица, а даже самые глаза оставались совершенно спокойными. Надо было очень хорошо знать эти глаза, чтобы по легкому, едва замѣтному измѣненію ихъ блеска, догадаться, что Ида Ивановна хохочетъ во всю свою глубоко спрятанную душу.

Въ эту минуту ей хотѣлось посмѣяться разомъ надъ madame Шульцъ и надъ Истоминымъ, и она оставила ихъ постоять на виду до тѣхъ поръ, пока мѣшавшаяся Берта Ивановна раскраснѣлась до non plus ultra и, наконецъ, крикнула:

— Да ты, по крайней мѣрѣ, играй же, Ида!

— Играйте, Идинька!—проговорили на женской сторонѣ.

— Spielen Sie doch, Ida!—одновременно крикнули ей съ нѣкоторой строгостію зять и Софья Карловна.

— Я не знаю, какую они хотятъ мазурку?

Берта Ивановна назвала очень лянгзамную мазурку; Ида заиграла ее ужъ совсѣмъ *langsam*.

Это собственно и было, впрочемъ, нужно. Держась рѣдкаго, медленнаго тѣмпа музыки, Истоминъ, безъ всякаго мазурнаго ухарства, началъ словно репрезентовать подъ музыку свою прекрасную королеву, словно говорилъ: а ну-те-ка — каковы мы вотъ такъ? а ну-те-ка посмотрите насъ еще вотъ этакъ? да еще вотъ этакъ?

Никто имъ, этимъ красавцамъ, не хлопалъ; но всѣ на нихъ смотрѣли съ удовольствіемъ.

— Красивая пара! прелесть какая красивая! — опять шептали о нихъ потихоньку.

Берта Ивановна съ Истоминымъ, должно быть, это слышали, а если не слышали, такъ чувствовали. Берта Ивановна негнула головы на бокъ, какъ француженка, и не подлетала бокомъ, какъ полька, а плыла себѣ хорошей лебедью и давала самый красивый изгибъ своей лебяжьей шеѣ. Ида тоже любовалась сестрою, и ей вздумалось еще подшутить надъ нею. Она быстро перемѣнила аккордъ и заиграла вальсъ. Истоминъ улыбнулся Идѣ Ивановнѣ, про-

ворно обнять талию madame Шульцъ и началъ попрежнему вальсировать граціозно, поворачивая свою роскошную даму. Идѣ Ивановнѣ было и этого мало: давъ парѣ сдѣлать два круга по залѣ, она неожиданно заиграла самую старинную польку. Художникъ и сама madame Шульцъ засмѣялись.

— Хорошо же!—сказала Истоминъ и, сложивъ свои руки на груди, стала полькировать съ Бертой Ивановной по самой старинной модѣ. Развеселившаяся Берта не дала сконфузить своего кавалера: шала, закинула она назадъ свои бѣлыя руки и пошла въ тактъ отступать. Гости опять начали имъ аплодировать и смѣяться.

— Ахъ вы, ненавистные красавцы! никакъ не собьешъ ихъ! — спокойно шепнула Манѣ Ида Ивановна и вдругъ громкими аккордами взяла:

Ужъ какъ по мосту-мосту,
По калитковому.

— Вотъ что!.. Ну, такъ выручайте же, Берта Ивановна!—крикнулъ Истоминъ и пошелъ русскую, какъ и самъ извѣстный цыганъ Илья ее не хаживаль.

Не посрамила и Берта Ивановна земли русской, на которой родилась и выросла — вынула изъ кармана бѣлый платокъ, взяла его въ руку, повела плечомъ, грудью тронула, соболиной бровью мигнула и втупикъ поставила всю публику своей разудалой пляскою. Полякъ съ своей залихватской мазуркой и его миньонная дамочка были въ карманъ спрятаны этой парой.

Полы машутся, раздуваются
пѣль, хлопая ладошами, Фридрихъ Фридриховичъ, не зная, что бы ему еще можно сдѣлать отъ радости. На выручку ему Истоминъ подхватилъ:

То-то лента, то-то лента,
То-то алая моя!
Ала, ала, ала—ла
Мнѣ сударушка дала.

Съ этимъ Истоминъ повернулъ Берту Ивановну за одну ручку около себя, низко ей поклонился, по-русски, и посадилъ ее на мѣсто.

— Сто-то-то-й! стойте! стойте! стойте! — кричалъ сквозь аплодисменты и крики *bravo* Фридрихъ Фридриховичъ. — Нѣтъ! по-нашему, по-русски, такъ не расходятся!

Истоминъ нагнулся и поцѣловалъ у Берты Ивановны руку.

— Н-нѣтъ-съ! Нѣтъ-съ! и это все не то, не то! Это опять по-заморски, а у насъ, *кто съ кѣмъ танцуетъ, тотъ того и цѣлуетъ*,—говорилъ Шульцъ, сводя за руки Истомина съ своею женою.

— Фридрихъ! Фридрихъ, ты съ ума сошелъ!—шептала, красная, какъ вишня, Берта Ивановна.

— *Кто съ кѣмъ танцуетъ, тотъ того и цѣлуетъ*, это разъ сказано и навсегда крѣпко, — настаивалъ, ничему не внимая, неутомимый Шульцъ.

— Съ моей стороны препятствій нѣтъ, — отвѣчалъ Истоминъ.

— А жена, какъ дьяконъ читаетъ, должна во всемъ повиноваться своему мужу, — зарѣшилъ Шульцъ.

— Ну, Фридрихъ!—сказала, улыбувшись, Берта Ивановна и подвинула свою голову къ художнику весьма спокойно, но тотчасъ же оторвала свои влажные уста отъ сухихъ, пунцовыхъ губъ Истомина.

— О, мой Фридрихъ, какъ я устала! — произнесла она торопливо, кидая на плечи мужа обѣ свои руки и поспѣшно цѣлуя его въ обѣ щеки, какъ бы желая этими законными поцѣлуями стереть съ своихъ губъ поцѣлуй Истомина.

— Это поцѣлуй позволительный, — говорилъ Шульцъ, объясняя свою оригинальную выходку нѣсколько изумленнымъ нѣмцамъ.

— Позволительный, или позволенный, вы хотите сказать?—спросилъ Истоминъ.

— И позволительный, и позволенный, — отвѣчалъ Фридрихъ Фридриховичъ.

Художникъ молча отошелъ къ окошку и надулся.

Въ залѣ стали накрывать на столъ; дамы вышли отдохнуть въ спальню Софьи Карловны, а мужчины жались по угламъ.

— Чтò съ вами такое вдругъ сдѣлалось? Какая муха васъ укусила? — спросилъ я, взявъ за руку Истомина, на лицѣ котораго я ужъ давно привыкъ читать всѣ его душевныя движенія.

— Такъ... не по себѣ,—отвѣчалъ онъ нехотя.

— Пульсъ неровный и частый,—пошутилъ я, держа его за руку.

— Какой ужъ, однако, въ самомъ дѣлѣ, колбасникъ этотъ

Шульцъ; терпѣть я его не могу въ нѣкоторыя минуты!— проговорилъ, нервно кусая ногти, Истоминъ.

Пунцовыя губы его тихо вздрагивали подъ черными усами и говорили мнѣ, что въ безпокойной крови его еще горитъ влажный поцѣлуй Берты Ивановны. Если бы пасторъ Абель вздумалъ въ это время что-нибудь заговорить на тему: «не пожелай жены искренняго твоего», то Романъ Прокофьичъ, я думаю, едва ли былъ бы въ состояннн увлечься это повѣдью.

У маленькаго столика, передъ соленой закуской, поданной къ водкѣ за минуту до ужина, Шульцъ опять было началъ шутить съ Истоминымъ.

— Нѣтъ, батюшка мой, на дуэль! и слушать ничего не хочу; на дуэль! Помилуйте, совсѣмъ сбиль бабу съ толку: и по-русски плясать пошла, и сама его выбираетъ себѣ. Нѣтъ-съ, мы съ тобой, родной мой, безъ дуэли не кончимъ!

— Кончите.—сухо отвѣтилъ Истоминъ и отошелъ къ большому столу.

Онъ упорно промолчалъ все время за ужиномъ, ѣлъ очень мало и почти ничего не пилъ. Отъ угощеній Шульца онъ отдѣлывался нетерпѣливо и рѣшительно.

— Не хочу и не буду пить.

— Въ пользу дѣтскихъ пріютовъ!—упрашивалъ Шульцъ.

— Довольно повтораться; все это совершенно напрасно будете говорить.—отвѣчалъ онъ хлѣбосольному Шульцу.

Какъ всѣ женскіе любимцы, Истоминъ былъ очень капризенъ, и чѣмъ болѣе за нимъ ухаживали, чѣмъ болѣе его умасливали, тѣмъ онъ обыкновенно становился хуже. Его нужно было не раздражать и не гладить по головкѣ, а оставлять самому себѣ, пока онъ уходится въ совершенномъ покоѣ.

Практическій Шульцъ, или не зная этой струнки въ Истоминѣ, или поддерживавшееся понемножку цѣлый день слегка праздничное состояніе головы Фридриха Фридриховича дѣлало его нѣсколько безтактнымъ. Чѣмъ Истоминъ болѣе ершился, тѣмъ внимательнѣе и любезнѣе становился къ нему Фридрихъ Фридриховичъ. Знакомство съ знаменитостями было у Фридриха Фридриховича, дѣйствительно, его Ахиллесовою пятою. Эта слабость заставляла его дѣлать изъ Истомина извѣстность столь крупную, какою онъ въ самомъ дѣлѣ не былъ—льстить ему и поглажать его разнузданности,

которую художникъ считалъ въ себѣ страстностью. Теперь эта слабость Шульца разжигала въ немъ желаніе во что бы то ни стало показать своимъ, что этотъ замѣчательный художникъ Истомянъ, ему, Фридриху Шульцу, приходится самый близкій другъ и пріятель. Если братъ мѣриломъ дружбы деньги, что, можетъ статься, будетъ и не совѣмъ неосновательно, то если бы Истомянъ попросилъ у Шульца займы на слово десять тысячъ рублей, Шулецъ бы только обрадовался возможности услужить ими своему другу; если бы у него на этотъ случай не было въ рукахъ такихъ денегъ, то онъ досталъ бы ихъ для друга со дна моря. А какой ему Романъ Прокофьичъ былъ другъ?—Да никакой!

О, Господи, Господи! сколько удивительныхъ коныковъ есть у странствующаго по лицу земли человѣчества! И чего ради все это бываетъ?! Чего ради вся эта суета, давка и напраснѣйшая трата добрыхъ и хорошихъ силъ на вѣтеръ, на призракъ, на мечтаніе! Сколько, въ самомъ дѣлѣ, есть разныхъ этихъ генераловъ Джаксоновъ, и на сколько ладовъ каждый человѣкъ умудряется умереть за своего Джаксона!

Романъ Прокофьичъ былъ не худой человѣкъ въ иныхъ случаяхъ, даже добрый человѣкъ, способный иногда растрогаться чужимъ горемъ до слезъ, увлечься до нѣкотораго самоотверженія, но *любить* онъ никого не могъ, потому что *нечѣмъ* ему было любить. У него съ рода-родясь не было никакихъ друзей, а были у него только кое-какіе невзыскательные пріятели, съ которыми онъ, какъ на примѣръ со мною, не былъ ничѣмъ особенно связанъ, такъ что могли мы съ нимъ, я думаю, цѣлый свой вѣкъ прожить въ ладу и въ согласіи вмѣстѣ, а могли и завтра, безъ особаго другъ о другѣ сожалѣнія, разстаться хотя и на вѣчныя времена. Женщины же, которыя его любили и которыхъ онъ и самъ въ простотѣ сердца называлъ своими «любовницами», онъ обыкновенно ставилъ въ положенія тайныхъ наложницъ—положенія, исключаящія изъ себя все, что вноситъ въ жизнь истинную поэзію и облагораживаетъ ближайшія отношенія женщины къ человѣку, передъ которымъ онъ увольняетъ сдерживающую ее скромность.

Романъ Прокофьичъ, впрочемъ, былъ человѣкъ необезличившій, и женщины любили его не за одну его наружность. Въ немъ еще цѣла была своя *натура*—натура, можетъ-быть, весьма неодобрительная, но все-таки это была

натура изъ числа тѣхъ, которыя при стереотипности всего окружающаго могутъ производить впечатлѣнiе, и обыкновенно производятъ его на женщинъ пылкихъ и всѣмъ сердцемъ ищущихъ *человѣка*, въ которомъ мерцаетъ хотя какая-нибудь малѣйшая Божiя искра, хотя бы и заваленная цѣлою бездною всякаго грѣховнаго мусора.

Вы можете считать его даже уродомъ, даже уродомъ по-жалуй въ нашъ вѣкъ и невозможнымъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ живой человѣкъ и на Васильевскомъ Островѣ еще непрѣменно есть зеркала, въ которыя онъ и до днешняго дни смотрится.

На Васильевскомъ Островѣ есть свои особенные, островскiе, доживающiе типы; это, такъ сказать, *васильевостровскiе могикиане*. Въ ряду этихъ могикианъ самые оригинальные и близкiе къ уничтоженiю — прихотники, люди, кажется, нигдѣ, кромѣ Острова, невозможные; люди, усвоившии себѣ свои, весьма исключительныя, прихоти и возводящiе эти прихоти во что-то законное и неотразимое. Здѣсь еще, да здѣсь, не въ далекомъ провинциальномъ захолустьи, а въ Петербургѣ, въ двухъ шагахъ отъ университета и академiи сидятъ, напримѣръ, какъ улитки, уткнувшись въ самый узкiй конецъ своей раковины, нѣкоторые оригинальные ученые, когда-то что-то претерпѣвшiе и съ тѣхъ поръ упорно дѣлающiе, въ теченiе многихъ лѣтъ, всему обществу самую непростительную гримасу. Они употребляютъ все зависящiе отъ нихъ средства быть не тѣмъ, чѣмъ они созданы, изолироваться и становиться «не отъ мiра сего». Должно признаться, что нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ въ этомъ искусствѣ до такого совершенства, что, дѣйствительно, утрачиваютъ, наконецъ, всякую способность понимать свое время: одинъ такой оригиналь, выходя на минуту изъ своей раковины, положимъ, не находить для себя безопаснымъ ни одного кресла въ театрѣ; другой стремглавъ сбѣжить отъ извозчика, который по ошибкѣ завернетъ съ нимъ не въ тотъ переулокъ, куда ему сказано; третiй огуломъ смущается отъ взгляда каждаго человѣка, и все они вмѣстѣ готовы съечь цѣлый историческiй трудъ свой, если на нихъ искоса посмотреть кухарка, подавшая приготовленное для нихъ жаркое. Ни прежняя жизненная дѣятельность, ни новые труды не даютъ основанiя сомнѣваться, что у этихъ людей головы способны работать здраво, когда

захотятъ, чтобы они работали. Выпяливать глаза и забираться въ уголь, для этихъ людей, очевидно, ихъ прихоть: имъ, вѣроятно, и самимъ нелегко служить этой прихоти, но они непреклонны: девизъ ихъ — русская пословица: «тѣшь мой обычай, пляши въ головахъ». Отстать отъ этой прихоти для нихъ значитъ перестать быть самимъ собою: въ ней крѣпость ихъ слабости.

Еще болѣе странныхъ и еще менѣе достойныхъ извиненія прихотниковъ встрѣчается здѣсь среди людей, надышавшихся въ юности воздухомъ васильеостровской академіи художествъ и воспріявшихъ на себя ея преданія. Вѣчное дѣтство и, къ несчастію, весьма нехорошее, испорченное дѣтство этихъ людей поистинѣ изумительно. Германскій студентъ, окончивая курсъ въ своемъ университетѣ и отпировавъ съ товарищами послѣднюю пирушку, перестаетъ быть безпокойнымъ буршемъ и входитъ въ общество людей съ уваженіемъ къ ихъ спокойствію, къ ихъ общественнымъ законамъ и къ ихъ морали; они снимаютъ свою корпоративную кокарду и съ нею снимаютъ съ себя обязательство содержать и вносить въ жизнь свою буршескую, корпоративную нравственность. Буршъ сдѣлался гражданиномъ страны своей и человѣкомъ *своего времени*, принося внутреннюю присягу совѣсти передъ кодексомъ нравственности болѣе широкимъ, чѣмъ кодексъ, регламентирующій несложныя отношенія одинокаго бурша. Такимъ образомъ буйный буршъ, какъ бы онъ ни провелъ время своего студенчества, не вноситъ изъ своей корпораціи въ общество никакихъ преданій, обязывающихъ его враждебно идти въ разрѣзъ со всѣми людьми земли своей. Не то представляетъ нашъ художникъ и именно, въ это время, уже рѣшительно только одинъ нашъ, русскій художникъ, человѣкъ по преимуществу еще очень мало развитый, или, чаще всего, вовсе неразвитый и кругомъ невѣжественный. Съ тѣхъ поръ, какъ Екатерина Вторая построила на островской набережной Большой Невы храмъ *свободнымъ искусствамъ*, заведеніе это выпустило самое ограниченное число замѣчательныхъ талантовъ и довольно значительное число посредственности, дававшей нѣкогда какіе-то задатки, а потомъ безслѣдно заглохней. Всѣ эти таланты и посредственность, а вкупѣ съ нею и вся художественная бездарность — вынесли изъ воспитательной среды этого заведенія

художественныя прихоти великихъ дарованій: они любятъ поощрять въ себѣ разнузданность страстей и страстишекъ; воспитываютъ въ себѣ характеры примитивныя и бредятъ любовью къ женщинамъ и любовью къ природѣ, не понимая самыхъ простыхъ обязательствъ, вытекающихъ изъ любви къ женщинѣ, и не щадя природы челоуѣка въ самыхъ глубочайшихъ нѣдрахъ челоуѣческаго духа. Всѣ поколѣнія русской художественной семьи, начиная съ тѣхъ, которыя видѣли на президентскомъ креслѣ своихъ совѣтовъ императрицу Екатерину, до тѣхъ, при которыхъ нынче обновляется неотвѣчающее современнымъ условіямъ екатерининское зданіе — всѣ они отличались прихотничествомъ, всѣ требовали отъ жизни чего-то такого, чего она не можетъ давать въ это время, и того, что имъ самимъ вовсе не нужно, что разбило бы и разрушило ихъ мѣщанскіе организмы, неспособные снести осуществленія единственно лишь изъ одной прихоти заявляемыхъ художественныхъ запросовъ. Кромѣ извѣстнаго числа ловкихъ людей, которые къ извѣстной порѣ своего возраста являютъ одинаковую степень сообразительности, не стѣняясь тѣмъ, прошла ли ихъ юность подъ отеческимъ кровомъ, въ стѣнахъ пажескаго корпуса, въ залахъ училища правовѣднія, или въ натуральныхъ классахъ академіи, кромѣ этихъ *художниковъ-практиковъ*, о которыхъ говорить нечего, остальное все очень трудно разстается съ отживающими традиціями. На нашей уже памяти доживало поколѣніе художниковъ, проводившихъ большую половину своей жизни въ пьяномъ видѣ. Академическое преданіе убѣждало этихъ людей, что трезвый, воздержный и самообладающій художникъ вовсе не художникъ; оно оправдывало эту порочную слабость, дѣлало ее принадлежностью художника и насаждало около стѣнъ васьльеостровской академіи цѣлый классъ людей, утверждавшихъ за собою право не владѣть собою, ибо страсти ихъ велики безъ мѣры и головою выше всякихъ законовъ. Сила преданія тиранствовала надъ этими нравами до тѣхъ поръ, пока общественное чуждательство отъ сближенія съ людьми, пьянствующими ex professo, вдругъ показало тогдашнимъ художникамъ, что они могутъ остаться за флагомъ, ибо на смѣну ихъ является новое поколѣніе, не манкирующее явно благопристойностью. Освободивъ себя отъ тираніи этого преданія, нынѣшній художникъ уже не пре-

небрегаетъ многимъ, что можетъ быть пришлифовано къ нему, не нарушая его художественнаго настроенія: онъ отдалъ публичнымъ канканерамъ свои небрежно повязанные галстуки, уступилъ «болванамъ петербургскаго нигилизма» длинную гривку и ходитъ нынче совсѣмъ чело-вѣкомъ: даже немножко читаетъ. Оцивилизовавшись внѣшнимъ образомъ, васильеостровскій художникъ, однако, упорнѣйшимъ образомъ хранитъ въ себѣ еще послѣднее завѣщаніе старыхъ преданій: онъ боится давать возрасти внутри себя чело-вѣку самообладающему. Онъ и до нынѣшняго дня вѣритъ, что это самообладаніе можетъ уничтожить въ немъ художника и считаетъ своею обязанностью приносить все въ жертву прихотей, по преданію отличавшихъ прежнихъ людей его среды. Выражается это очень странно, въ видѣ *страстности*; но это не страстность, заставляющая современнаго чело-вѣка хоть на минуту перенестись въ эпоху нибелунговъ, олимпійскихъ боговъ и вообще въ эпоху великихъ образовъ и грандіознаго проявленія гигантскихъ страстей: это въ жизни прихоть, оправдываемая преданіями; въ творчествѣ — служеніе чувственности и неумѣнье понять круглымъ счетомъ ровно никакихъ задачъ искусства, кромѣ задачъ сухо-политическихъ, мелкихъ, или комфортативныхъ, разрѣшаемыхъ въ угоду своей субъективности. Это просто неотразимое вліяніе кружка и особенностей воспитанія, исключających у насъ возможность появленія Рубенса, Тинторето, Тиціана и Веласкеца, но зато производящихъ бездарнѣйшихъ людей да учителей рисованія, или чиновниковъ академіи, да художниковъ Истоминыхъ. Зданіе академіи художествъ начинаютъ исправлять и передѣлывать въ годъ открытія другого зданія, въ которомъ общество русское, недавно судимое при закрытыхъ дверяхъ, само въ лицѣ избранныхъ людей своихъ станетъ судьей *факта* по совѣсти и по убѣжденію внутреннему. Вровень съ карнизами этого зданія приподнимется и станетъ во главѣ угла камень, который долго отвергали зиждущіе: встанетъ *общественное мнѣніе*, встанетъ *правда народа*. Опера-фарсъ «Орфей въ аду», поставленная на русской петербургской сценѣ зимою, предшествовавшей открытію въ столицѣ зданія суда, представляла *общественное мнѣніе* одѣтымъ въ ливрею, дающую ему видъ часовой будки у генеральскаго подъѣзда; но близьъ часъ, когда

дирекція театровъ должна будетъ сшить для актрисы Стрѣльской, изображающей «общественное мнѣніе», новую одежду. Рисунокъ этой одежды пускай внимательно обсудятъ послѣдніе могикане екатерининскаго храма «свободнымъ художествамъ», ибо въ этой одеждѣ общественное мнѣніе выйдетъ изъ будки, наложитъ свою правдивую десницу на всѣ дѣла, нынѣ снисходительно оправдываемыя заблужденіями, и нелицеприятно скажетъ свое безапелляціонное: *виновенъ*.

Каковы бы ни были свойства тѣхъ печальныхъ случайностей, которыя дали строителю академіи Кокорину мысль, совершивъ свою работу, удавиться въ построенныхъ имъ стѣнахъ, а великому въ исторіи русскаго искусства Карлу Брюллову другую, нѣсколько банальную мысль снять на границѣ Россіи бѣлье, платье и обувь и нагишомъ перейти въ Европу, гдѣ его иностранные друзья приготовили ему новое, небывавшее въ Россіи платье, ученики Брюллова — тутъ, въ обѣихъ этихъ выходкахъ — строителя академіи и знаменитѣйшаго изъ ея профессоровъ, есть что-то, отчего можно задуматься. Ученики Брюллова должны бы, кажется, припомнить этотъ аллегорическій призывъ къ обновленію и сбросить свои демоническіе плащи, время которыхъ, увы, невозвратно минуло. Въ наше время неудобно забывать, что какъ выпяленные изъ орбитъ глаза нѣкоторыхъ ученыхъ, смущающихся взглядами подающей имъ жаркое кухарки, обуславливаютъ успѣхъ людей менѣе честныхъ и менѣе ученыхъ, но болѣе живыхъ и чуткихъ къ общественному пульсу, такъ и не въ мѣру выпяливаемыя художественныя прихоти и страсти художниковъ обуславливаютъ успѣхъ непримиримыхъ враговъ искусства: людей, неуважающихъ ничего, кромѣ положенія и прибытка, и теоретиковъ, поставившихъ себѣ миссією игнорированье произведеній искусства и опощленіе самихъ натуръ, чувствующихъ неотразимость художественнаго призванія.

Время громко говоритъ художникамъ: берите изъ своихъ преданій все, что не мѣшаетъ вамъ быть гражданами, полными чувствъ гражданской доблести, но сожгите все остальное вмѣстѣ съ старыми манкенами, дѣланными въ дни младенчества анатоміи и механики, и искреннѣе подайте руку современной жизни.

Какъ ни старо аллегорическое сравненіе жизни съ моремъ,

по не мѣшаетъ иногда вспомнить и старое. Море выбрасываетъ все, что не умѣетъ держаться на его волнахъ, борясь съ дыханіемъ бурь и съ грозой непогоды, но оно выбрасываетъ и то, что падаетъ на дно его безднъ, будучи чуждо этимъ глубокимъ безднамъ.

Возвращаемся, впрочемъ, къ нашимъ пирующимъ нѣмцамъ и къ ихъ своеобразному гостю.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Чѣмъ упрямѣе дулся Романъ Прокофичъ, тѣмъ усерднѣй волочился за нимъ Фридрихъ Фридриховичъ. Не находя мѣста прямому ухаживанью, онъ начинать это издали, самыми окольными путями. Маневры Шульца въ этомъ случаѣ были презанимательны, и хотя это довольно часто напоминало «намекы тонкіе на то, чего не вѣдаетъ никто», но Истоминъ понималъ ихъ и все это, что называется, его все болѣе накручивало и заводило. А Фридрихъ Фридриховичъ все-таки продолжалъ усердствовать. Онъ даже до того увлекся своей внимательностью, что въ присутствіи всѣхъ солидныхъ нѣмцевъ и самого настора Абея началъ окончательно объявлять себя человѣкомъ русскимъ и отдавать тонкое предпочтеніе всему русскому. Никогда не изобличая особеннаго знакомства съ русской исторіей и геральдикой, Шулецъ вдругъ заговорилъ о Строгановыхъ, о гостѣ Петрѣ Строгановѣ и нѣмцѣ Данилѣ Эйлоффѣ, возставшихъ за Шуйскаго, противъ царика Тушинскаго. Тутъ въ этихъ рѣчахъ было все: и желаніе бортоваться борть о борть съ фамиліей Строгановыхъ, и похвала Эйлофу, «нѣмцу греческой вѣры», и похвала самой вѣрѣ греческой, и готовность Шульца во всемъ сдѣлаться вторымъ Эйлофомъ.

Отъ старыхъ дней Шулецъ перешелъ и къ настоящему времени.

— Что-жъ, — говорилъ онъ съ мягчайшею скромностью: — у насъ въ Россіи теперь, особенно при нынѣшнемъ государѣ, житье людямъ самое лучшее, какъ въ чужихъ краяхъ.

Отъ вопросовъ столь крупной, такъ сказать, государственной важности, дѣло точно въ томъ же направленіи доходило и до частныхъ: Шулецъ началъ хвалить нашу общественную жизнь, нашъ Петербургъ, съ его каналами, мостами и дворцами.

Кто-то было похвалилъ Берлинъ.

— Помилуйте! — вступился Шульцъ: — ну, что тамъ за Берлинъ! воробью лѣтомъ напиться негдѣ; а вѣдь у насъ, вѣдь это я, ей-Богу, не знаю—вѣдь это Венеція!

— Да и ледъ въ маѣ плаваесть,—подсказалъ Истоминъ.

Шульцъ разсмѣялся и ударилъ Истомина товарищески по плечу.

Въ это время кто-то заговорилъ о театрахъ; какіе театры въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ; вспомнили о Янаушекъ и о Газе.

— Что же Газе! Ну, что-жъ такое Газе! — восклицалъ съ кислою миною Фридрихъ Фридриховичъ поклонникамъ нѣмецкаго Гаррика. — Видѣлъ-съ я и Газе, и Дависона, а ужъ я не говорю объ этомъ чортѣ, объ Ольриджѣ... но... но, я спрашиваю васъ... ну, что же это такое? Конечно, тамъ въ Отелло онъ хорошъ, ну ни слова — хорошъ; но вѣдь это... вѣдь это все-таки не то же, напримѣръ, что нашъ Василій Васильевичъ, который вездѣ и во всемъ артистъ.

На лицахъ нѣмцевъ выразилось общее недоумѣніе и даже перепугъ.

Одинъ недоумѣвающий нѣмецъ, остоленѣвшій съ кускомъ говядины во рту, торопливо пропустилъ глотокъ вина и спросилъ:

— Это какой Василь Васичъ?

— Да Самойловъ-съ.

— А-га, Самойловъ! — произносилъ недоумѣвающий нѣмецъ, точно проглатывалъ въ нѣсколько приѣмовъ большую маринованную устрицу.

— Да-съ, да, Самойловъ! Что можетъ сравниться, я говорю, когда онъ произнесетъ это, знаете: «О, защитите насъ, святія силы неба!» О, я вамъ скажу, это не шутка-съ!

— Очень хорошо, — соглашался недоумѣвающий нѣмецъ, проглатывая вторую устрицу.

— Ну, зато ужъ опера русская! — заводила, покачивая головою, булочница Шперлингъ.

— Да, опера того... нехороша была, не теперь-съ, а *была!* — отвѣчалъ съ соболѣзнованіемъ Фридрихъ Фридриховичъ: — но пѣвцы хорошіе все-таки всегда были. Итальянцы, тамъ, конечно, итальянцами; но да-съ, а я вѣдь за всѣхъ этихъ итальянцевъ не отдамъ вамъ нашего русскаго Осипа Аѳанасьевича. Да-асъ! не отдамъ! Осипа Аѳанасьевича не отдамъ!

— Кто это Осипъ Аѳанасьевичъ? — осведомлялся опять недоумѣвающий нѣмецъ.

— Осипъ Аванасьевичъ! А вы такой башибузукъ, что не знаете, кто такой Осипъ Аванасьевичъ! Откуда вы прѣхали?

— Что-жъ такое... я вѣдь, кажется... ничего... — бормоталъ, испугавшись, нѣмецъ.

— Ничего! Нѣтъ, я васъ спрашиваю: откуда вы къ намъ въ Петербургъ прѣхали?

Нѣмецъ встревожился и даже пересталъ жевать. Мѣняясь въ лицѣ, онъ произнесъ:

— Да, да, да; конечно, конечно... ich weiss schon... это высочайше...

— Перестаньте, пожалуйста, Богъ знаетъ что говорить, это высочайшій басъ! понимаете вы: это—Петровъ, басъ! Осипъ Аванасьевичъ — нашъ Петровъ! — разъяснилъ ему болѣе снисходительно Фридрихъ Фридриховичъ. — Пѣвецъ Петровъ, понимаете: пѣвецъ, *твоецъ!*

— Петтрофъ пѣвецъ, — улыбался, блаженно успокоиваясь, нѣмецъ.

— Да-съ; это бархатъ, это бархатъ! Знаете, какъ у него это:

Друзья! тамъ-тамъ-тамъ-тамъ-та-ра-ри,
Друзья! томъ-томъ-та-ра-ра-ра,
Тримъ-тамъ-тамъ-тамъ-тамъ-та-ра-ри,
Тромъ-томъ-томъ-та-ра-ра-ра!

Фридрихъ Фридриховичъ нашѣлъ кусочекъ изъ извѣстной въ репертуарѣ Петрова партіи Бертрама — и взглянулъ исподлобья на Истомина: тотъ все сунулся и молчалъ. Съ каждымъ лестнымъ отзывомъ Фридриха Фридриховича, съ каждой его похвалою русской талантливости лицо художника подергивалось и становилось нетерпѣливѣе. Но этой войны Истомина съ Шульцемъ не замѣчалъ никто, кромѣ Иды Ивановны, глаза которой немножко смѣялись, глядя на зятя, да еще кромѣ Мани, все лицо которой выражало тихую досаду.

Гости поотопили въ сторону отъ своихъ обыкновенныхъ темъ и говорили о музыкѣ, или собственно Богъ знаетъ о чемъ говорили.

Собственная особа Фридриха Фридриховича все больше увлекалась артистическимъ патриотизмомъ: онъ сорвался съ петель и ужъ немножко хлестаковствовалъ:

— Самойловъ... — говорилъ онъ: — я съ нимъ тоже знакомъ, но это... такъ вамъ сказать, онъ не простецъ; онъ

этакой волкъ съ кличкомъ; Ришелье этакой; ну, а Петровъ,— продолжалъ Шульцъ, придавая особенную теплоту и мягкость своему голосу:—это нашъ братъ простопоръ; это *душа!* Я, бывало, говорю ему въ Коломягахъ лѣтомъ: ну, что, братъ, Осигъ Аванасъичъ?

— Такъ, говорить, все, братъ Шульцъ, помаленьку. Спои прошу: ну, другой разъ споеть, а другой разъ говорить: «самъ себѣ спой».—Простопоръ!

Слушая Фридриха Фридриховича, гости, ожидавшіе ужина, такъ и рѣшились держаться артистическихъ вопросовъ.

Какъ-то началъ рассказывать, что Леонова «тоже воспѣваетъ»; а кто-то другой замѣтилъ, что надо говорить не «воспѣваетъ», а «поять»; еще кто-то вмѣшался, что даже не «поять», а «спавиваютъ», и, наконецъ, ужъ вышло, что никто ничего не могъ разобрать. Опять потребовалось посредство Фридриха Фридриховича, который долго разяснялъ разницу понятій, выражаемыхъ словами: «пить», «цѣть», «паять», «воспѣвать» и «спавивать». Выходило чортъ знаетъ что такое несуразное, что Леонова то поеть, то паяеть, то воспѣваетъ, то спавиваетъ. Ухищряясь выговаривать искомое слово какъ можно правильнѣе, кто-то одинъ разъ сказалъ даже: «потѣеть»; но Фридрихъ Фридриховичъ тотчасъ же остановилъ этого филолога, замѣтя ему:

— Ну, ужъ сдѣлайте вашу милость—все что вамъ угодно, только не потѣеть.—Этого даже, пожалуйста, и не говорите никогда; никогда этого нигдѣ не говорите, потому что это не говорится-сь, да, не говорится-сь.

Послѣ ужина гости скоро стали прощаться. Семейство пастора и всѣ солидные господа и ихъ дамы разошлись первыя. Фридрихъ Фридриховичъ удержалъ въ залѣ только меня, Истомина, поляка, испеченнаго въ собственной булочной розоваго Шперлинга, и одного солиднаго господина.

— Вѣдь это напрасно,—говорилъ ему Истоминъ:—я ничего не стану пить.

— Ну-сь, это мы будемъ видѣть, какъ вы не выпьете!— отвѣчалъ Шульцъ.

Истоминъ поставилъ на столъ свою шляпу, взялъ съ окна принесенный Манею томъ Пушкина, придвинулся къ столу и началъ смотрѣть въ книгу.

Черезъ залу прошла въ магазинъ (изъ котораго былъ прямой выходъ на улицу) Берта Ивановна. Она не хотѣла

ни торопить мужа домой, ни дожидать его и уходила, со всѣми раскланиваясь и всѣмъ подавая руки. Ее провожали до дверей Ида Ивановна и Маня. Я всталъ и тоже вышелъ за ними.

— Устала ужасно я,—жаловалась Берта Ивановна, когда я застегивалъ на ней шубу.

— Очень ужъ вы,—говорю ей,—расплясались.

— Ахъ, я вѣдь люблю поплясать!

— И вашъ Истоминъ-то... Ну, я не думала, что онъ такой кузничекъ,—проговорила Ида Ивановна.

— Совсѣмъ странно,—тихо сказала Маня.

— Онъ совсѣмъ испугалъ меня... Ну, Фридрихъ! ну, погоди, я тебѣ это припомню!—закончила Берта Ивановна, относясь къ залѣ, изъ которой слышался голосъ мужа.

Я проводилъ Берту Ивановну до дома и тѣмъ же путемъ возвратился. Когда я пришелъ назадъ, въ магазинѣ была совершенная темнота, а въ залѣ компанія допивала вино, и Фридрихъ Фридриховичъ велъ съ солиднымъ господиномъ бесѣду о національныхъ добродѣтеляхъ.

— О, не думайте!—говорилъ онъ солидному господину:—нашъ нѣмецкій народъ—это правда, есть очень высокообразованный народъ; но нашъ русскій народъ—тоже очень умный народъ.—Шульцъ поднялъ кулакъ и произнесъ:—шустрый народъ, понимаете, что называется, шустрый? Здравый смыслъ, здравый смыслъ, вотъ чѣмъ мы богаты!

— Ну, да; ну, позвольте: теперь будемъ говорить Петербургъ. (Нѣмецъ оглянулся по сторонамъ и, видя, что послѣдняя изъ дамъ, Ида Ивановна, ушла во внутренніе апартаменты, добавилъ):—женитьбомъ пренебрегаютъ, а каждый, какъ это говорится, имѣетъ своя сбока прибока. Чѣмъ это кончится? Это какъ совсѣмъ Парижъ.

— Сбоку припека говорится,—поправилъ Фридрихъ Фридриховичъ и продолжалъ въ другомъ тонѣ:—ну, только тутъ надо соображать, какія тутъ есть обстоятельства. Это нельзя не соображать.

— Это совсѣмъ не отвиситъ отъ обстоятельствовъ,—отвѣчала, махнувъ рукою, нѣмецъ.

— То-есть, положимъ, по-русски говорится *не зависитъ*; а не «не отвиситъ», ну, ужъ пусть будетъ по вашему, отчего-же это по-вашему отвиситъ?

— Отъ свой карахтеръ.

— Гм!.. Нѣтъ-съ, этакъ разсуждать нельзя.

— Это, вѣрно, такъ, что отъ карактеръ. Вотъ будемъ говорить чиновникъ—у него маленькія обстоятельства, а онъ женится; нѣмецкій всякій женится; полковой офицеръ женится; а прочій такой и съ хорошею обстоятельство, а не женится. Нашъ нѣмецкій художникъ женится, а русскій художникъ не женится.

— Это камушекъ въ вашъ огородъ,—сказалъ Шульцъ, трогая Истомина за руку.

Истоминъ молча приподнялъ голову, спросилъ: что? и хлебнулъ изъ непочатаго стакана.

— Художникъ-съ,—началъ Фридрихъ Фридриховичъ, не отвѣчая Истому и касаясь теперь руки солиднаго гостя:—совсѣмъ особое дѣло. Художникъ, поэтъ, литераторъ, музыкантъ—это совсѣмъ не фамилійные люди. Это совсѣмъ, совсѣмъ не фамилійные люди! Имъ нужно... это... впечатлѣніе, а не то, что намъ съ вами. У насъ съ вами, батюшка мой, что жена-то? копилка, копилка. Ну, а ихъ одна вдохновляетъ такъ, другая—иначе, ихъ дѣло такое, а не то, что по-нашему: сидѣть, да женины ноги грѣть. Это совсѣмъ не то, что мы съ вами: имъ женъ не нужно.

— То-есть намъ женъ нѣтъ, можетъ-быть, вы хотите сказать,—вмѣшался тихо Истоминъ.—Намъ нѣту женъ; еще не выросли онѣ на нашу долю, любезный Фридрихъ Фридриховичъ.

— Чужія на вашу долю выросли, ха-ха-ха!—Шульцъ такъ и раскатился.

— Чужія! то-то вотъ вы заливаетесь, а вмѣсто того, лучше путемъ-то скажите-ка, гдѣ эти женщины для насъ, пролетаріевъ? Не вы ли вашу Кларочку такъ воспитываете?

— И очень, батюшка, Романъ Прокофьевичъ, и очень, государь мой, и очень.

— Ну, какъ же!

— Да-съ, да; а вы вотъ скажите, бывали ли... есть ли, наконецъ, у художниковъ идеалы-то простые? Можете ли вы себѣ представить, какую бы вы себѣ хотѣли жену?

— Могу-съ и представлю.

— Кто это, напримѣръ?

— Анна Денманъ.

— Что сіе такое за Денманъ?

— Денманъ?... Денманъ... это *сiе*, которое ни за какія

коврижки не покупается, Фридрихъ Фридриховичъ. Денманъ—это англичанка, жена скульптора, Джона Флаксмана. А хотите знать, что она сдѣлала?—и это расскажу вамъ.—Когда Флаксманъ женился на ней, ему сказалъ пріятель: «Вы, Флаксманъ, теперь погибли для искусства».—«Анна, я теперь погибъ для искусства?» говорилъ, приди домой, Флаксманъ.—«Что случилось съ тобою? Кто это сдѣлалъ?»—встревожилась Денманъ.—«Это случилось въ церкви,—отвѣчалъ Флаксманъ,—и сдѣлала это Анна Денманъ», и все ей рассказалъ.—«Анна Денманъ не погубитъ таланта»,—отвѣчала жена и повела Флаксмана въ Римъ, во Флоренцію; она одушевляла его; терпѣла съ нимъ всякую нужду; она сама сдѣлалась художникомъ и вдохновила мужа создать великую статую великаго Данте—Данте, котораго тоже вела женщина, его бессмертная Беатриче. Понимаете, благодѣтель мой, Фридрихъ Фридриховичъ! что для художника возможна подруга, очень возможна; да понимаете ли, какая подруга для него возможна?.. Пусть ваша Клара будетъ Анною Денманъ.

— О! очень пусть; очень.

— Ну, вотъ тогда и еще кто-нибудь, кромѣ Флаксмана, скажетъ во всеуслышаніе, что «жена не помѣха искусству». Только вѣдь, батюшка, Фридрихъ Фридриховичъ, кто хочетъ взрастить такое чистое дитя, тотъ не спрашиваетъ дочку: «Кларинька, какой тебѣ, душечка, домъ купить?» а учить ее щенка слѣпного жалѣть, мышку, цыпленка; любить не палаты каменные, а лужицу, что послѣ дождя становится.

— А что-жъ, я былъ бы очень радъ.

— Э, полноте-ка, пожалуйста! Ну, на что вамъ все это въ вашей дочери? Что мы, въ самомъ дѣлѣ, такое все-то какіе есть искусники? Вѣдь ужъ какъ вы тамъ хотите, а ваша лисья шуба вамъ милѣй Шекспира?.. что? Ей-Богу правда! Не думаете ли вы, взаправду, что мы какая-то соль земли? напротивъ, вы и сами того убѣжденія, что мы такъ что-то этакое, назначенное для вашего развлечения, какіе-то этакіе брелоки, что ли, къ вашей цѣпочкѣ. Вѣдь такъ? Вотъ этакой мѣховщикъ Кунъ, что ли, который вамъ шубы шьетъ, какой-нибудь Никита Селивановичъ, который своимъ братомъ-скотомъ торгуетъ; банкиры, спекулянты пеньковаго буйна, да что-нибудь еще въ этомъ родѣ—вотъ это люди! Они, дѣйствительно, дѣла дѣлаютъ, которыя все

сейчасъ можно привести въ конейки — они, значить, и нужны, а мы... да въ самомъ дѣлѣ, пусть чортъ самъ разбереть, на чтò мы?—Ни Богу свѣчка, ни чорту ожегъ.

— Чорта не поминай! чорта, братецъ, не поминай! отъ этого, мужикъ говорилъ, худо бываетъ. Лучше Богу помолись, такъ онъ тебѣ и жену дастъ, —умилительно фамиллярничаль Фридрихъ Фридриховичъ.

— Да; вы, небось, молитесь!

— А то какъ бы вы думали?

— Ну, вамъ и книги въ руки.—За это же Богъ и далъ вамъ Бертѣ Ивановну.

— Копилку свою.

— Да, копилку, и очень красивая копилка; и у васъ всегда всѣ пуговицы къ рубашкамъ пришиты, и вы можете спать всегда у бѣлаго плечика.—Чудесно!! И всему этому такъ и быть слѣдуетъ, голубчикъ. У Берты Ивановны Шульцъ есть домъ — полная чаша; у Берты Ивановны Шульцъ —сундуки и комоды ломятся отъ уборовъ и нарядовъ; у Берты Ивановны Шульцъ—мужъ, нѣжнѣйшій Фридрихъ, который много что скажетъ: «Эй, Берта Ивановна, смотрите, какъ бы мы съ вами не поссорились!»—Берта Ивановна вся куплена.

Шульцъ самодовольно улыбнулся.

— Чтò, угадалъ вѣдь я?—продолжалъ Истоминъ:—а въ будущемъ, у нея и состояніе, и почетъ, и дѣтская любовь, и общее уваженіе — такъ чего же ей бояться или печалиться, и какъ ей не цѣловать васъ сладко! Не такъ ли-съ?

Шульцъ съ улыбкой качнулъ головою и проговорилъ:

— Ну, разсуждайте, разсуждайте!

— Да-съ, такъ-съ это, именно такъ-съ, — продолжалъ Истоминъ:—и все это такъ именно потому, что сынове міра сего мудрѣйши сыновъ свѣта суть, *въ своемъ родѣ*. Праздникъ на вашей улицѣ. Женщины, не наши одгѣ русскія женщины, а всѣ почти женщины, въ цѣломъ мірѣ, вездѣ онѣ одной съ вами религіи—одному съ вами золотому богу кланяются. Всегда онѣ насъ продадутъ за васъ, будьте въ этомъ благонадежны.

— А съ вами насъ обманутъ?

— Ну, вѣдь, сердце, батюшка Фридрихъ Фридриховичъ, не щепка, а праздность, какъ вамъ, должно-быть, изъ прописи извѣстно, есть мать всѣхъ заблужденій и пороковъ.

Да и то, вѣдь, что жь *обмануть*... какой тамъ обманъ?.. пошлать, то-есть, бездѣлицу—только и всего. Не убудеть же ея оттого, что кто-нибудь ее отмѣтитъ своимъ минутнымъ вниманіемъ.

— Ха-ха-ха—отмѣтитъ! это пустяки называется!

— Да, пожалуй, что и въ самомъ дѣлѣ, пустяки.

— Ну, покорно васъ благодарю.

— Не за что еще пока,—отвѣчала небрежно Истомина и непосредственно началъ: — знаете, Фридрихъ Фридриховичъ, въ человѣческой породѣ бабы-то, воля ваша, должно-быть, смысленнѣе самцовъ.

— Право?

— Право-съ. Вы, вонъ-съ, изволите говорить: «что намъ все нужно *разнообразіе*». Правда? Вѣдь, вы именно это думали: *разнообразіе*, и даже разнообразіе именно въ самомъ узкомъ значеніи?

— Н-ну...—началъ-было Шульцъ.

— Нѣтъ, позвольте!—перебилъ его Истомина.—Я очень усталъ, и мнѣ говорить не хочется; но, ужъ не знаю, зачѣмъ-то, однако, я нахожу нужнымъ заплатить вамъ за откровенность откровенностью. Вы и вотъ всѣ такіе хорошіе люди, какъ вы (само собою, въ искренность этихъ словъ вы вѣрите)—такъ всѣ такіе-то вотъ люди—наши злѣйшіе враги и предатели. Да-съ, предатели. Привѣчая и лаская насъ, первые вы стараетесь гадить намъ всѣми возможными средствами и преимущественно гадить у женщинъ. Вы имъ представляете насъ чудаками, химеристами, потому только, что мы на васъ не похожи, и потому, что вамъ выгодно дѣлать насъ шутами. «Точно, моль, душечка, онъ интересенъ—пріятно быть съ нимъ вмѣстѣ; но, а представь-ка ты, что бы съ тобой было, если бы ты была его, а не моя?» Это все очень умно съ вашей стороны, только очень толсто, нехитро. Женщины вообще, вѣдь, по натурѣ и не очень доверчивы, и не очень робки, и совсѣмъ не такъ цѣломудренны, какъ практичны. Запугать вы ихъ нами не запугаете, а любопытство ихъ раздражить—раздражьте,—вотъ вамъ и рога за ваши старанія.

— Чужейдны вы, господа.

— Да, птицы небесныя!—не жнемъ, не сѣемъ, а живы; но дѣло-то все не въ томъ! А зачѣмъ вы, подъ видомъ дружбы и доброжелательства, мараете нашу репутацію? за-

чѣмъ вы насъ унижаете, возвышая какъ будто насъ надъ цѣлою толпою? Почему вы знаете, что мы не любимъ, да и любить не можемъ? А можетъ-быть намъ *некого* скорѣй любить! Натурщицъ полногрудыхъ, что ли? или кунчихъ шестипудовыхъ? или кисейныхъ барышень? чиновницъ, и день и ночь мечтающихъ о шляпкахъ? или этихъ Мессалинъ сластолюбивыхъ? Кого жъ? кого, по-вашему, я долженъ полюбить? Молчите? Слава Богу! А вы теперь скажите, или намекайте, или такъ хоть въ ту сторону кивните пальцемъ, гдѣ, по вашимъ соображеніямъ, находится *женщина*, не ваша женщина, а *наша*, которой мила наша, а не ваша: женщина, которая мнѣ обѣщала бы поддержку на борьбу со всякою бѣдою, которая бы принесла хоть каплю масла для той искры, которая меня одушевляетъ! Ваши женщины! Богъ съ ними совсѣмъ! Придти тайкомъ, соорудить рога оленю мужу — онѣ готовы; но чтобы съ нами горе наше черпать, нуждѣ въ глаза смѣяться, любить мой трудъ, мою работу... Нѣтъ! Она скорѣй убьетъ всѣ искорки таланта, а не раздуетъ, не освѣтитъ его и не согрѣетъ. «Вотъ, скажетъ, Фридрихъ Фридриховичъ — вотъ мужъ примѣрный! Жена его спитъ на лебяжемъ пуху, купается въ розовомъ маслѣ, а ты...», да и поидетъ меня... мою свободу, мою свободу; будетъ мнѣ въ моихъ глазахъ же гадить! Станетъ упрекать меня за то, что я пренебрегаю тамъ какой-то вовсе мнѣ не нужной чепухою; станетъ ровнять меня съ кушомъ, или съ казнокрадомъ!.. Да, нѣтъ, оставьте, господа, вы говорить о насъ, попорченныхъ и сумасбродныхъ людяхъ! Кого вы называете любовницами нашими? Да развѣ, въ самомъ дѣлѣ, есть, что ли, женщины, способныя любить? Не вѣрьте, не вѣрьте, батюшка Фридрихъ Фридриховичъ! Никто насъ не любитъ. Просто соскучатся съ благоразумными мужьями, да пошालять; а гдѣ тамъ имъ, грѣшнымъ, любить!

Истомилъ нетерпѣливо качнулъ головою и произнесъ:

— Баловницы онѣ, а не любовницы, — и опять раскрылъ томъ Пушкина.

— Ну, да, — заговорилъ Фридрихъ Фридриховичъ: — женщины... того... Онѣ, конечно... мало еще всему этому сочувствуютъ; но, вѣдь, если всѣ станутъ сочувствовать, то...

— Что такое *всѣ*? что *всѣ*? — нервно перебилъ его Истоминъ.

Шульцъ снова просыпалъ кое-какъ свою фразу.

— Всё! всё! — тихо и снисходительно повторилъ художникъ. — Да вы хоть вотъ это бѣ прочитали, — продолжалъ онъ, глядя въ раскрытую страницу на Моцартъ и Сальери: — что если бѣ всё такъ чувствовали, тогда бѣ не могъ

И мѣръ существовать; никто бѣ не сталъ
Заботиться о нуждахъ низкой жизни,
Всѣ бѣ предались свободному искусству!
Нашъ мало, избранныхъ счастливецъ праздныхъ,
Пренебрегающихъ презрѣнной пользой,
Единого прекраснаго жрецовъ.
Не правда ль? Но я нынче нездоровъ:
Мнѣ что-то тяжело; пойду засну.
Прощайте.

— И *прощайте*, и это тутъ написано? — спросилъ Шульцъ.

— Вотъ, представьте себѣ, и это здѣсь написано, — отвѣчалъ Истоминъ, пожимая всѣмъ руки и торопливо выходя изъ залы.

Только-что мы съ нимъ переступили въ темный магазинъ, какъ Истоминъ нервно вздрогнулъ, схвативъ меня за плечо и, тихо вскрикнувъ: кто это? — вдругъ остановился. Отъ сѣраго пятна, которымъ обозначалось окно, медленно отдѣлилась и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, стала миниатюрная фигура.

— Марья Ивановна! это вы? — спросилъ Истоминъ.

Фигура ничего не отвѣтила, но тронулась тихо вдоль стѣны къ двери, какъ китайская тѣнь. Эта была Маша. Истоминъ взялъ ее за руку и крѣпко поцѣловалъ въ ладонь.

Когда я пожалъ руку Мани, рука эта была холодна какъ ледъ, и въ тихомъ «прощайте», которое выронила мнѣ Маня, было что-то болѣзненное, какъ далекий крикъ подстрѣленной птицы.

Долго я проворочался, придя домой, на моей постели и не могъ уснуть до свѣта. Все смущалъ меня этотъ холодъ и трепеть, этотъ слабый звукъ этого слабого *прощайте*, и тысячу разъ хотѣлось мнѣ встать и спросить Истомина, зачѣмъ онъ, прощаясь, поцѣловалъ Манину руку, и поцѣловалъ ее какъ-то странно — въ ладонь. Утромъ я опять думалъ объ этомъ, и все мнѣ было что-то такое очень невесело.

Часу въ двѣнадцатомъ на другой день зашелъ ко мнѣ Фридрихъ Фридриховичъ.

— Долго, спрашиваю, вы еще посидѣли послѣ насъ?

— А, нѣтъ, говоритъ.—Вдругъ, какъ этотъ нашъ раздраженный маэстро ушелъ, мы всѣ раззѣвались и пошли.

Опять мнѣ это не понравилось. Значить, съ выходомъ Истомина, на его словахъ оборвалась и рѣчь человѣческая. Хорошо, говорятъ, тому, за кѣмъ остается последнее слово въ бесѣдѣ!

А Фридрихъ Фридриховичъ, чортъ его знаетъ, со вчерашняго похмеля, что ли, вдругъ начинаетъ мнѣ, шути, сообщать, что Берта Ивановна дома его порядочно выпудрила за то, что онъ заставлялъ ее цѣловаться съ Истоминымъ. «Говорить, просто, говоритъ, какъ удавъ, такъ и впивается. Если бъ, говоритъ, ты не стоялъ возлѣ меня, такъ я бы, кажется, не знала, что съ собой дѣлать?»

— А вечеромъ же, глядите, не забудьте, приходите на полосканіе зубъ.

Что-то ужасно мнѣ не хотѣлось, но, однако, обѣщаль, что приду.

— И удава тащите.

Я обѣщаль и это; но удавъ не пошелъ.

— Чортъ съ нимъ совсѣмъ,—сказаль онъ, когда я передалъ ему Шульцево приглашеніе и рассказываль, какъ тотъ усердно его просить.

Истоминъ наотрѣвъ отказался и, уѣвшишь за піанино, началъ что-то безъ толку напѣвать и наигрывать.

Я ушелъ одинъ.

Полосканіе зубъ совсѣмъ не задалось: самъ Шульць всталъ послѣ сна невеселый, мнѣ тоже не хотѣлось ни пить, ни говорить; Бертъ Ивановичъ, очевидно, хотѣлось спать, а Ида съ Маней пришли на минутку и скоро стали снова прощаться. Я всталъ и пошелъ вслѣдъ за ними. Шульць и не удерживаль; онъ самъ свѣтилъ намъ, пока мы надѣвали свои шубы, зѣваль и, закрывая рукою ротъ, говорилъ:

— А тому удаву скажите, что это не по-пріятельски. Я ему за это, какъ придетъ, стаканъ рейнвейну за шиворотъ вылью.

— Кто это «удавъ»?—спросила, идучи дорогою, тихо Ида.

Я говорю:

— Истоминъ.

— Ужь и правда.

— Что это?

— Удавъ.

— Онъ вамъ не нравится?

— Не нравится.

Ида сдѣлала гримасу.

— А за что, смѣю спросить?

— Онъ духовъ вызываетъ.

— Какъ это, говорю, духовъ?

— А такъ... привидѣній. Тѣ лучше, которые вокругъ себя живыхъ людей терпятъ.

Ну, думаю себѣ, удавь, удавь! И съѣлъ этотъ удавь въ моемъ воображеніи около Мани, и пошелъ онъ обвиваться около нея крѣпкими кольцами; пошелъ смотрѣть ей въ очи и сосать ея блѣдную ладонь.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Пробѣжалъ еще мѣсяць. Живемъ мы опять спокойно, зима идетъ своимъ порядкомъ, по сѣрому небу летаютъ бѣлыя, снѣговья мухи; по вонючей и холодной петербургской грязи ползаютъ извозчичьи клячи, однимъ словомъ—все течетъ, какъ ему Господь повелѣлъ. Въ Романѣ Прокофьичѣ я не замѣчаю никакой перемѣны; а между тѣмъ въ немъ была нѣкоторая перемѣна, только не очень явно давала она себя чувствовать. Художественно лѣнивый и нервный, Истоминъ сталъ еще нервнѣе, безпечнѣй и лѣнивѣй. Мѣсяца три спустя послѣ Манинаго праздника, я какъ-то вдругъ замѣтилъ, что Истоминъ ужъ совсѣмъ ничего не работаетъ и за кисть даже не беретъ. Картина стояла обороченная къ стѣнѣ и на подрамкѣ ея лежалъ густой слой сѣрой пыли. Увеличилась нѣсколько обычная лѣнь и ничего болѣе, думалъ я, и опять совсѣмъ забываетъ даже, что Истоминъ ничего не работаетъ и валется. Но мало-по-малу, наконецъ, вниманіе мое стало останавливаться на другихъ, болѣе странныхъ явленіяхъ въ характерѣ и привычкахъ Истомина. Романъ Прокофьичъ прежде всего сталъ иначе относиться къ неоставлявшимъ его дамамъ сильныхъ страстей и густыхъ вуалей. Перешвыривая ими съ необыкновенною легкостью и равнодушіемъ, онъ прежде всегда дѣлалъ это очень спокойно, безъ всякихъ тревогъ и раздраженій, а съ нѣкотораго времени сталъ вдругъ жаловаться, что онѣ ему надоѣдаютъ, что ему нѣтъ покоя и даже нѣсколько разъ выражалъ намѣреніе просто-за-просто повышвыривать ихъ всѣхъ на улицу. Наконецъ, въ одно сѣрое

утро, валяясь въ своемъ черномъ бархатномъ пиджакѣ по богатому персидскому ковру, которымъ у него была покрыта низенькая турецкая оттоманка, онъ позвалъ при мнѣ своего человѣка и сказалъ ему:

— Янко! Сдѣлай ты милость, вступишь въ мое спасенье.

Янко остановился и глядѣлъ на него въ недоумѣннн.

— Будь благодѣтель, освободи ты меня отъ всякихъ барынь.

— Слушаю-съ, Романъ Прокофичъ, — отвѣчалъ Янко.

— Какія жъ ты для этого полагаешь предпринять мѣры?

— А пущать ихъ къ вамъ, Романъ Прокофичъ, не буду.

— Это — довольно тонко и находчиво; я это одобряю, Янко, — отвѣчалъ спокойно Истоминъ, и заговорилъ со мною о скукѣ, о тоскѣ, о томъ, что ему, главнымъ образомъ, Петербургъ опостылѣлъ и что съ весною непременно надо уѣхать куда-нибудь подальше.

Въ это время Истоминъ очень много читалъ и даже собирался что-то писать противъ гоголевскихъ мнѣннй объ искусствѣ; но писання этого, впрочемъ, никогда не происходило. Онъ очень много читалъ этой порою, но и читалъ необыкновенно странно. Иногда онъ въ эту полосу своего упорнаго домосѣдства, молча, входилъ ко мнѣ въ своемъ бархатномъ пиджакѣ и яркихъ канаусовыхъ шароварахъ, молча бралъ съ полки какую-нибудь книгу и молча же уходилъ съ нею къ себѣ.

Я заставлялъ его часто, что онъ крѣпко спалъ на своей оттоманкѣ, а книга валялась около него на полу, и потомъ онъ вскорѣ приносилъ ее и ставилъ на мѣсто. Въ другой разъ онъ нападалъ на какую-нибудь небольшую книжонку и читалъ ее удивительно долго и внимательно, точно какъ будто или не понималъ ее, или старался выучить наизусть. Долѣ всего онъ возился надъ Гейне, часто по цѣлымъ часамъ останавливаясь надъ какою-нибудь одной пѣсенкой этого поэта.

— «Трубить голубые гусары», — сказала я однажды, заходя къ нему и заставая его лежащимъ съ маленькимъ томикомъ Гейне.

— Чтѣ? — спросилъ онъ, наморща брови.

Я опять повторилъ строфу легкаго стихотворення, которое нѣкогда очень любилъ и очень хвалилъ Истоминъ.

— Кой чортъ *гусары!* — отвѣчалъ Романъ Прокофье-

вичь. — Я все читаю объ этой «невыплаканной слезинкѣ». Эхъ, Господи, какъ люди писать - то умѣютъ! что это за прелесть, эта крошка Вероника!—ея и нѣтъ, а между тѣмъ ее чувствуешь, — проговорилъ онъ, лѣниво приподнимаясь съ оттоманки и закуривая сигару.

— «Она была достойна любви, и онъ любилъ ее; но онъ не былъ достоинъ любви, и она его не любила»—это старая исторія, которая будетъ всегда нова, — произнесъ онъ серьезно, и съ закуренной сигарой снова повалился на коверъ, закрылъ ноги клѣтчатымъ пушистымъ пледомъ и сталъ читать далѣе.

Черезъ заклеенную дверь я слышалъ разъ, какъ онъ громко декламировалъ вслухъ:

Съ толпой безумною не стану
Я пляску дикую плясать,
И золоченому болвану,
Поддавшись гнусному обману,
Не стану ладанъ воскурять.
Я не повѣрю рукожатьямъ
Мнѣ иму роющихъ друзей;
Я не отдамъ себя объятьямъ
Надменныхъ наглостью своей
Прелестницъ...
Нѣтъ, лучше пасть, какъ дубъ въ несчастъе,
Чѣмъ камышомъ остаться жить,
Чтобы потомъ считать за счастье—
Для франта тросточкой служить.

Я слышалъ также, какъ послѣ этой послѣдней строфы книга ударилась объ стѣну и полетѣла на полъ.

Черезъ минуту Истоминъ вошелъ ко мнѣ.

— А что вы думаете, —спросилъ онъ меня снова: — что вы думаете объ этой «невыплаканной слезинкѣ»?

— А вѣдь вы больны, Романъ Прокофьевичъ, —сказалъ я ему вмѣсто отвѣта.

— Должно-быть, въ самомъ дѣлѣ, боленъ, — произнесъ Истоминъ.

Онъ приподнялся, посмотрѣлъ на себя въ зеркало и, не говоря ни слова, вышелъ.

Ладить съ Романомъ Прокофьевичемъ не было никакого средства. Его избалованная натура кипѣла и волновалась безпрестанно. Онъ рѣшительно не принималъ никого и высказывался только самыми странными выходками.

— Знаете, — говорилъ онъ мнѣ однажды: — какъ бы это было хорошо пристрѣлить какую-нибудь каналью?

— Чѣмъ же это, — спрашиваю, — такъ очень хорошо бы было?

— Воздухъ бы немножко расчистился, а то сперлось ужъ очень.

Романъ Прокофьевичъ поставилъ на край этажерки карту, выстрѣлилъ въ нее изъ револьвера и попалъ.

— Хорошо? — спросилъ онъ, показывая мнѣ туза, пробитаго въ самое очко, и вслѣдъ за этимъ кликнулъ Янка.

— Милый Яни! Подержи-ка, — сказалъ онъ, подавая слугѣ карту.

Янко спокойно поставилъ на своей стриженной головѣ карту и деликатно придерживалъ ее за нижніе углышки обѣими руками.

Истоминъ отошелъ, приподнялъ пистолеть и выстрѣлилъ: новая карта опять была пробита въ самой серединѣ.

Я зналъ, что такія забавы у нихъ были дѣломъ весьма обыкновеннымъ, но все-таки эта сцена встревожила меня и притомъ въ комнатѣ становилось тяжело дышать отъ порохового дыма.

— Пойдемте лучше ко мнѣ! — позвалъ я Истомина.

— А здѣсь развѣ не все равно?

— Теперь здѣсь, дѣйствительно, воздухъ очень спертъ.

— Да, здѣсь воздухъ спирается, спирается, — заговорилъ Истоминъ, двигая своими черными бровями. — Здѣсь воздухъ ужасно спирается, — закончилъ онъ, желая придать своему лицу какъ можно больше страданія и вообще скорчивъ грустную рожу.

Это было невыносимо противно. Передъ кѣмъ это, для кого и для чего онъ ломался?

И нѣсколько дней все онъ ходилъ смиренхонекъ и все напѣвалъ:

Любить мечты не преступленье,
И я люблю мою мечту.

Надоѣла ужъ даже мнѣ эта пѣсня.

Шульцъ, встрѣчаясь со мною у Норковъ очень часто освѣдомлялся у меня объ Истоминѣ.

— Что нашъ жукъ - отшельникъ дѣлаеть? — спрашивалъ онъ.

Я отвѣчалъ, что хандрить.

— Заряжается вѣрно чѣмъ-нибудь!—воскликала Шульцъ:— я знаю эти капризные натуры: вдохновенія нѣтъ, сейчасъ и бѣситься, — самодовольно разъяснилъ онъ, обращаясь къ Идѣ Ивановнѣ и Манѣ.

Ни та, ни другая не отвѣчали ему ни слова.

У этихъ обѣихъ дѣвушекъ Фридрихъ Шульцъ большимъ расположеніемъ похвалиться не могъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Чудачества Истомина продолжались. Онъ, какъ говорилъ о немъ Шульцъ, все не переставалъ *капризничать* и не возвращался къ порядку. Видно было, что ему, дѣйствительно, приходилось тяжело; становилось, что называется, не въ мочь; онъ искалъ исхода и не находилъ его; онъ нуждался въ какомъ-нибудь толчкѣ, который бы встряхнулъ его и повернулъ лицомъ къ жизни. Но этого толчка не случалось и придумать его было невозможно, а, наконецъ, Истоминъ сочинилъ его себѣ самъ.

Въ одинъ изъ тѣхъ короткихъ промежутковъ этой безпокойной полосы, когда Истоминъ переставалъ читать заповѣдь, страстно увлекаясь и бѣснуясь, и, наоборотъ, становился неестественно смиренъ, и грустный бродилъ тише воды, ниже травы, я зашелъ къ нему прямо съ улицы и сказалъ, что на-дняхъ даютъ обѣдъ для одного почтеннѣйшаго чело-вѣка, котораго очень уважалъ и почиталъ Истоминъ.

— Я, говорю, — записалъ на обѣдъ и себя, и васъ, Романъ Прокофьичъ!

— Очень, отвѣчасть, — мило сдѣлали. А сколько денегъ? Я сказалъ.

Истоминъ взялъ свое портмоне и, подавая мнѣ ассигнацію, тепло пожалъ мою руку.

— Пойдете?—спросилъ я.

— Какъ же, непременно пойду.

Въ день этого обѣда Истоминъ съ самаго утра не надѣвалъ своего пиджака и былъ очень спокоенъ, но молчаливъ. За юбилейнымъ обѣдомъ онъ равнодушно слушалъ разныя пышныя и сухія рѣчи; ѣлъ мало и выпилъ только два бокала шампанскаго.

Все время обѣда мы сидѣли съ нимъ рядомъ и послѣ стола вмѣстѣ вышли въ небольшую комнату, гдѣ собралась цѣлая толпа курящаго народа. Истоминъ сѣлъ у окна, вы-

нулъ дорогую баядеру, закурилъ ее и равнодушно сталъ смотрѣть на плетущихся по взмѣшанному, грязному снѣгу вапекъ и на перебѣгавшихъ въ суетѣ пѣшеходовъ. Противъ Истомина, въ амбразурѣ того же окна, сидѣла не молодая и не старая дама, которая еще не прочь была нравиться и очень могла еще нравиться, а между ними, на лабрадоровомъ подоконникѣ этого же самаго окна, помѣщался небольшой бѣлокуренькій господинчикъ съ жиденькими войлоковатыми волосами и съ физиономіей кладбищенскаго, тенористаго дьякона. Дама не безъ эффекта курила очень крѣпкую сигару, а бѣлокурый господинъ тянулъ тоненькую мариландскую папирску. Обѣ эти особы вели оживленный разговоръ объ искусствѣ вообще и въ различныхъ его примѣненіяхъ въ жизни. Дама была изъ тѣхъ новыхъ, даже самоновѣйшихъ женщинъ, которыя мудренѣе нигилистовъ и всего доселѣ появившагося въ женскомъ родѣ: это демократки съ желаніемъ барствовать; реалистки съ стремленіемъ опереться на всякій предрассудокъ, если онъ представляетъ имъ хотя самую фиктивную опору; проповѣдницы, что «не о хлѣбѣ единомъ человѣкъ живъ будетъ», а сами за хлѣбъ продающіе и тѣло, и честную кровь свою. Безтолковѣе и гаже этого ассортимента фразъ, ходячихъ въ юбкахъ, кажется, еще ничего никогда не было. Передъ мало-мальски умнымъ и логическимъ человѣкомъ онѣ бывають жалки до самой послѣдней степени: масса противорѣчій сбиваетъ ихъ. Дама, о которой идетъ рѣчь, безпрестанно путалась во всѣхъ своихъ положеніяхъ и кидалась изъ одной стороны въ другую, какъ нарочно открывая кладбищенскому дьякону полнѣйшую возможность побивать ее на всѣхъ пунктахъ. Около этой пары, къ которой случайно помѣщался ближе всѣхъ Истоминъ, сгруппировалась очень густая толпа, внимательно слѣдившая за ихъ рѣчами. Дама, при всей своей виѣшной храбрости, очевидно мѣшалась и, какъ я сказала, безпрестанно впадала въ противорѣчія. Всѣ свои усилія она устремляла только на то, чтобы не соглашаться, частила, перебивала и городила вздоръ. Тенористый вахлачокъ, напротивъ, говорилъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ и такимъ тономъ, какимъ, вѣроятно, Пилать произнесъ свое *еже тисахъ—тисахъ*.

Онъ рѣшительно утверждалъ, что художество отжило свой вѣкъ и что искусство только до тѣхъ поръ и терпимо, пока

человѣчество еще глупо; да и то терпимо въ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ помогать разуму проводить нужныя гражданскія идеи, а не рисовать нимфъ, да яблочки.

— Но вы забываете, что у всякаго свой талантъ... — перебивала дама.

— А что такое талантъ? — спокойно вопрошала тенористый дьяконъ, и опять ядовито захихикалъ.

— Да вы знаете ли искусство-то? понимаете вы что-нибудь въ искусствѣ? — частила дама, Богъ знаетъ какъ передавшаяся вдругъ совѣмъ на сторону чистаго искусства для искусства.

— Знаю-съ, знаю, — отвѣчалъ, звонко прихихикивая, тенористый дьяконъ. — Если толстая, голая женщина нарисована, такъ это значить Рубенсъ упражнялся. Большой безстыдникъ!

Тенористъ опять захихикалъ, кашлянулъ и отмахнулся рукою отъ налегшей на него струи сигарнаго дыма. Изъ толпы высунулись впередъ двѣ шершавенькія мордочки, оскалили зеленые зубы и также захохотали.

Я случайно взглянулъ на Истомина: онъ сидѣлъ, вытянувъ ноги и сложивъ ихъ одну на другую; сигару свою онъ держалъ между двумя пальцами правой руки и медленно пускалъ тоненькую струйку синяго табачнаго дыма прямо въ носъ тенористому дьякону.

— Такъ, по-вашему, что жъ, художниковъ надо выгнать, что ли? — приставала дама.

— Выгнать-съ? — Нѣтъ, это Платонъ предлагалъ увѣнчать всѣхъ этихъ безстыдниковъ лаврами, и потомъ выгнать, а по-моему, на что на нихъ лавры истреблять?

— Платонъ это говорилъ о поэтахъ.

— Это все равно-съ; жрецы свободнаго искусства!

Тенористъ снова захихикалъ и снова закашлялся еще сильнѣе. Въ носъ ему такъ и била тоненькая дымовая струйка, вылетающая крутымъ шнурочкомъ изъ-подъ усовъ Истомина и бывшая оратора прямо въ носъ.

— Ихъ къ дѣлу надо обратить, — продолжалъ онъ, отмахнувшись отъ дыма.

— Да-съ, землю пахать, что ли? — допрашивала съ азартомъ дама.

— Кто къ чему годенъ окажется: кто камни тесать, кто мосты красить.

— Прекрасно-съ, прекрасно! Только какъ вы этого достигнете?

— Чего-съ это?

— Того, чтобъ художники обратились въ ремесленниковъ.

— Исправительными мѣрами-съ.

— Га! то-есть съчъ ихъ будете?

— Это по усмотрѣнiю-съ, по усмотрѣнiю,—отвѣчалъ бѣленькій теноръ, глядя въ толпу и непрежнему стуча по стѣнѣ задниками своихъ сапожекъ.

— Это прелесть! это чудо что такое!.. Это совершенство!—восхищалась дама, покрывая все довольно громкимъ смѣхомъ. — Представьте себѣ, господа, бѣднаго Рафаэля, который мазилкой мостъ красить на большой дорогѣ! или Канову, который тумбы обгесываетъ!.. Это чудо! Это совершенство! прелесть! Ну, а пѣвцовъ, скульпторовъ, музыкантовъ, актеровъ—ихъ всѣхъ куда дѣвать?

— Зачѣмъ же ихъ дѣвать куда-нибудь? — Перестануть имъ деньги давать, такъ они сами и пѣть, и плясать перестануть.

— То-то! а вѣдь ихъ много; пожалуй, еще отпоръ дадутъ,—частила, вовсе ужъ не вслушиваясь, дама.

— Ну, не дадутъ-съ... при этомъ словѣ тенористый дѣвонъ вздрогнулъ и быстро отодвинулся отъ подлѣзшей къ его лицу новой струи дыма.

— Почему?—спросилъ его рѣзко Истоминъ.

— Что это? отпоръ-то? Да какой же отпоръ? Картинки какъ-то на Дрезденскiй мостъ потребовались, такъ и тѣхъ пожагкли.

— Это совсѣмъ не идетъ къ дѣлу.

— А мы развѣ съ вами о дѣлахъ говоримъ?

Теноръ захихикалъ и добавилъ:

— Смѣшно!

— А вы не смѣйтесь,—остановилъ его, блѣднѣя, Истоминъ.

— Отчего же-съ?—Это правительствомъ не запрещено.

— Оттого, что мнѣ это не нравится.

— Напрасно-съ.

— Напрасно! Вы говорите — *напрасно!* А что ежели я, *безстыдникъ*, художникъ Истоминъ, сейчасъ послѣ этого «напрасно», объявлю, что всякому, кто посмѣетъ при мнѣ сказать еще хотя одно такое гнусное слово объ искусствѣ,

котораго онъ не понимаетъ, то я ему сейчасъ вотъ этими самыми руками до ушей ротъ разорву?

Истоминъ всталъ, прижалъ ногою колѣна тенора къ подоконнику и, взявъ сигару въ зубы, показалъ ему два большіе пальца своихъ рукъ.

— Я тогда ничего-съ болѣе не скажу,—отвѣчалъ, нисколько не теряясь и попрежнему хихикая, тенористый дьяконъ.

— То-то, надѣюсь, что не скажете! — отвѣчалъ, доканчивая свою нелѣпую выходку, Истоминъ и смѣшался съ толпою.

— Доказалъ, однако! — проницательно протворила, высовываясь изъ толпы, прежняя шершавенькая мордочка.

— Да-съ; я полагаю, что у этого человѣка очень развито правое плечевое сочлененіе, а это очень важно при спорахъ въ Россіи,—отвѣчалъ мордочкѣ теноръ и легко снялся съ подоконника.

Черезъ полчаса я видѣлъ, какъ Истоминъ, будто ни въ чемъ не бывало, живо и весело ходилъ по залѣ. Съ обѣихъ сторонъ у его локтей бѣгали за нимъ двѣ дамы: одна была та самая, что курила крѣпкую сигару и спорила, другая — мнѣ вовсе незнакомая. Обѣ онѣ залѣзали Истомину въ глаза и просили у него позволенія посѣтить его мастерскую, отъ чего онъ упорно отказывался и, надо полагать, очень смѣшилъ ихъ, потому что обѣ онѣ безпрестанно хохотали.

Бѣловолочный противникъ Истомина тоже сидѣлъ здѣсь на одномъ изъ дивановъ этой же залы и около него помѣщались два молодые господина, смотрѣвшіе не то обиженными ставленниками, не то недовольными регистраторами духовной консисторіи.

Ставленники брехали на художника самые суровые взгляды, но, однако, никакого новаго столкновенія здѣсь не произошло. Но угодно же было судьбѣ, чтобы Истоминъ, совершивъ одно безобразіе, окончилъ свой день другимъ, заключивъ его еще болѣе странной и неоправдываемой выходкой. Совсѣмъ въ шубахъ и шапкахъ мы натолкнулись на эту тройку между двойными дверями подъезда.

— Не могу-съ, не могу,—говорилъ, пробираясь впереди насъ и хихикая, теноръ. — Ничего-съ здѣсь не могу говорить, ротъ разорвуть.

— Полно острить-то! — произнесъ сзади его Истоминъ,

и, взявшись за края его мѣховой шапки, натянуть ему ее по самую бороду. Теноръ издалъ изъ-подъ шапки какой-то глухой звукъ и, какъ страусъ, замоталъ головою во всѣ стороны. Оба ставленника разомъ принялись сдвигивать съ учительской головы ни за что не хотѣвшую слѣзать шапку.

Истоминъ былъ очень веселъ, смѣялся и, придя домой, началъ переставлять и перетирать въ своей мастерской давно забытые подмалевки и этюды.

На другой день, часу въ десятомъ утра, только что я отворилъ дверь въ залу Истомина, меня обдалъ его громкій, веселый хохотъ, такъ и разносившійся во всей квартирѣ. Истоминъ уже былъ одѣтъ въ канаусовыхъ шароварахъ и бархатномъ пиджакѣ и катался со смѣху по ковру своей оттоманки.

— Здравствуйте!—весело произнесъ онъ, протягивая мнѣ руку и обтирая платкомъ выступившія отъ хохота слезы.— Садитесь скорѣй, или лучше прямо ложитесь загодя, а то Меркуль Ивановъ васъ сейчасъ уложитъ.

Меркуль Ивановъ былъ огромный, трехэтажный натурщикъ, прозывавшійся въ академіи Голябоомъ. Онъ былъ необыкновенно хорошо сложенъ, слылъ за добродушнѣйшаго человѣка и пьянствовалъ какъ настоящій академическій натурщикъ. Теперь онъ былъ, очевидно, послѣ каторжнаго похмелья и, стоя у притоки Истомина, жался, вздрагивалъ и водилъ по комнатамъ помутившимися глазами.

— Вотъ послушайте, — началъ Истоминъ: — я говорю Меркулю Иванову, чтобъ онъ болѣе не пилъ; что иначе онъ до чортиковъ допьется, а онъ, вотъ послушайте, что отвѣчаетъ.

— Это, помилуй Богъ, Романъ Прокофичъ, — зацѣдилъ сквозь зубы, вздрагивая, натурщикъ.

— Да... а, онъ говоритъ... да ну, рассказывай, Меркуль Иванычъ, что ты говорилъ?

— Я-то, Романъ Прокофичъ... что это... помилуй Богъ совѣтъ; я крещеный человѣкъ... какъ онъ можетъ ко мнѣ подходить, дьяволь?

— А что ты выдаешь-то?

— Ххххаррри этакія... маски... Романъ Прокофичъ... это золото... уголь сынется...— рассказывалъ, отпихиваясь отъ чего-то ладонью, натурщикъ. — Ну, что только ччоорта,

Романъ Прокофѣичъ... Этого никакъ онъ, Романъ Прокофѣичъ, не можетъ. Онъ теперь, если когда и стоять... то онъ издали стоять... онъ золлото это, уголь, все это собираетъ... а ко мнѣ, Романъ Прокофѣичъ, не можетъ.

Смѣшно это, точно, рассказывалъ несчастный Голяубъ, но ужъ Истоминъ смѣялся надъ этимъ рассказомъ совсѣмъ паче естества, точно вознаграждалъ себя за долговременную тоску и скуку. Онъ катался по коври, щипалъ меня, трясъ за руку и визжалъ какъ ребенокъ, которому брюшко щекочуть.

— Ну, а кловскій форматоръ же что?—заводилъ опять натурщика Истоминъ.

— Т-тотъ... тотъ, Романъ Прокофѣичъ, дѣйствительно, что допился,—отвѣчалъ, вздыхая, Меркуль Ивановъ.

— То-то, расскажи имъ, расскажи, какъ онъ допился?

Меркуль Ивановъ повернулъ голову исключительно ко мнѣ и заговорилъ.

— Уговорились мы, Романъ Прокофѣичъ, идти...

— Ты имъ рассказывай,—перебилъ его Истоминъ, показывая на меня.

— Я и то, Романъ Прокофѣичъ, имъ это,—отвѣчалъ натурщикъ.—Уговорились мы, Романъ Прокофѣичъ,—продолжалъ онъ, глядя на меня,—идти съ нимъ, съ этимъ Арешкой, въ трактиръ... Чай, Романъ Прокофѣичъ, пить хотѣли. Въ третьей линіи тутъ, изволите знать?

— Ну, знаю!—крикнулъ Истоминъ.

— Я и говорю ему: не пей, говорю, ты, Арешка, водки, потому видишь, говорю, какъ отъ нея послѣ того тягостно. Приходи, зову его, лучше въ шестомъ часу ко мнѣ и пойдемъ въ третьей линіи чай пить. Только онъ что же, Романъ Прокофѣичъ! Я его жду теперь до седьмого часу, а е-его, пиподлеца—вотъ нѣту. Я теперь, разумѣется, пошелъ зза нимъ. Прирхххажжу, а онъ; мерзавецъ, лежитъ въ мастерской теперь подъ самыми подъ этими подъ канатами, что, изволите знать, во второй этажъ формы поднимають. Голова его теперь пьяная подъ самыми подъ этими канатами и то-то-истъ по этимъ, Романъ Прокофѣичъ, по канатамъ... чертей! То-есть столько, Романъ Прокофѣичъ, чертей вездѣ! И вотъ этакіе, и вотъ этакіе, и вотъ этакіе... какъ блохи, такъ и сидятъ.

Меркуль Ивановъ плюнулъ и перекрестился.

— Гибель!— продолжалъ онъ.— Я тутъ же, Романъ Прокофьичъ, и сказала: пропади ты, говорю, совсѣмъ и съ чаемъ; плюнулъ на него, а съ этихъ поръ, Романъ Прокофьичъ, я его, этого подлага Арешку, и видѣть я не хочу. А на натурѣ мнѣ эту недѣлю, Романъ Прокофьичъ, стоять не позволяйте, потому, ей-Богу, весь я, Романъ Прокофьичъ, изслабѣлъ.

Тѣшилъ этотъ наивный рассказъ Истомина безъ мѣры и развеселилъ его до того, что онъ вскочилъ и сказалъ мнѣ:

— Не пройдемся ли провѣтриться? погода ужъ очень, кажется, хороша.

Я былъ согласенъ идти; погода, дѣйствительно, стояла веселая и ясная. Мы одѣлись и вышли.

Не успѣли мы сдѣлать нѣсколько шаговъ къ мосту, какъ нагнали Иду Ивановну и Маню: онѣ шли за какими-то покупками на Невскій.

— Мы пойдемъ провожать васъ, — напрашивался я къ Идѣ Ивановнѣ.

— Если вамъ нечего больше дѣлать, такъ провожайте. — отвѣчала она съ своимъ всегдашнимъ спокойно-насмѣшливымъ выраженіемъ въ глазахъ.

Я пошелъ около Иды Ивановны, а Истоминъ какъ-то случайно выдвинулся впередъ съ Манею, и такъ шли мы до Невскаго; заходили тамъ въ два или три магазина и опять шли назадъ тѣмъ же порядкомъ: я съ Идой Ивановной, а Маня съ Истоминымъ. На одномъ какомъ-то поворотѣ мнѣ послышалось, будто Истоминъ говорилъ Манѣ, что онъ никакъ не можетъ забыть ея лица; потомъ еще разъ послышалось мнѣ, что онъ первичнымъ и настойчивымъ тономъ добивался у нея «да, или нѣтъ?» и потомъ я ясно слышалъ, какъ, прощаясь съ нимъ у дверей своего дома, Маня робко уронила ему тихое «да».

Вечеромъ въ этотъ день мнѣ случилось проходить мимо домика Норковъ. Пробираясь чежезъ проспектъ, я вдругъ замѣтилъ, что въ ихъ темномъ палисадникѣ какъ будто мигнулъ огонекъ отъ сигары.

— Кто бы это тутъ прогуливался зимою? — подумалъ я и рѣшилъ, что это вѣрно Верманъ затворяетъ ставни.

— Herr Werman! — позвалъ я сквозь рѣшетку палисадника.

Сигара спряталась и что-то тихо зашумѣло мерзлыми кустомъ акаціи.

«Неужто воръ! — но гдѣ же воры ходять съ сигарой? Однако, кто же это?»

Я перешелъ на другую сторону и тихо завернулъ за уголъ.

Не успѣлъ я взяться за звонокъ своей двери, какъ на лѣстницѣ послышались шаги, и въ темнотѣ опять замигала знакомая сигара: это былъ Истоминъ.

«Итакъ, это онъ былъ тамъ», сказала мнѣ какая-то твердая догадка.

«И чтѣ ему нужно? чтѣ онъ тамъ дѣлалъ? чего задумалъ добиваться?»

Это обозлило меня на Истомина, и я не старался скрывать отъ него, что мнѣ стало тяжело и неприятно въ его присутствіи. Онъ на это не обращалъ, кажется, никакого вниманія, но сталъ заходить ко мнѣ рѣже, а я не сталъ ходить вовсе, и такъ мы, ни съ того, ни съ сего, раздвинулись.

Я имѣлъ полное основаніе бояться за Маню: я зналъ Истомина и видѣлъ, что онъ пріударилъ за нею не шутя, а изъ этого для Мани не могло выйти ровно ничего хорошаго.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Опасенія мои начали возрастать очень быстро. Зайдя какъ-то къ Норкамъ, я узналъ, что Истоминъ предложилъ Манѣ уроки живописи. Это *да*, которое я слышалъ при концѣ нашей прогулки, и было то самое *да*, которое упорчивало Истомину спокойное мѣсто въ теченіе цѣлаго часа въ день возлѣ Мани. Но чтѣ онъ дѣлалъ въ садикѣ? Неужто къ нему выходила Маня? Не можетъ быть. Это просто онъ былъ *влюбленъ*, то-есть сказалъ себѣ: «Камилла быть должна моей, не можетъ быть иначе», и безумствовалъ, свирѣпѣя, что она не *его* сейчасъ, сію минуту. Онъ даже могъ вѣрить, что есть какая-то сила, которая заставитъ ее выйти къ нему сейчасъ. Наконецъ, онъ просто хотѣлъ быть ближе къ ней—къ стѣнамъ, въ которыхъ она сидѣла за семейною лампою.

Уроки начались; Шульцъ былъ необыкновенно доволенъ такимъ вниманіемъ Истомина; мать ухаживала за нимъ и поила его кофе, и только одна Ида Ивановна молчала. Я ходилъ рѣдко, и то въ тѣ часы, когда не ожидалъ тамъ встрѣтить Истомина.

Разъ одинъ, въ самомъ началѣ марта, въ сумерки, вдругъ сдѣлалось мнѣ какъ-то нестерпимо скучно: просто вотъ бѣжалъ бы куда-нибудь изъ дому. Я взялъ шанку и ушелъ со двора. Думалъ даже самъ зайти къ Истомину, но у него не дозвонился: оно и лучше, потому что въ такія минуты не утеришь и, пожалуй, скажешь *грустно*, а мы съ Романомъ Прокофьевичемъ въ эту пору другъ съ другомъ не откровенничали.

Пойду, думаю, къ Норкамъ, и пошелъ.

Прохожу по проспекту и вижу, что подъ окномъ въ магазинѣ сидитъ Ида Ивановна: поклонился ей, она погрозилась и сдѣлала гримаску.

— Чтò это вы, Ида Ивановна, передразнили меня, кажется?—говорю, входя и протягивая ей черезъ прилавокъ руку.

— А развѣ, спрашиваетъ, видно?

— Еще бы, говорю, не видѣть!

— Вотъ завидные глаза! А я о васъ только сейчасъ думала: чтò это, въ самомъ дѣлѣ, какая нынче молодежь стала? Помните, какъ мы съ вами хорошо познакомились — такъ просто, славно, и вотъ, ни съ того, ни съ сего, ужъ и раззнакомливаемся: зачѣмъ это?

Я началъ оправдываться, что я и не думалъ раззнакомливаться.

— Эхъ, вы, господа, господа! Вѣтеръ у васъ еще все въ головѣ-то ходить, — проговорила въ отвѣтъ мнѣ Ида Ивановна.—Нѣтъ; въ наше время молодые люди совсѣмъ не такіе были.

— Какіе жъ, спрашиваю,—тогда были молодые люди?

— А такіе были молодые люди—хорошіе, дружные; придутъ, бывало, вечеромъ къ молодой дѣвушкѣ, да сядутъ съ ней у окошечка, начнутъ вотъ вдвоемъ попросту орѣшки грызть, да рассказывать, чтò они днемъ видѣли, чтò слышали—вотъ такъ это молодые люди были; а теперь я ужъ не знаю, съ кого дѣтямъ и примѣръ брать.

— Это, говорю,—кажется, ваша правда.

— Да, кажется, что правда; сами въ примѣрахъ нуждаетесь—садитесь-ка вотъ, давайте съ горя орѣхи ѣсть.

Ида Ивановна двинула по подоконнику глубокую тарелку галеныхъ орѣховъ и, показавъ на цѣлую кучу скорлупы, добавила:

— Видите, сколько я одна отстрадала.

— Ну-съ, рассказывайте, что вы подѣлывали?—начала она, когда я помѣстился на другомъ стулѣ и вооружился поданной мнѣ вѣсовой гирькой.

— Скучаль, говорю,—больше всего, Ида Ивановна.

— Это мы и сами умѣемъ.

— А я думаль, что вы этого-то и не умѣете.

— Нѣтъ, умѣемъ; мы только не рассказываемъ этого всѣмъ и каждому.

— А вы развѣ все равно, что всѣ и каждый?

— Да-съ, положимъ, что и все равно. А вы скажите, нѣтъ ли войны хорошей?

— Есть, говорю,—китайцы дерутся.

— Это все опять въ пользу дѣтскихъ пріютовъ?—умные люди.

— Папа, говорю,—боленъ.

— Папа умеръ.

— Нѣтъ, еще не умеръ.

Ида размѣялась.

— Вы, должно быть,—говорить,—совсѣмъ никакихъ игръ не знаете?

— Нѣтъ, говорю,—знаю.

— Ну, какъ же вы не знаете, что есть такая игра, что выходятъ другъ къ другу два человѣка съ свѣчами и одинъ говоритъ: «Папа боленъ», а другой отвѣчаетъ: «Папа умеръ», и оба должны не размѣяться, а кто размѣется, тотъ папа, и даетъ фантъ. А дальше?

— Дальше?—дальше Андерсена сказки по-русски переводятся.

— Ага! то-то, господа, видно, безъ нѣмцевъ не обойдетесь.

— Онь, спасибо, Ида Ивановна, не нѣмецъ, а датчанинъ.

— Это все равно-съ; ну, а еще что?

— Выставка художественная будетъ скоро.

— Не интересно.

— Нефь, говорятъ, повую дѣвочку нарисуетъ.

— Пора бы на старости лѣтъ постыдиться.

— Красота!

— Ужасно какъ красиво! Разбейте-ка мнѣ вотъ этотъ орѣхъ.

— Истоминъ нашъ что-то готовить, тоже, кажется, изъ міра ваннъ и купаленъ.

Ида улыбнулась, тронула меня за плечо и показала рукою на дверь въ залу. Я прислушался — оттуда былъ слышенъ тихій говоръ.

— Онъ у васъ?— спросилъ я полушопотомъ.

Ида молча качнула головою.

Слышно стало, что говорившіе въ залѣ, замѣтя наше молчаніе, тоже вдругъ значительно понижали голосъ и не знали, на какой имъ остановиться нотѣ. Впрочемъ, я не слыхалъ никакого другого голоса, кромѣ голоса Истомина, и потому спросилъ тихонько:

— Съ кѣмъ онъ тамъ?

— Чего вы шепчете?— проговорила, улыбаясь, Ида.

— Я не шепчу, а такъ...

— Я такъ... Чтò такъ? Какъ это всегда смѣшно выходитъ!

Ида беззвучно разсмѣялась.

Это и дѣйствительно выходитъ смѣшно, но только смѣшно послѣ, а въ тѣ именно минуты, когда никакъ не заговоришь такимъ тономъ, который бы отвѣчалъ обстановкѣ, это бываетъ не смѣшно, а предосадно.

Если вамъ, читатель, случалось разговаривать рядомъ съ комнатою, въ которой сидятъ двое влюбленныхъ, или если вамъ случалось бесѣдовать съ женщиной, съ которой говорить хочется и нужно, чтобы другіе слышали, что вы не молчите, а въ то же время не слыхали, о чемъ вы говорите съ нею, такъ вамъ объ этомъ нечего рассказывать. Тутъ вы боитесь всего: движенія вашего стула, шелеста платья вашей собесѣдницы, собственнаго кашля,— все васъ, кажется, выдаетъ въ чемъ-то, ото всего вамъ неловко. Для нѣкоторыхъ людей нѣтъ ничего затруднительнѣе, какъ выборъ камертона для своего голоса въ подобномъ положеніи.

— Мутерхенъ моей нѣтъ дома,— проговорила, тщательно разбивая на окнѣ новый крѣпкій орѣхъ, Ида.

— Гдѣ же это она?

— У Шнерлинговъ; тамъ, кажется, Клареньку замужъ выдаютъ.

Разговоръ опять прервался, и опять Ида, слегка покраснѣвъ и закусивъ нижнюю губку, долго стучала по орѣху; но, наконецъ, это кончилось: орѣхъ разбился. Стала тишь совершенная.

— Вонъ Соважъ пошелъ домой,— проронила, глядя въ окно, дѣвушка.

Я хотѣлъ отвѣтить ей *да*, но и этого не успѣлъ, и не успѣлъ по самой пустой причинѣ, — не успѣлъ потому, что въ это мгновенье въ залѣ передвинулся по полу стулъ. Онъ, конечно, передвинулся такъ себѣ, самымъ обыкновеннымъ и естественнымъ образомъ, какъ будто кто пересѣлъ съ мѣста на мѣсто, и ничего болѣе; но и мнѣ, и Идѣ Ивановнѣ вдругъ стало удивительно неловко. Сидѣвшимъ въ залѣ тоже было не ловче, чѣмъ и намъ. Ясно, что они чувствовали эту неловкость, ибо Истоминъ тотчасъ забубнилъ что-то самымъ ненатуральнымъ, сдавленнымъ голосомъ, и въ то же время начало слышаться отчетливое перевертываніе большихъ листовъ бумаги. Истоминъ произносилъ имена Нюбен, Эвридики, Психен, Омфалы, Меден, Елены.

Маня только пискнула одинъ разъ что-то въ родѣ «да», или «дальше» — даже и разобрать было невозможно.

— Что это, они гравюры разсматриваютъ?

Ида кивнула утвердительно головою и опять съ двойнымъ усиліемъ ударила по орѣху.

Мы больше не могли говорить другъ съ другомъ.

Истоминъ повыровнялъ голосъ и рассказывалъ въ залѣ что-то о Кипридѣ. Все слышались мнѣ имена Гнатѣны, Праксителя, Фрины Мегарянки.

Дѣло шло здѣсь о томъ, какъ она, эта Фрина,

«не внимая

Шопоту ближней толпы, развязала ремни у сандалій,
Пышныхъ волосъ золотое руно до земли распустила;
Перевязъ персей и поясъ ладѣйной рукой разрѣшила;
Сбросила ризы съ себя и, лицомъ повернувшись къ народу,
Медленно, словно заря, погрузилась въ лазурную воду.
Ахнули тысячи зрителей, смолкли свирѣль и пектида;
Въ страхѣ унавъ на котѣни, всѣ жрицы воскликнули громко:
«Чудо свершается, граждане! Вотъ она, мать-Киприда».

— Ну-съ, и съ тѣхъ поръ ею плѣненный Пракситель навѣки оставилъ Гнатѣну и ушелъ съ Мегарянкою Фриной и навѣки ее сохранилъ въ своихъ работахъ. А когда онъ вдохнулъ ее въ мраморъ, то мраморъ холодный сталъ огненной Фриной, — рассказывалъ Манѣ Истоминъ: — вотъ это и было то чудо.

— А бабушка давно закатилась? — спросилъ я, наконецъ, Иду.

Дѣвушка хотѣла мнѣ кивнуть головою, но на половинѣ

склона вздрогнула, быстро вскочила со стула и громко проговорила:

— Вотъ, слава Богу, и мамаша!

Съ этими словами она собрала горстью набросанную на обѣ скорлупу, ссыпала ее проворно въ тарелку и быстро пошла навстрѣчу матери. Софья Карловна, дѣйствительно, въ это время входила въ дверь магазина.

Въ эти же самыя минуты, когда Ида Ивановна встрѣчала входящую мать, я ясно и отчетливо услыхалъ въ залѣ два, три, четыре раза повторенный поцѣлуй,— поцѣлуй несомнѣнно насильственный, потому что онъ прерывался робкимъ отодвиганіемъ стула и слабымъ, но отчаяннымъ «Бога ради, пустите!»

Теперь мнѣ стали понятны и испугъ Иды, и ея радостный воскликъ:— «Вотъ и мамаша!»

Это все было совершенно по-истомински и похоже, какъ двѣ капли воды, на его всегдашнія отношенія къ женщинамъ. Его правило— онъ говорилъ— всегда такое: безъ мѣры смѣлости, изрядно наглости; поднесите все это женщинамъ на чувствительной подкладкѣ, да не давайте ей опомниться, и я поздравляю васъ съ всегдашнимъ успѣхомъ.

Здѣсь были и смѣлость, и наглость, и чувствительная подкладка, и недосугъ опомниться; неразрѣшеннымъ оставалось: быть ли успѣху?.. А отчего и нѣтъ? Отчего и не быть? Правда, Маня прекрасное, чистое дитя— все это такъ; но это дитя позволило насильно поцѣловать себя и *прошептало*, а не *прокричало* «пустите!»— Для опытнаго человѣка это обстоятельство очень важно,— обстоятельство, въ девяносто девяти случаяхъ изъ ста ручающееся нахалу за непремѣнный успѣхъ.

Такъ точно думалъ и Истомино. Самодовольный, какъ дьяволъ, только-что заманившій странника съ торной дороги въ пучину, подъ мельничныя колеса, художникъ стоялъ, небрежно опершись руками о притолки въ дверяхъ, которыя вели въ магазинъ изъ залы, и съ фамильярностью самаго близкаго, семейнаго человѣка проговорилъ вошедшей Софьѣ Карловнѣ:

— Тебя, о мать, срѣтаемъ собрашеся вкупѣ! Приди и открой намъ объятія отчи!

— Ахъ, Романъ Прокофьичъ! — отвѣчала старуха, сни-

мая съ себя и складывая на руки Иды свой шарфъ, капоръ и черный суконный бурнусъ.

— И вы тоже!—обратилась она, протянувъ другую руку мнѣ.—Вотъ и прекрасно; у каждой дочери по кавалеру. Ну, будемъ, что ли, чай пить? Идиныка, вели, дружокекъ, Авдотья поскорѣ намъ подать самоварчикъ. А сами туда, въ мой уголокъ, пойдите, — позвала она насъ за собою и пошла въ залу.

Въ залѣ, у небольшого кругленькаго столика, между двумя тѣсно сдвинутыми стульями, стояла Маня. Она была въ замѣшательствѣ и потерянно перебирала кипу желтоватыхъ старыхъ гравюръ, принесенныхъ ей Истоминнымъ.

— Рыбка моя тихая, что жь это ты здѣсь одна?—отнеслась къ ней Софья Карловна.

Маня посмотрѣла съ удивленіемъ на мать, положила гравюру; отодвинула рукою столикъ и тихо поправила волосы.

— Тебя, мою нѣмѣну, всегда забываютъ. Молчальница ты моя милая! все-то она у насъ молчитъ, все молчитъ. Идѣ скверная, всѣхъ къ себѣ позабираетъ, а она, моя горсточка, и сидитъ одна въ уголокѣ.

— Нѣтъ, мама, со мною здѣсь Романъ Прокофичъ сидѣлъ, — тихо отвѣтила Маня и нѣжно поцѣловала обѣ материны руки.

На лѣвой щекѣ у Мани пылало яркое пунцовое пятно: это здѣсь къ ея лицу прикасались жадныя уста удава.

— Романъ Прокофичъ съ тобой сидѣлъ?—ну, и спасибо ему за это, что онъ сидѣлъ. Господи, Боже мой, какія мы, Романъ Прокофичъ, всѣ счастливыя,—начала, усаживаясь въ своемъ уголкѣ за покрытый скатертью столъ, Софья Карловна.—Всѣ насъ любятъ, всѣ съ нами такіе добрые.

— Это вы-то такіе добрые.

— Нѣтъ, право. Ахъ, да! что со мной сейчасъ было...

Софья Карловна весело размѣялась.

— Здѣсь, возлѣ моихъ дочерей, возлѣ каждой по кавалеру, а тамъ какой-то господинъ за мною вздумалъ ухаживать.

— Какъ это, мамаша, за вами? — спросилъ Истоминъ, держась совсѣмъ членомъ семейства Норковъ, и даже называя m-me Норкъ «мамашей».

— Да такъ, вотъ, присталъ ко мнѣ дорогой въ провожатые, да и только.

Мы всё разсмѣялись.

— Ну, я и говорю у бертинькинаго подъѣзда: «очень, говорю, батюшка, вамъ благодарна, только постойте здѣсь минуточку, я сейчасъ зайду внучковъ перекрещу, тогда и проведите, пожалуйста», — онъ и драла: стыдно стало, что за старухой увязался.

— Молодецъ, моя мама! — похвалила устѣвлявшая на столъ чайный приборъ Ида.

— Да, вотъ подите, право, какіе нахалы! Старухамъ, намъ, ужъ и тѣмъ прохода нѣтъ, какъ вечеръ. Вы знаете, вѣдь, что съ Идинькой въ прошломъ году случилось?

— Нѣтъ, мы не знаемъ.

— Какъ же! поцѣловаль ее какой-то негодий у самаго нашего дома.

— Вотъ какъ, Ида Ивановна! — отозвался, закручивая усь, Истоминъ.

— Да-съ, это такъ, — довольно небрежно отвѣтила ему, обваривая чай, Ида.

— Ты расскажи, Идоша, какъ это было-то.

— Ну, что, мама, имъ-то рассказывать; это еще и ихъ, пожалуй, выучишь этому секрету.

— Ну, полно-ка тебѣ врать, Ида.

— Мнѣ даже кажется, что Романъ Прокофьичъ въ этомъ чуть ли не участвовалъ.

— Въ чемъ это? Богъ съ вами, Ида Ивановна, что это вы говорите?

— А что жъ, вѣдь вы тогда не были съ нами еще знакомы?

— Ну, да, какъ же! станетъ Романъ Прокофьичъ... Перестанъ, пожалуйста.

— Перестану, мама, извольте, — отвѣчала Ида съ нѣсколько комической покорностью, и стала наливать намъ стаканы.

Во все это время она не садилась и стояла передъ самоваромъ на ногахъ.

— Видите, — начала Софья Карловна: — вотъ такъ-то часто говорятъ *ничего, ничего*; можно, говорятъ, и одной женщиной идти; если, дескать, сама не подастъ повода, такъ никто ее и не тронетъ; а выходить, что совсѣмъ не ничего. Идетъ, представьте себѣ, Идинька отъ сестры, и еще сумерками только, а за нею вдругъ два господина; одинъ го-

ворить: «я ее поцѣлую», а другой говорить: «не поцѣдуешь»; Идочка бѣжать, а они за нею; догнали у самаго крыльца и поцѣловали.

— Такъ и поцѣловали?

— Такъ и поцѣловали.

— Ида Ивановна! да какъ же вы это оплошали? Какъ же васъ поцѣловали, а? — спрашивалъ съ удивленіемъ Истоминъ.

— Очень просто,—отвѣчала Ида:—взяли за плечи, да и поцѣловали.

— И вы ему не плюнули въ лицо?

— Ну, такъ! чтобъ онъ еще меня приколотить?

— Экъ, куда хватили,—такъ ужъ и приколотить?

— А что жъ? отъ васъ всего дожدهмся,—добавила, улыбаясь, Ида.

— Мнѣнія, стало-быть, вы о мужчинахъ невысокаго, Ида Ивановна?—пошутилъ художникъ.

— Извольте, мама, вамъ чаю,—проговорила Ида матери, а Истомину не отвѣтила ни слова, будто и не слышала его вопроса.

— Благодарю, Идочка.

Софья Карловна хлебнула чаю и вдругъ затуманилась.

— Ужасно, ей-Богу,—начала она, мѣшая ложкой: — береги, корми, лелѣй дитя, вѣтра къ нему не допускай, а первый негодяй хватъ ее и обидитъ. Шперлинги говорятъ: устроймъ уроки, чтобъ музыкѣ дѣтей учить. Конечно, оно очень дешево, но, вѣдь, вотъ какъ подумаешь, что надо вечеромъ съ одной дѣвкой посылать, такъ и Богъ съ ними, кажется, и уроки.

— Ничего,—сказала, подумавъ, Ида.

— Какъ, мой дружокъ, ничего-то? Ты дѣвушка взрослая, а она дитя.

— Это еще, вѣдь, нескоро, мама; тогда успѣемъ еще подумать.

— Успѣтъ-то, конечно... А я это... Да, ну, видѣла я, Идочка, жениха. Не нравится онъ мнѣ, мой дружокъ: во-первыхъ, старъ онъ для нея, а во-вторыхъ, такъ что-то... не нравится; а она, говорятъ, будто его любить, да я этому не вѣрю.

— Не знаю, мамочка.

— Говорять, что любить; да только вздоръ это, я думаю. Ужъ кто кого любить, такъ это видно.

Ида промолчала и, взявъ въ руки одну изъ принесенныхъ сюда сестрою гравюръ, посмотрѣла ее и тотчасъ же равнодушно положила на мѣсто.

— У васъ, Ида Ивановна, есть идеаль женщины?— спросилъ Истоминъ.

— Есть-съ,— отвѣчала, улыбувшись, Ида.

— Покажите намъ ее здѣсь.

— Здѣсь нѣтъ ея.

— Кто же это такая?— Антигона вѣрно?

— Нѣтъ, не Антигона.

— Нѣтъ, безъ шутокъ, скажите, пожалуйста, какой изъ всѣхъ извѣстныхъ вамъ женщинъ вы больше всѣхъ сочувствуете?

— Моей мамѣ,— отвѣтила спокойна Ида и отправилась къ бабушкѣ съ кружкой шалфейнаго питья, приготовленнаго на ночь старушкѣ.

— Романъ Прокофичъ!— тихо позвала Софья Карловна художника.

Истоминъ нагнулся.

— Какая, я говорю, у меня дочь-то!

— Это вы объ Идѣ Ивановнѣ?

— Да, Идочка - то; я о ней вамъ говорю. Вѣдь это, истинно надо сказать правду, счастливая и пресчастливая я мать. Вы знаете, какъ это странно, вотъ я нынче часто слышу, многіе говорятъ, и Фрицъ тоже любитъ спорить, что снамъ не должно вѣрить, что будто сны ничего не значать; а я, какъ хотите, ни за что съ этимъ не могу согласиться. Мы все съ Авдотьюшкой другъ другу сны рассказываемъ.— Старуха подвинулась къ Истомину и заговорила: — Представьте вы себѣ, Романъ Прокофичъ, что когда я была Идинькой беременна... Маничка, выйди, мой крошечка; поди тамъ себѣ пелериночку поправь.

Маня, слегка покраснѣвъ, встала и вышла за сестрою.

— Да; такъ вы представьте себѣ, Романъ Прокофичъ, девять мѣсяцевъ кряду, каждую ночь, каждую ночь мнѣ все снилось, что меня какой-то маленькій ребенокъ грудью кормить. И что жъ бы вы думали? Родила я Идочку, какъ разъ вотъ, рѣшительно, какъ двѣ капли воды, то самое дитя, что меня кормило... Боже мой! Боже мой! вы не знаете, какъ я сокрушаюсь о моемъ счастьѣ! Я такая счастливая мать, такая счастливая мать, такія у меня

добрыя дѣти, что я боюсь, боюсь... не могу я быть спокойна. Ахъ, не могу быть спокойна!

Истоминъ, мнѣ показалось, смутился при выраженіи этой внезапной и неудержимой грусти Софьи Карловны. Онъ хотѣлъ ее уговаривать, но это ему не удавалось.

— Представьте себѣ, если посудить здраво,—продолжала старуха:—вѣдь сколько есть на свѣтѣ несчастныхъ родителей—вѣдь это ужасъ! Вѣдь это, Романъ Прокофьичъ, самое божащее несчастіе. У кого нѣтъ дѣтей, говорятъ, горе, а у кого дурныя дѣти—вдвое. Ну, а я—чѣмъ я этого достойна...—старуха пригнулась къ полу и, какъ будто поднимая что-то, со страхомъ и благоговѣніемъ шептала:—чѣмъ я достойна, что у меня дѣти... ангелы?.. Мои ангелы! мои ангелы!—заговорила она громко при появленіи въ эту минуту въ дверяхъ обѣихъ дочерей своихъ.

— Идиныка! Идиныка! дитя мое! другъ мой!—звала она и, раскрывъ дрожащія руки, безъ всякой причины истерически заплакала.—Идочка! ангелъ, министръ мой, что мнѣ все что-то кажется страшное; что мнѣ все кажется, что у меня берутъ васъ, что мы разстаемся!

Она обхватила руками шею дочери и, не переставая дрожать и плакать, жарко цѣловала ее въ глаза, въ лобъ и въ голову.

— Успокойтесь, мама, я всегда буду съ вами.

— Со мною, да, со мною!—лепетала Софья Карловна:—да, да, ты со мною. А гдѣ же это моя нѣмущка,—искала она глазами по комнатѣ и, отпустивъ Иду, взяла младшую дочь къ себѣ на колѣни.—Нѣмуща моя! рыбка нѣмая! что ты все молчишь, а? Когда жъ ты у насъ заговоришь-то? Романъ Прокофьичъ! когда она у насъ заговоритъ?—обратилась опять старуха къ Истомину, заправляя за уши выбѣжавшую косичку волосъ Мани. — Идиныка, вели, мой другъ, убирать чай.

Ида кликнула кухарку и стала сама помогать ей, а Софья Карловна еще разъ поцѣловала Манию и, сказавъ ей:

— Поди, гуляй, моя крошка, сама пошла за свои ширмы.

— Идочка, бабушка давно легла?—спрашивала она оттуда.

— Давно, мамаша,—отвѣтила Ида, уставя въ шкапы перемытую посуду, и, положивъ на карнизъ шкапа ключъ, сказала мнѣ:

— Пойдемте, пожалуйста, немножко пройдемтесь, голова страшно болить.

Когда мы проходили залу, Истоминъ стоялъ попрежнему съ Маней у гравюръ.

— Куда ты?—спросила Маня сестру.

— Хочу пройтись немножко; у меня страшно голова болить.

— Это вамъ честь дѣлаетъ,—вмѣшался Истоминъ.

— Да, значить, голова есть; я это знаю,—отвѣчала Ида, и стала завязывать передъ зеркаломъ ленты своей шляпы. Ей, кажется, хотѣлось, чтобы и Маня пошла съ нею, но Маня не трогалась. Истоминъ вертѣлся: ему не хотѣлось уходить и неловко было оставаться.

— Ида Ивановна, — спросилъ онъ, переворачивая свои гравюры: — да покажите же, пожалуйста, какая изъ этихъ женщинъ вамъ больше всѣхъ нравится! Которая ближе къ вашему идеалу?

— Ни одна, — довольно сухо на этотъ разъ отвѣтила Ида.

— Безъ шутокъ? У васъ нѣтъ и идеала?

— Я вамъ этого не сказала, а я сказала только, что здѣсь нѣтъ ея,—произнесла дѣвушка, спокойно вздергивая на паки свою верхнюю юбку.

— А кто же, однако, такая, вашъ идеаль?

— Мать Самуила.

— Вонъ кто!.. Родители мои, что за слейность! за что бы это она въ такой фаворъ попала?

— За то, что она воспитала такого сына, который былъ и людямъ милъ, и Богу любезень.

Истоминъ промолчалъ.

— А вашъ идеаль, сколько я помню, Анна Денманъ?

— Анна Денманъ,—отвѣчалъ съ поклономъ художникъ.

— То-то, я это помню.

— И должны сознаться, что мой идеаль гораздо лучше вашего.

— Всякому свое хорошо.

— Нѣтъ-съ, не все хорошо! Если бы вы, положимъ, встрѣтили свой идеаль, что жъ бы, какія бы онъ вамъ принесъ радости? Вы могли бы ему поклониться до земли?

— Да.

— А я свой могъ бы цѣловать.

— Вотъ это, въ самомъ дѣлѣ, не входило въ мои соображенія,—отшутилась Ида.

— Да какъ же! Это, вѣдь, тоже — «всякому свое». Въ пѣснѣ поется:

Свѣ мати мучицу,
Пеки пироги;
Къ тебѣ будутъ гости,
Ко мнѣ женихи;
Тебѣ будутъ кланяться,
Меня цѣловать.

Романъ Прокофѣвичъ, видно, вдругъ совсѣмъ позабылъ даже, гдѣ онъ и съ кѣмъ онъ. Цѣли, ближайшія цѣли его занимали такъ, что онъ даже склоненъ былъ не скрывать ихъ и поднести почтенному семейству даръ свой, не завертывая его ни въ какія бумажки.

Ида не отвѣтила ему ни слова.

— Мама! — крикнула она, идучи къ двери: — посидите, дружокъ мой, въ магазинѣ. Запирать еще рано—я сейчасъ вернусь.

Мы обошли три линіи, не сказавъ другъ другу ни слова; дорогой я два или три раза начиналъ пристально смотрѣть на Иду, но она не замѣчала этого и твердой походкой шла, устремивъ неподвижно свои глаза впередъ. При блѣдномъ лунномъ свѣтѣ она была обворожительно хороша и характерна.

Когда мы повернули къ ихъ дому, я рѣшился сказать ей, что она, кажется, чѣмъ-то очень разстроена.

— Нѣтъ, чѣмъ же разстроена? У меня просто голова болить невыносимо,—отвѣтила она, и съ тѣмъ мы съ нею и простились у подъѣзда.

«А что это Софья Карловна все такъ совѣщательно обращается къ почтенному Роману Прокофѣвичу?—раздумывалъ я, оставшись самъ съ собою. — Плѣшилъ онъ ее просто своей милой короткостью, или она задумала женихомъ его считать для Мани?»

«Не быть этому и не бывать, моя Божья старушка. Не нужна ему Анна Денманъ, съ руки ему больше Фрина-Мегарянка»,—рѣшилъ я себѣ, и не одинъ я такъ рѣшалъ себѣ это.

Вскорѣ послѣ того, такъ во второй половинѣ марта, Ида Ивановна зашла ко мнѣ, посидѣла, повертѣлась на какомъ-то общемъ разговорѣ и вдругъ спросила:

— Вы, кажется, немножко разладили съ Истоминимъ?

— Не разладишь,—отвѣчалъ я:—а такъ что-то въ родѣ черной кошки между нами пробѣжало.

— Я это замѣтила, — отвѣчала Ида, и черезъ минуту добавила: — если вы насъ любите, поговорите-ка вы съ нимъ хорошенько...

Удивительные глаза Иды Ивановны диктовали, о чемъ я долженъ поговорить.

— Хорошо, Ида Ивановна, я поговорю.

— Вы помните, какъ мы съ вами ѣли недавно орѣхи?

— Помню-съ.

— Я думаю, ни одинъ человѣкъ въ своей жизни не съѣлъ за одинъ разъ столько этой гадости, сколько я ихъ тогда перегрызла. Это, понимаете, отчего такъ флосъ?.. Это я себя кусала, потому что во мнѣ вотъ чтò происходило.

Ида, наморщивъ лобъ, повернула рукою възлѣ своего сердца.

— У меня ужасный слухъ, особенно когда я слышу то, чего не хотѣла бы слышать.

Она вздохнула.

— Я обо всемъ поговорю,—сказалъ я.

Дѣвушка пожала мнѣ руку, сказала:

— Пожалуйста, поговорите,—и ушла.

На другой день я зашелъ утромъ къ Истомину. Онъ былъ очень привѣтливъ и держалъ себя такъ, какъ будто между нами передъ этимъ не было никакого дутья другъ на друга.

— Вы не знаете,—началъ онъ весело:—какія на меня нынче посыпались напасти? Я, вѣдь, вчера совсѣмъ чуть не разоорился съ Шульцемъ.

— За что это?

— А вотъ подите! Берта Ивановна разсуждала обо мнѣ, какой я негодный для жизни человѣкъ, и сказала, что если бы она была моею женой, такъ она бы меня кусала; а я отвѣчалъ, что я могу доставить ей это удовольствіе и въ качествѣ чужой жены. Я, молъ, очень люблю, когда хорошенькія женщины приходятъ въ такое состояніе, что желаютъ кусаться. А она, дура, сейчасъ расплакалась. Да, впрочемъ, чортъ съ ними! Я былъ и радъ; очень ужъ надоѣло это столь постоянное знакомство.

— А у Норковъ какъ?

— Тамъ... мы занимаемся, — сказалъ, принимая серьезное выраженіе, Истоминонъ.

— И успѣваете?

Художникъ взглянулъ на меня, улыбнулся и, расправляя усы, отвѣчалъ:

— И успѣваемъ.

— А далѣе что будетъ, Романъ Прокофьичъ?

— А-а! Вы, вѣрно, ко мнѣ и волей и неволей, и своей охотой. Почтенное семейство, вѣрно, ужъ не радо и дешевины? Успокойте ихъ, пожалуйста: это, вѣдь, полезно дѣвочкамъ—это ихъ развиваетъ.

— А если этого развитія, Романъ Прокофьичъ, не желаютъ совсѣмъ? Если его боятся?

— Да вздоръ все это! совсѣмъ никто ничего и не боится, а это все Идиша эта сочиняетъ. Этакоей, чортъ ее возьми, крендель виборгскій, — проговорилъ онъ съ раздраженіемъ, садясь къ столу, и тутъ же написалъ m-me Норкъ записку, что онъ искренно сожалѣетъ, что, по совершенному недосугу, долженъ отказаться отъ уроковъ ея дочери. Написавъ это, онъ позвалъ своего человѣка и велѣлъ ему отнести записку тотчасъ же къ Норкамъ.

Послѣ этого мы опять встрѣчались съ Истоминонымъ изрѣдка и только на минуты, а къ тому же настала весна—оба мы снѣжили разстаться съ пыльнымъ Петербургомъ и оба въ половинѣ апрѣля уѣхали: я на Днѣпръ, а Истоминонъ въ Ялту.

Въ послѣднее время моего пребыванія въ Петербургѣ мы съ Идой Ивановной ничего не говорили о Манѣ, и я, признаюсь, не замѣчалъ въ Манѣ никакой переменны; я и самъ склоненъ былъ думать, что Ида Ивановна все преувеличиваетъ и что опасенія ея совершенно напрасны; но когда я пришелъ къ нимъ, чтобы проститься передъ отъѣздомъ, Ида Ивановна сама ввела меня во всѣ свои опасенія.

Это было вечеромъ, въ довольно позднія весеннія сумерки. Мани и m-me Норкъ не было дома. Я только простился со старушкой-бабушкой и вышелъ снова въ магазинъ къ Идѣ Ивановнѣ. Дѣвушка сидѣла и вязала какую-то косынку.

— Присядьте, — сказала она: — посидимте вдвоемъ на полсѣдяхъ.

Я сѣлъ.

— Истоминонъ тоже ѣдетъ?—спросила Ида.

— Да, онъ ѣдетъ.

— Зачѣмъ онъ пересталъ совсѣмъ бывать у насъ? Какъ это нехорошо съ его стороны!

— Вѣдь вы же сами, Ида Ивановна, — говорю: — этого желали.

— Нѣтъ, я этого никогда не желала, — отвѣчала она тихо, покачавъ головою. — Я желала, чтобы не было болѣе уроковъ — это правда, я этого желала; но чтобы онъ совсѣмъ пересталъ къ намъ ходить, чтобы показавъ этимъ пренебреженіе къ нашему семейству... я этого даже не могла пожелать.

— Да что жъ вамъ до этого пренебреженія?

— Да я совсѣмъ не о пренебреженіи говорю.

— А для всего другого это еще лучше.

— Нинѣтъ! Изъвините! не лучше, а это очень нехорошо; «для всего остального» это ужасно нехорошо! Я понимаю эту свѣрную, злую тактику, и вы ее тоже сейчасъ поймете, — сказала она, вставая, и чрезъ минуту возвратилась съ знакомымъ мнѣ тономъ Пушкина.

— Это что такое? — спросила она, поднося къ своимъ глазамъ развернутую книгу и указывая пальцемъ на кландифру.

— «Моцартъ и Сальери», — прочиталъ я.

— А это? — спросила Ида тѣмъ же тономъ и водя пальцемъ по чуть замѣтнымъ желтоватымъ пятнамъ на бумагѣ.

— Слезы, что-ль? — отвѣчалъ я, недоумѣвая.

— А это слезы! — произнесла, возвысивъ голосъ, Ида и съ холоднымъ презрѣніемъ далеко отшвырнула отъ себя книгу.

Такъ я оставилъ семейство Норковъ на цѣлое лѣто.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Украинская осень удержала меня до тѣхъ поръ, пока бѣлые днѣпровскіе туманы совсѣмъ перестали о полуночи спускаться облачною завѣсою и зарею взмывать волнами къ голубому небу. Я переѣхалъ днѣпровскій мостъ въ послѣднихъ числахъ ноябрю мѣсяца; протерпѣлъ дней десять въ дорогѣ и, наконецъ, измученный явился въ Петербургъ. Здѣсь ужъ было очень холодно и, по обыкновенію, сыро, что, впрочемъ, все-таки идетъ Петербургу гораздо болѣе, нежели его демисезонное лѣто, которое ему совсѣмъ не къ лицу, не къ чину и не къ характеру, которое ему никогда

не удастся, да и вовсе ему не нужно: зима съ окаменѣвшею Невою, съ катками, оперой и съ газомъ въ фонаряхъ ему гораздо больше кстати.

А лѣтомъ скучень этотъ городъ
Съ его туманомъ и водою!

Не дай вамъ Богъ, свѣжій человекъ, прѣхать сюда впервые лѣтомъ: здѣсь нѣтъ ничего, чѣмъ тепло и мило лѣто въ нашихъ пыльныхъ Кромахъ и въ Пирятинѣ:

Нѣтъ милыхъ сплетень—все сурово;
Законъ сидитъ на лбу людей,
Все удивительно и ново,
А нѣту теплыхъ новостей.

Своей волею я никогда не поѣду въ Петербургъ лѣтомъ и никому этого не посоветую. Въ тотъ годъ, къ которому относится мой рассказъ, я прѣхалъ сюда осенью. Запасшись той благодатной силой, которую льетъ въ изнемогшій составъ человека украинское свѣтлое небо — это чудное, всеобновляющее небо, подъ которое знакомая съ нимъ душа такъ назойливо просится, подъ которое вѣчно что-то манитъ неизбалованнаго природой русскаго художника и откуда — увы! — также вѣчно гонять его на сѣверъ ханжи, мораль и добродѣтель. Истомина я уже засталъ въ Петербургѣ; онъ вернулся сюда назадъ тому мѣсяца два, успѣлъ осмотрѣться и работать; даже, по собственнымъ его словамъ, очень усердно и очень успѣшно работалъ. Встрѣтились мы съ нимъ пріятелями; рассказали другъ другу, какъ кто провель лѣто; а о Норкахъ ни я его ничего не спросилъ, ни онъ мнѣ не сказалъ ни слова.

Мнѣ, какъ обыкновенно бываетъ послѣ долгой отлучки, предстояло много неприятныхъ хлопотъ; прозябшая квартира отогрѣвалась плохо; вездѣ, кромѣ одной комнаты, примыкавшей къ мастерской Истомина, подъ потолками держалась зелеными облаками вредная сырость; окна холодно плакали и мерзли; все было не на своемъ мѣстѣ и ни къ чему не хотѣлось притронуться. «Прислуга» моя, соблюдавшая до сихъ поръ непростительную экономію на топливѣ, теперь, въ моихъ же интересахъ, непременно хотѣла привести все въ должный порядокъ двумя своими старческими руками, и оттого все у насъ съ нею шло ужасно медленно. Прошла недѣля со дня моего возвращенія въ Петербургъ,

а я все еще ютился въ одной комнатѣ: ни къ кому изъ знакомыхъ не показывалъ глазъ и только сумерками выходилъ пройтись по набережной и тѣмъ же слѣдомъ назадъ домой.

Два или три раза, когда я возвращался съ этихъ прогулокъ, навстрѣчу мнѣ на нашей лѣстницѣ попадалась какая-то остроглазая, черненькая дѣвочка, лѣтъ восемнадцати, одѣтая въ темное шерстяное платье, фланелевый клетчатый салонъ и красный терновый капоръ. Такъ какъ по этой лѣстницѣ въ цѣломъ этажѣ не жило никого, кромѣ меня и Истомина, то мнѣ нѣсколько разъ приходило въ голову, что это за дѣвушка и куда она ходитъ? Я даже осведомился объ этомъ у своей Эриестины Крестьяновны, но моя «прислуга» не могла дать мнѣ на этотъ счетъ никакого опредѣленнаго отвѣта. Потомъ, случилось мнѣ какъ-то дня черезъ два выйти изъ дому часу въ девятомъ вечера, и только-что я переступилъ порогъ своей двери, какъ у дверей Истомина предсталъ мнѣ знакомый красный капоръ. При моемъ появленіи, капоръ быстро повернулся ко мнѣ спиною и сильно дернулъ два раза мѣдную шишку звонка.

Дверь Истомина отворилась, и голосъ Янка сказалъ гостьѣ:
— Оборвешь такъ, остроглазая!

Что же еще было добиваться, что это за дѣвица? Человѣкъ же былъ и Янко; нуженъ же былъ, разумѣется, и ему свой романъ въ жизни.

Позднѣйшія обстоятельства показали, что правильное появленіе вечерами на нашей лѣстницѣ этой остроглазой дѣвушки, въ самомъ дѣлѣ, было достойно особеннаго вниманія, но что хотя Янко, въ качествѣ живого человѣка, имѣлъ полнѣйшее право на свой собственный романъ въ Петербургѣ, однакоже, тѣмъ не менѣе, эта остроглазая особа совсѣмъ не была героинею его романа.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Есть на свѣтѣ такіе люди (и ихъ очень не мало), которые необыкновенно легко привязываются ко всему: къ мѣстамъ, къ людямъ, къ собакамъ, къ изношеннымъ туфлямъ, къ дерзкой прислугѣ и къ старому халату. Такіе люди различаются съ предметами своей привязанности только въ случаѣ самой крайней необходимости, или по причинамъ отъ нихъ независящимъ; да и то для нѣкоторыхъ изъ та-

кихъ людей всякая подобная разлука необыкновенно тяжела и долгое время совершенно невознаградима, а иногда и со-всѣмъ не переносна. Я зналъ одного человѣка, очень умнаго, образованнаго и въ своемъ родѣ стойка, который съ геройскимъ мужествомъ переносилъ отъ своей жены самыя страшныя семейныя сцены за привязанность къ старому ватному халату; и у этого халата ниже поясицы давно была огромная дыра, обшлага мотались бахромою, углы полъ представляли рядъ сметанныхъ на живую нитку лентъ или покровокъ. Этотъ привязчивый человѣкъ, опасаясь за судьбу своего изнашившагося друга, самъ тщательно закирпачивалъ его въ гардеробный шкапъ и всячески охранялъ его отъ рукъ давно покушавшейся на него супруги. Но, несмотря на все это, драгоценный халатъ все-таки въ одинъ прекрасный день исчезъ изъ гардероба и на мѣстѣ его висѣлъ новый. Такимъ это было горемъ для моего знакомаго, что у него чуть не развилась настоящая *nostalgia* со всѣми явленіями рекрутской тоски по родинѣ. Прошли съ тѣхъ поръ цѣлые годы, а онъ въ тѣхъ же разговорахъ о хорошихъ вещахъ и заговорить: «нѣтъ, вотъ, господа, былъ у меня одинъ разъ халатъ, такъ ужъ никогда у меня такого халата не будетъ—мяконькій, пріятный!»

— Да помилюйте,—утѣшали его:—у васъ и этотъ халатъ прекрасный.

— Ну, ужъ какой же это прекрасный халатъ! Какъ его можно назвать прекраснымъ!—возражалъ мой знакомый. — Тотъ халатъ, я вамъ говорю, былъ такой, что сидишь въ немъ, бывало, точно въ литерной ложѣ въ Большомъ театрѣ.

Я тоже имѣю несчастіе принадлежать къ несчастному ряду людей, одаренныхъ непрактичною способностью привывать и привязываться къ вещамъ, къ мѣстамъ и — что всего опаснѣе — къ людямъ.

Пока моя запущенная квартира устранивалась и приводилась въ порядокъ, я по необходимости держался одного моего кабинетца, или даже, лучше сказать, одного дивана, который стоялъ у завѣшенной сукномъ двери на половину Истомина; и такъ я за это время приучился къ этому уголку, что когда въ жилищѣ моемъ все пришло въ надлежащій порядокъ, я и тогда все-таки держался одного этого угла.

Одинъ разъ, въ самыя сумерки, усталый болѣе чѣмъ когда-либо, я почувствовалъ легкую нервную дрожь, завер-

нулся въ теплый мерлушичій тулунчикъ, прилегъ въ уголокъ дивана и забылся очень крѣпкимъ и сладкимъ сномъ. Снилось мнѣ золотая Украина, ея рѣки глубокія и чистыя, сѣдые глинистые берега, покрытые блѣдно-голубою каймою цвѣтущаго льна; лица, лица, ненавистно-милыя лица, стѣившія столькихъ слезъ, столькихъ терзающихъ скорбей и гнетущаго горя, и вдругъ все это тряслось, рѣдѣло, замѣнялось темнымъ боромъ, въ которомъ лохматою вѣдьмою носилась метель и съ дикимъ визгомъ обсыпала тонкими, иглистыми снѣжинками лукавую фигуру лѣшаго, а самъ лѣшій сидѣлъ гдѣ-то подъ сосною и, не обращая ни на что вниманія, подковыривалъ пенькою старыи лыковый лапотъ. Смѣнялась и эта картина, и шевелилось передо мною какое-то огромное, ослизшее, холодное чудовище, съ мѣриадами газовыхъ глазъ на черномъ, шевелящемся тѣлѣ, по которому ползли, скакали, прыгали и спотыкались куда-то вѣчно спѣшащіе люди, слышались сильные рѣчи, дѣтскіе голоса, распѣвающіе подъ звуки разбитыхъ шарманокъ, и темный уголокъ моей комнаты, въ окнѣ которой слабо мерцалъ, едва достигавшій до него свѣтъ уличнаго фонаря. Мнѣ все спалось; спалось нѣсколько слабѣе, но еще слабѣе и, ютясь все крѣпче въ уголокъ моего дивана, я вдругъ услыхалъ, какъ чей-то маленькій голосъ откуда-то изъ-подъ шерстяной обивки говорилъ кому-то такія ласковыя рѣчи, что именно, кажется, такія рѣчи только и могутъ прислышаться во снѣ. Никакъ я не могъ запомнить этихъ хорошихъ словъ и сталъ просыпаться.

— Мой идолъ... идолъ... и-д-о-л-ъ!— съ страстнымъ увлеченіемъ говорилъ маленькій голосъ въ минуту моего пробужденія.— Какой ты пріятный, когда ты стоишь на коленяхъ!.. Какъ я люблю тебя, какъ много я тебѣ желаю счастья! Я вѣрю, я просто чувствую, я знаю, что тебя ждетъ слава; я знаю, что вся эта мелкая зависть передъ тобою преклонится и женщины толпами пѣльми будутъ любить тебя, боготворить, съ ума сходить. Моя любовь читаетъ все впередъ, что будетъ; она чутка, мой другъ! мой превосходный, мой божественный художникъ!

Романъ Прокофьевичъ сдѣлалъ слабое, чуть слышное движеніе.

— Постой, постой!— остановилъ его маленькій голосъ.— Останься такъ; постой передо мною на коленяхъ. Я такъ

люблю ласкать тебя, мой славный. Ты такъ *высокъ*, что я не достаю твоихъ кудрей, когда ты встанешь. А я люблю, какъ я люблю вотъ эти черныя, вотъ эти демонскія кудри!.. Охъ, когда бъ ты зналъ, какъ я люблю тебя, мой Ромцю! Какъ много я тебѣ желаю счастья, славы и... любви... Постои, постои!.. дай мнѣ сказать тебѣ про все. Ты знаешь... я дышать не могу, когда вдводемъ съ тобою. Въ груди тутъ у меня, нѣтъ... это... нѣтъ ничего того, что тамъ у всѣхъ бываетъ, а только — сердце. Огромное, во всей груди все сердце... и въ этомъ сердцѣ все огонь; огонь и рана, Ромцю... И мнѣ такъ хочется тогда... вотъ и теперь... такое что-то сдѣлать для тебя... что было бъ выше силъ моихъ... Когда бы зналъ, какъ хочется мнѣ быть для тебя несчастной... такой несчастной, чтобы мое несчастье испугало бы всѣхъ... а чтобы ты... О, чтобы ты былъ счастливъ! счастливъ!.. и чтобы это счастье я тебѣ купила! Но... я не знаю... а ты не говоришь, что сдѣлать для тебя. Какъ мнѣ погибнуть? какъ? Учи меня, учи, учи скорѣе, Ромцю...

Маленькій голосъ задрожалъ и продолжалъ, трясясь и мѣля:

— Мнѣ снилось разъ, какое счастье... Не помню, я чего-то начиталась, усталая уснула, и вижу, что на тебѣ вѣнокъ, и что тебя везутъ въ какой-то колесницѣ; что женщины всѣ на колѣняхъ стоятъ передъ тобою и говорятъ про что-то, про славу, про любовь или еще про что-то... а я ничего не умѣю сказать тебѣ. Не умѣю даже сказать, что я люблю тебя и... Постои, Ромцю! Постои, не уходи... Я бросилась подъ лошадей твоихъ, и ихъ копыта, и эти острые колеса впились мнѣ въ грудь... и такъ легко мнѣ было, Ромцю. Ахъ, какъ легко! ахъ, какъ легко! — какое было счастье! О, гдѣ тотъ Римъ, въ который я могу нести вслѣдъ за тобой твой мольбертъ, холстъ, твою палитру, краски... Боже! Боже! какія горести, какое зло Ты можешь мнѣ послать, чтобы я забыла за ними благословлять Тебя, если только одинъ лучъ его славы упадетъ на мою голову? Оставь, брось этотъ страшный городъ! Брось деньги, брось, возненавидь ихъ... Пойдемъ! Пойдемъ отсюда, мой Ромцю! Мы станемъ жить одни, тихонько; къ намъ не заглянетъ скука — не бойся. И когда ты будешь счастливъ, славенъ... и тогда... О, что жъ тогда?.. О, говори мнѣ, что жъ тогда, когда всѣ будутъ знать, что я тебя лелѣяла, что я тебѣ служила... что я твой другъ?..

— Что ты моя любовь.

— Что я твоя любовь!.. О, нѣтъ, не нужно, чтобы это знали, пока я буду жить... Нѣтъ... тогда.. я поскорѣй умру. и на моей могилѣ пускай напишутъ, что ты любилъ меня! Живой ты мнѣ одной, наединѣ... скажи одно *спасибо*.

— А ты мнѣ чѣмъ отвѣтишь?

Вышла коротенькая паузка, послѣ которой слабый голосъ стыдливо и восторженно сказалъ:

— Я чѣмъ отвѣчу?

— Поцѣлуемъ?

— Да.

— Однимъ?

— Ахъ, полно говорить объ этомъ!

— Милліономъ, если хочешь.

— Милліонъ, милліонъ! охъ, какъ далеко тотъ милліонъ!

Истоминиъ смолчалъ секунду и прошепталъ:

— Сейчасъ... теперь... сію минуту...

— Руки! руки больно! руки!

— Одинъ, сейчасъ въ задатокъ! Сейчасъ, сейчасъ — онъ все равно одинъ изъ моего милліона.

— Одинъ... ты лжешь; ты страшенъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего, не бойся. Я вѣдь одинъ.

Она была въ смущеніи и молчала.

— Отказъ?

— Нѣтъ; нѣ, цѣлуй.

— Да; разъ... одинъ, но безконечный! — и онъ смялъ и задушилъ ее въ своихъ объятіяхъ.

Позднѣе опять слышался разговоръ, но такой частый, что его понять было невозможно; слова неслись какъ мелкій песокъ, сгоняемый вѣтромъ съ пригорка въ долину. Мнѣ опять стало спаться и стала сниться эта долина, сухая, сѣрая, пыльная, безъ зелени, совсѣмъ безъ признака жизни; вѣтеръ гналъ въ нее тучи песчаной пыли, свивалъ ихъ столбомъ облачнымъ и шибко поднималъ вихремъ къ небу. Въ самой серединѣ этого крутящагося сѣраго столба мелькала тоже совершенно сѣрая, изъ пыли скатанная челоуѣческая фигура; она долго вертѣлась валуномъ и, наконецъ, рассыпалась, и когда она рассыпалась, я увидалъ, что это была бабушка Норкъ.

Я проснулся совсѣмъ; за стѣной у меня было все тихо;

на улицѣ мерпали фонари; гдѣ-то ныла разбитая шарманка и подъ ея унылые звуки разбитый голосъ пѣлъ:

Танцень дами, стидь откиновъ,
Кавалеренъ безъ затѣй,
Схватить дѣвишка, обниметь,
И давай вертѣться съ ней.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Быль вскорѣ за этимъ новый человѣконенавистный петербургскій день съ семью различными погодами, изъ которыхъ самая лучшая въ одно и то же время мочила и промораживала. Пробытый насквозь чичеромъ, чередовавшимся съ гнилою мокредью и морозомъ, я возвратился домой съ насморкомъ и лихорадочнымъ ознобомъ, и совсѣмъ больной, укутавшись потеплѣе, повалился на свой уютный диванъ. Дышалось мнѣ тяжело и во всемъ тѣлѣ безпрестанно ощущалась неприятная склонность вздрагивать; но, тѣмъ не менѣе, я, должно-быть, заснулъ очень скоро, потому что скоро же очень изъ моей пустой и темной залы стали доноситься до меня мягкіе, но тяжелые медвѣжьи шаги, сапъ, глубокіе вздохи и какое-то мягкое кувырканье. Прошла еще пара минутъ и въ дверяхъ, прямо противъ моего лица, показался на заднихъ лапахъ огромный бурый съ просѣдью медвѣдь. Онъ держался одною переднею лапою за притолку, медленно покачивался и, далеко высунувъ свой пурпурно-красный языкъ, тяжело дышалъ и шурвился. Отъ него, какъ отъ раскаленной чугунной печки, било въ меня несноснымъ, сухимъ жаромъ; лишенный всякаго эпителія, тифозный языкъ моего гостя мотался и вздрагивалъ; его липнушіе маленькіе глаза наводили дрему непробудную. Медвѣдь подошелъ къ моему дивану, закрылъ мое лицо своей пушистой грудью и началъ лизать мою голову своимъ острымъ языкомъ. Не могъ я опредѣлить себѣ—хорошо мнѣ отъ этого, или худо; не могъ я крикнуть, не въ силахъ былъ повернуться. Сгорая сухимъ жаромъ горячки, я безпрестанно путался въ какихъ-то нелѣпныхъ представленіяхъ, слышалъ то дѣтскій шопоть, то медвѣжьи вздохи, то звонъ и заунывную пѣсню «про солому». Это становилось несносно; хотѣлось во что-нибудь вслушиваться, что-нибудь понять и проснуться, но развинченное тѣло лежало пластомъ и всякія трезвыя впечатлѣнія были

чужды больной головѣ моей. Въ такомъ состояннн прошло, должно-быть, очень много времени, прежде чѣмъ окружающій меня горячій воздухъ сталъ какъ будто немного тонѣть, разрѣжаться и съ тѣмъ вмѣстѣ заворочался и началъ спускаться къ ногамъ давившій меня медвѣдь.

Едва онъ чуть поосвободилъ мою голову, до моего слуха сейчасъ же, съ первою струйкою свѣжаго воздуха, донеслось какое-то знакомое, необыкновенно ласковое слово.

Я ту же секунду по этому голосу узналъ знакомый маленькій голосъ, но мозгъ мой все-таки безпрестанно сбивался съ пути, усыпалъ и путался. Ласковыя слова долетали до меня съ различными перерывами, и по временамъ совсѣмъ какъ-то доходили звуками безъ значенія.

— Я не могу,—говорилъ мужской голосъ:—я люблю тебя, тебя одну и тебя первую люблю я. Я чувствую, что при тебѣ только я становлюсь хоть на минуту человѣкомъ.

— Не говори этого, Ромцю; ты самъ не знаешь, чего ты хочешь,—отвѣчала маленькій голосъ.

— Я рѣшилъ это,—говорилъ Романъ Прокофьичъ:—слышишь, я рѣшилъ. Я готовъ сдѣлать это противъ твоей воли.

— Поди, поди лучше сюда и сядь!.. Сиди и слушай,—начиналъ голосъ:—я не пойду за тебя замужъ ни за что; понимаешь: *ни за что на свѣтѣ!* Пусть мать, пусть сестры, пусть бабушка, пусть всѣ просятъ, пусть онѣ стоятъ передо мною на колѣняхъ, пускай умрутъ отъ горя—я не буду твоей женой... Я сдѣлаю все, все, но твоего несчастья... нѣтъ... ни за что! нѣтъ, ни за что на свѣтѣ!

— О чемъ же ты плачешь?

— О томъ, что ты меня не понимаешь. Ты говоришь, что я ребенокъ... Да развѣ бѣ я не хотѣла быть твоею Анной Денманъ... Но, Боже мой! когда я знаю, что я когда-нибудь переживу твою любовь, и чтобъ тогда, когда ты перестанешь любить меня, чтобъ я связала тебя долгомъ? чтобъ ты, противъ желанія всякаго, обязанъ былъ работать мнѣ на хлѣбъ, на башмаки, дѣтямъ на одѣла? Чтобъ ты меня возненавидѣлъ послѣ? Нѣтъ, Романъ! Нѣтъ! я не такъ тебя люблю: я *за тебя* хочу страдать, но не хочу твоихъ страданій.

— О, Боже мой, о, Боже мой! какъ хороша, какъ дивно хороша ты, Маня!—прошептала Истомина.

— Опять все красота!

— Всегда о красотѣ. Она моя! моя! Скажи скорѣй: моя она?

— Твоя.

— Уйди жъ теперь.

— Зачѣмъ?.. Куда идти?

— Бѣги, спасайся... Ты думаешь—я человекъ? Нѣтъ, я не человекъ: въ меня съ твоимъ вчерашнимъ поцѣлуемъ вошелъ нечистый духъ, глухой ко всемъ страданіямъ и слезамъ... бѣги. Онъ жертвы, жертвы просить!

— Жертвы?

— Да! тебя, тебя онъ требуетъ на жертву.

— На жертву?.. Я готова.

— Ребенокъ! понимаешь ли, что ты сказала? Понятно ли тебѣ, какой я жертвы требую?

— Нѣтъ,—рѣшительно отвѣтила Маня.

— О, дьяволъ! тебѣ такого чистаго ягненка еще никто не приносилъ на жертву!

— Я ничего не понимаю. Мнѣ жаль тебя, мой Ромцю; жаль, тебя мнѣ жаль!

— Такъ поцѣлуй меня скорѣе.

— Цѣлую; нѣ, цѣлую!

— Цѣлуй... такъ, какъ ты меня цѣлуешь... да, какъ ты сестеръ цѣлуешь... иначе, ждетъ бѣда!.. Нѣтъ; я не поцѣлую тебя!

И долго-долго было и тихо, и жутко; и вдругъ среди этой мертвой тишины сильный голосъ нервно вскрикнулъ:

— Я погублю тебя!

И въ то же мгновеніе прозвучало тихое, но смѣлое:

— Губи!

— Маня! Маня!—усиливался я закричать сколько было мочи, но чувствовалъ сквозь сонъ, что изъ устъ моихъ выходили какіе-то нѣмые, неслышные звуки. Маня! попробовалъ я вскрикнуть въ совершенномъ отчаяніи и, сдѣлавъ надъ собой послѣднее усиліе, спрыгнулъ въ полуснѣ съ дивана такъ, что старыя пружины брызгнули и загудѣли.

На этотъ шумъ изъ-за истоминскихъ дверей отвѣтилъ слабый, перекушенный стокъ.

Какъ ошеломленный ударомъ въ голову, выскочилъ я въ другую комнату и прислонился лбомъ къ темному, запотѣвшему стеклу. Въ глазахъ у меня вертѣлись тонкія огненные кольца, мелькалъ бѣлый лобикъ Мани и ея маленькая, закушенная губка.

Я перебѣжалъ впопыхахъ свою залу, схватилъ въ передней съ вѣшалки пальто, взялъ шляпу и выскочилъ за двери. Спускаясь по лѣстницѣ, слабо освѣщенной крошечною каминною лампою, я на одномъ поворотѣ, носъ къ носу, столкнулся съ какою-то маленькой фигурой, которая быстро посторонилась и, какъ летучая мышь, безъ всякаго шума шмыгнула по ступенямъ выше. Когда эта фигурка пробѣгала подъ лампою, я узналъ ее по темному шерстяному платью, клѣтчатуму фланелевому салопу и красному капору.

Спѣшными и неровными шагами обогнулъ я торопливо линію, перебѣжалъ проспектъ и позвонилъ у домика Норковъ.

Мнѣ отперла дверь Ида Ивановна. Держа въ одной рукѣ свѣчу, она посмотрѣла на меня безъ всякаго удивленія, отодвинулась къ стѣнкѣ и съ своей обыкновенной улыбкой нѣсколько комически произнесла:

— Честь и мѣсто.

— Здравствуйте, Ида Ивановна!—началъ я, протягивая ей руку.

— Проходите, проходите, тамъ успѣемъ поздороваться, — отвѣчала дѣвушка, поворачивая въ двери довольно тугой ключъ.

Въ маленькой гостиной сидѣли за чаемъ бабушка и madame Норкъ.

— О, хорошо жъ вы насъ любите!—первая заговорила навстрѣчу мнѣ старушка.

— Да, хорошо вы съ нами сдѣлали!—поддерживала ее, съ относящимся ко мнѣ упрекомъ, madame Норкъ.—Мнѣ сидѣть, слышимъ, въ Петербургѣ, и навѣстить не придете. Я Идинькѣ ужъ нѣсколько разъ говорила, что бы это, говорю, Идинька, могло такое значить?

— А Ида Ивановна, — спрашиваю, — что же вамъ отвѣчала?

— Не помню я что-то, что она мнѣ такое отвѣчала.

— Кажется, ничего, мама, не отвѣчала, — откликнулась Ида и поставила передо мною стаканъ чаю.

Я освѣдомился о Бертѣ Ивановнѣ, о ея мужѣ и даже о Германѣ Верманѣ спросилъ, и обо всѣхъ объ нихъ получилъ самыя спокойныя извѣстія; но спросить о Манѣ никакъ не рѣшался. Я все ждалъ, что Маня дома, что вотъ-вотъ она сама вдругъ покажется въ какой-нибудь двери и разомъ сдунетъ всѣ мои подозрѣнія.

— А слышали вы, у насъ въ анинской школѣ недавно

какое ужасное несчастіе-то было?—начала послѣ первыхъ привѣтствій Софья Карловна.

— Нѣтъ, говорю, не слыхаль.—Что такое?

— Ахъ, ужасно! Представьте себѣ, одна маленькая дѣвочка стальное перо проглотила.

— Это бываетъ въ школахъ,—подказала, вздохнувши, бабушка.

— Да, это бываетъ по тремъ причинамъ,—проговорила Ида Ивановна.

— Что такое, другъ мой, по тремъ причинамъ?—пропечтала старушка.

— Это, бабушка, такъ говорится.

— Какъ говорится?

— Ахъ, Боже мой, бабушка! Ну, просто такъ говорятъ что все, что бываетъ, бываетъ по тремъ причинамъ.

— Все-то ты, Идинька, врунья; всегда ты все что-нибудь врешь,—произнесла серьезно Софья Карловна и тихонько добавила:—Охъ, эти дѣти, дѣти! Сколько за ними, право, смотрѣть надо! Вы вотъ не повѣрите, кажется, ужъ Маня и не маленькая, а каждый разъ, пока ее не дождешься, Богъ знаетъ чего не надумаешься.

— А гдѣ же,—говорю,—Марья Ивановна?

— А на урокъ. Уроки пѣнія тутъ эти Шперлинги заѣхали; оно, конечно, уроки обходятся недорого, потому что много ихъ тамъ—дѣвицъ двадцать, или еще и больше разомъ собирается, только все это по вечерамъ... такъ, право, неприятно, что мочи нѣтъ. Идетъ ребенокъ съ одной дѣвчонкой... на улицѣ можно ждать неприятностей.

— Kleine неприятность не мѣшаетъ grosse удовольствію, Mutterchen!—пошутила Ида Ивановна.

— Охъ, да полно тебѣ, право, остроумничать, Ида!—отвѣчала съ неудовольствіемъ м-ше Норкъ.—Совеѣмъ не умно это твое остроуміе. А мы нынче тоже какъ-то прескучно провели время,—продолжала она, обратившись ко мнѣ.—Ѣздили раза два въ Павловскъ, да все не съ кѣмъ, все и тамъ было скучно.

— Съ кукушкой говорили,—сказала Ида.

— Да; сидемъ да спрашиваемъ, сколько кому лѣтъ жить? Мнѣ все семь, или восемь, а Маня спросить, она сразу и замолчитъ.

— А вамъ, Ида Ивановна?

— О, ей, кажется, сто лѣтъ куковала. Ужь она, бывало, кричитъ ей: «будеть, будетъ! довольно!» а та все кукуеть.

— Я бессмертная,—проговорила Ида.

— Ну да, какъ же, бессмертная!

— Увидите.

— Ну да, рассказывай, рассказывай! Глухая ты, право, Ида!—пощутила, развеселившись, старушка.

Ида, кажется, этого только и добивалась: она сейчасъ же обняла мать и, держа ее за плечи руками, говорила весело:

— Всѣ умрутъ, мамочка, на островѣ, всѣ, всѣ, всѣ; а я все буду жить здѣсь.

— Почему жъ это такъ?—смѣялась, глядя въ глаза дочери, старушка.

— А потому, что безъ меня, мама, здѣсь ничему быть нельзя.

— О, шутиха, шутиха!

Мать съ дочерью снова весело обнялись и поцѣловались.

Въ это же время у парадной двери рѣзкобрякнулъ и жалобно закачался звонокъ.

Софья Карловна вздрогнула, вскочила со стула и даже вскрикнула.

— Ну, да что же это такое со мной въ самомъ дѣлѣ?—произнесла она, жалуясь и держась за сердце.—Ида! чего же ты стоишь?

Ида Ивановна пошла отпереть дверь и мимоходомъ толкнула меня за ширму, чтобы показать Манѣ сюрпризомъ.

Черезъ секунду въ магазинѣ послышалось разомъ нѣсколько легкихъ шаговъ, и Ида Ивановна сказала, что у нихъ былъ я, и только будто бы ушелъ сію минуту.

Мани ничего не отвѣтила.

— Вы его не встрѣтили?—продолжала Ида Ивановна.

— Нѣтъ, не встрѣтили, — уронила чуть слышно Мани. Она сняла съ головы капоръ, подошла прежде къ материнной, а потомъ къ бабушкиной рукѣ и молча сѣла къ налитой для нея чашкѣ.

Я глядѣлъ на Маню сквозь широкій створъ ширменныхъ полъ: она немножко подвыросла, но перемѣнилась очень мало; лицо ея было, по обыкновенію, блѣдно и хранило нѣсколько неестественное спокойствіе, которому рѣзко противорѣчила блудящая острота взгляда.

Я вышла из-за ширмы и подошла къ столу. Маня прищурила свои глаза, всмотрѣлась въ меня и сказала:

— Такъ вотъ это въ чемъ дѣло!

Съ этими словами она протянула мнѣ свою ручку, спросила, какъ я здоровъ, давно ли прѣхалъ, и опять спокойно занялась чаемъ, а въ комнату вошла горничная дѣвушка съ трубкою перевязанныхъ лентою нотъ и положила ихъ на столъ возлѣ Мани. Хотя на этой дѣвушкѣ не было те-нерь клѣтчатаго салона, но на ней еще оставался ея красный капоръ, и я узналъ ее по этому капору съ перваго взгляда.

«Кончено!» подумалъ я себѣ, глядя на Маню. А она сидитъ такая смиренъкая, такая тихонъкая, что именно какъ рыбка, и словечка не уронитъ. Даже зло какое-то беретъ, и не знаешь, на что злиться.

«А впрочемъ, и что же мнѣ такое въ самомъ дѣлѣ Манюшка Норкъ? На погостѣ жить—всѣхъ не оплачешь», разсуждалъ я снова, насилу добравшись до своей постели.

На другое утро я ужъ совсѣмъ никакъ не могъ подняться; прикинешься на минуточку и опять сейчасъ одо-лѣваетъ тяжелая спячка. Я послалъ за докторомъ и старался крѣпиться. Часу во второмъ ко мнѣ вошелъ Исто-минъ; онъ былъ необыкновенно счастливъ и гадокъ; здоро-вое лицо его потеряло всю свою мягкость и сіяло отврати-тельнѣйшимъ самодовольствомъ.

— Нездоровы?—спросилъ онъ меня отрывисто.

Я отвѣчалъ, что боленъ, и не сказалъ ему болѣе ни слова. Истоминъ отошелъ къ окну, постоялъ, побарабанилъ пальцами по стекламъ, и затѣмъ, замѣтивъ мнѣ настави-тельно, что «надо беречься», вышелъ.

Съ этой минуты я не видалъ ни Истомина, ни Мани въ теченіе очень долгаго времени, потому что у меня начался тифъ, послѣ котораго я оправлялся очень медленно.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Подходило дѣло къ веснѣ. Въ Петербургѣ хотя еще и не ощущалось ея приближенія, но люди, чуткіе къ жизни природы, начинали уже порываться вдаль, кто подъ род-ныя, сельскія лины, кто къ чужимъ краямъ. «Прислуга» моя донесла мнѣ, что Романъ Прокофьевичъ тоже собирается за границу, а потомъ вскорѣ онъ и самъ какъ-то удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ.

— Думаю проѣхать въ Итацію,—объявилъ онъ мнѣ.

Я принялъ это извѣстіе очень спокойно и даже не вспомнилъ, кажется, въ эту минуту о Манѣ, а только спросилъ Пестомина, какъ же быть съ квартирой?

— А пусть все такъ и остается, какъ было, я къ осени ворочусь.

— Ну, говорю,— и прекрасно.

Недѣли чрезъ полторы или черезъ двѣ онъ уѣхалъ и не подавалъ ни мнѣ, ни слугѣ своему никакой вѣсточки. На первыхъ порахъ послѣ его отъѣзда, онъ прислалъ нѣсколько писемъ Манѣ, которыя были адресованы въ его пустую квартиру. За этими письмами приѣхала та же черномазенькая дѣвочка, и черезъ нее они, вѣроятно, исправно попадали въ руки Мани. Я не учащалъ къ Норкамъ и, когда ужъ необходимо было завернуть къ нимъ, заходилъ на самое короткое время. Ужасно тяжело было мнѣ всѣхъ ихъ видѣть и думать: «ахъ, друзья мои, не знаете вы, какая надъ вами бѣда рухнула!» Что же касается до самой Мани, то кроткая, всегда мало говорившая, всегда молчаливая дѣвушка, ничѣмъ не выдавала своего душевнаго состоянія: она только прозрачѣла, слегка желтѣла, какъ топазь, и Софья Карловна не разъ при мнѣ печалилась, что у Мани волосы начали ужасно сѣбься и падать.

Старушки дѣлали мнѣ часто выговоры и замѣчанія, что я ихъ разлюбилъ и забываю; и Мани тоже нѣсколько разъ спрашивала меня, чѣмъ онѣ мнѣ надоѣли? Только одна Ида никогда не заводила объ этомъ никакой рѣчи ни въ серьезъ, ни въ шутку. Я очень хорошо чувствовалъ, что это не было со стороны Иды холоднымъ равнодушіемъ къ характеру нашихъ отношеній, а сдавалось мнѣ, что она какъ будто видѣла меня насквозь и понимала, что я не пересталъ любить ихъ добрую семью, а только неловко мнѣ бывать у нихъ чаще. Не знаю я, чѣмъ Ида объясняла себѣ эту мою неловкость, но только она всегда деликатно освобождала меня отъ всякихъ вопросовъ, и послѣ какого бы промежутка времени мы съ нею ни встрѣтились, она всегда заговаривала со мною одинаково: коротко, ровно и тепло, точно только мы вчера разстались и завтра свидимся снова.

Разъ какъ-то, посреди лѣта, я не былъ у Норковъ крыду съ мѣсяць, и думалъ, что какъ бы мы ужъ и въ самомъ дѣлѣ не разошлись вовсе. Въ тотъ же самый день, какъ

мнѣ пришла въ голову эта мысль, только-что я усѣлся было позднимъ вечеромъ поработать, слышу, снизу, съ тротуара какой-то женскій голосъ позвалъ меня по имени. Взглянулъ я внизу—смотрю—Ида Ивановна и съ нею подъ руку Маня. Обѣ онѣ въ одинакихъ черныхъ шелковыхъ казакинахъ, и коймы по подоламъ барежевыхъ платьевъ однѣ и тѣ же, и въ рубахъ совершенно одинаковые темные антука. На длинныхъ тротуарахъ линіи, освѣщенной бѣлымъ свѣтомъ лѣтней ночи, кромѣ двухъ сестеръ Норктъ, не было видно ни души.

— Что это вы дѣлаете дома?—спросила меня, спокойно глядя вверхъ, Ида.

Маня только кивнула мнѣ головой.

При бѣдномъ свѣтѣ бѣлой ночи я видѣлъ, какъ личико Мани хотѣло сложиться въ самую веселую улыбку, но это не удалось ей.

— Что я дѣлаю?—Хочу поработать немножко, Ида Ивановна.

— Охота!

— Das muss, Ида Ивановна, а не охота.

— Sie müssen—отлично; но что это вы, въ самомъ дѣлѣ, совсѣмъ глазъ не показываете? Не думаете ли вы, чего добраго, что за вами ухаживать стануть? Дескать: «куманечикъ, побывай, душа-радость, побывай!»

Глаза Иды Ивановны потихоньку улыбались и лицо ея, по обыкновенію, было совершенно спокойно. Маня опять хотѣла улыбнуться, но тотчасъ потупилась и стала тихо черкать концомъ зонтика по тротуарной плитѣ.

— А, кстати о выстрѣлѣ, что вашъ сосѣдъ дѣлаетъ?—спросила Ида Ивановна.

— Это, въ самомъ дѣлѣ, думаю, кстати о выстрѣлѣ, и отвѣчаю, что Истоминъ за границею.

— Я это знаю; я хотѣла спросить, что онъ тамъ дѣлаетъ?

— Не знаю, право, Ида Ивановна; вѣрно хандрить или работаетъ.

— А вы развѣ не переписываетесь?

Маня прилегла къ сестриному плечу.

— Нѣтъ, говорю, — переписывались, да вотъ мѣсяца съ полтора какъ-то нѣтъ отъ него ни слова.

— Таки совсѣмъ ни слова?

— Совсѣмъ ни слова.

— Вот постоянство здѣшнихъ мѣстъ!

— Мѣста, Ида Ивановна, непостоянные.

— Вѣрно такъ вамъ и слѣдуетъ, — отвѣчала Ида и, кивнувъ головкой, пошла, крикнувъ мнѣ: — пусть вамъ ангелы святые снятся.

Маня, трогаясь съ мѣста, еще разъ хотѣла мнѣ улыбнуться какъ можно ласковѣй, но и на этотъ разъ улыбка не удалась ей и свернулась во что-то суровое и тревожное.

«Однако, чтѣ-жъ бы это такое могло значить?» думалъ я, когда дѣвушки скорыми шагами скрылись за угломъ проспекта. «Неужто Маня *все* рассказала сестрѣ? неужто у Иды Ивановны до того богатырскія силы, что, узнавъ отъ Мани все, чтѣ та могла рассказать ей, она все-таки еще можетъ сохранять спокойствіе и шутить? Это ужъ даже и непріятно такое самообладаніе!» И мнѣ на минуту показалось, что Ида Ивановна совсѣмъ не то. чѣмъ я ее представлялъ себѣ; что она ни больше, ни меньше какъ весьма практическая нѣмка; имѣетъ въ виду поправить неловкій шагъ сестры бракомъ, и наконецъ просто-напросто *ищетъ зятя своей матери*... Похвальная родственная заботливость, и только. Пришло мнѣ въ голову также, что, можетъ быть, и сама Маня надумалась, нашла свои странныя экзальтаціи смѣшными и сама пожелала сдѣлать Истомина своимъ мужемъ... А можетъ быть даже, что и все это была одна собачья комедія, въ которой и Маня тоже искала *зятя своей матери*.

Даже скверно становилось отъ этихъ предположеній.

— Не можетъ ничего этого быть! — уговаривалъ я себя на другой день. — Вѣрно Ида Ивановна знаетъ очень немногое; вѣрно она безъ всякихъ словъ Мани знаетъ только одно, что сестра ея любитъ Истомина, и замѣчаетъ, что невѣстность о немъ ее мучить.

Дней черезъ пять, или черезъ шесть, въ теченіе которыхъ я попрежнему ни разу не собирался къ Нормкамъ и оставался насчетъ всѣхъ ихъ при своемъ послѣднемъ предположеніи, въ одно прекрасное утро ко мнѣ является Шульцъ.

— Вотъ, батюшка мой, исторія-то! — началъ онъ, не вынимая изо рта сигары и вытаскивая изъ кармана какое-то измятое письмо.

— Чтѣ спрашиваю, за исторія?

— Да такая, говорить, исторія, что хуже иной географіи:—Истоминъ дрался на дуэли и очень дурно раненъ.

Фридрихъ Фридриховичъ далъ мнѣ нѣмецкое письмо, въ которомъ было написано: «Шесть дней тому назадъ, вашъ компатріотъ господинъ фон-Истоминъ имѣлъ неприятную исторію съ русскимъ княземъ N, съ женою котораго онъ три недѣли тому назадъ пріѣхалъ изъ Штутгарта и остановился въ моей гостиницѣ. Послѣдствіемъ этой Geschichte у г. фон-Истомина съ мужемъ его дамы была дуэль, на которой г. фон-Истоминъ раненъ въ лѣвый бокъ пулею, и положеніе его признается врачами небезопаснымъ, а между тѣмъ г. фон-Истоминъ, проживая у меня съ дамою, изъ-за которой воспослѣдовала эта неприятность, состоитъ мнѣ должнымъ столько-то за квартиру, столько-то за столъ, столько-то за прислугу и экипажи, а всего до сихъ поръ столько-то (стояла весьма почтенная цифра). Да сверхъ того (продолжало письмо) теперь я несу для г. фон-Истомина всѣ издержки по лѣченію и различнымъ хлопотамъ, возникшимъ изъ этого дѣла, и наличныхъ денегъ у г. фон-Истомина нѣтъ. Вслѣдствіе всего этого, г. фон-Истоминъ поручилъ мнѣ написать вамъ о его положеніи и просить васъ выслать мнѣ мой долгъ и г. фон-Истомину тысячу русскихъ рублей, съ переводомъ на мое имя. Парма, годъ, мѣсяцъ и число. Адресъ: такому-то, хозяину «Hôtel de Venize».

— Посылать, или не посылать?—спросилъ Шульцъ, видя, что я дочиталъ письмо до конца.

Я былъ въ большемъ затрудненіи, чѣмъ отвѣтить.

— Ну, а если это подлогъ?—допрашивалъ меня Шульцъ.

— Какъ это узнать, Фридрихъ Фридриховичъ?

— То-то, я вѣдь говорю, что все это, какъ говорится, оселокъ:—тутъ самъ чертъ семь разъ ногу сломаешь и ни разу ничего не разберешь.

— Рискъ,—отвѣчаю:—конечно, есть.

— Ну, только ужъ воля ваша, а мой згадь всегда такой, что лучше рисковать деньгами, чѣмъ человѣкомъ. Деньги, конечно, вещь нужная, но все-таки, словомъ сказать, это дѣло нажитое.

Я съ особеннымъ удовольствіемъ согласился съ Шульцемъ и, провожая его къ двери, съ особеннымъ удовольствіемъ пожалъ его руку. Фридрихъ Фридриховичъ ухалъ отъ меня съ самымъ дѣловымъ выраженіемъ на лицѣ, и

часа через два заѣхалъ съ банкирскимъ векселемъ на торговый домъ въ Пармѣ.

Деньги, нужныя на выручку Истомина, были отосланы: но что это была за дуэль и вообще что это за исторія — разгадывать было весьма мудрено и трудно.

«Одно только очень желательно,—думалъ я въ этотъ день по уходѣ Шульца,—желательно, чтобы Фридрихъ Фридриховичъ сохранилъ въ тайнѣ это свое хорошее великодушіе и не распространился объ этой исторіи у Норковъ. Только нѣтъ — гдѣ ужъ Фридриху Фридриховичу отказать себѣ въ такомъ удовольствіи».

Такъ-таки все это на мое и вышло, и вотъ какъ я это узналъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Густыми сумерками на другой день слышу у себя звонокъ, этакій довольно нервнительный и довольно слабый звонокъ, а вслѣдъ затѣмъ легкіе, торопливые шаги, и въ мою комнату не вошла, а вбѣжала Маничка Норкъ.

— Убить?—прошептала она, подскочивъ ко мнѣ и быстро дернувъ меня за руку.

Такъ варомъ меня и обварило.

— Только ранень,—отвѣчала я какъ можно спокойнѣе.

Маня выпустила мою руку и сѣла на кресло.

Я опустилъ у оконъ шторы, зажегъ свѣчи и взглянулъ на Маню: лицо у нея было не блѣдно, а бѣло, какъ у челоуѣка зарѣзаннаго, и зрачки глазъ сильно расширены.

Я пробовалъ два или три раза говорить съ нею, но она не отвѣчала ни слова и, наконецъ, сама спросила:

— Это, что такое «кетати о выстрѣлѣ»?

Я не понялъ.

— Сестра третьягодня сказала вамъ: «кетати о выстрѣлѣ» — что это такое значило?—повторила Маня.

— Такъ, говорю, есть какой-то анекдотъ о хвастунѣ, который сдѣлалъ одинъ разъ удачный выстрѣлъ и потомъ цѣлую жизнь все рассказывалъ «кетати о выстрѣлѣ».

— Это неправда,—отвѣчала Маня, покачавъ головой.

— Увѣряю васъ, что это не имѣло никакого другого значенія.

— Вы знали, и Ида знала объ этомъ несчастіи — объ этомъ ужасномъ несчастіи!..

Мани закрыла свое личико бѣлымъ платкомъ; она не плакала, но ея тоненькія плечики и вся ея хрустальная фигурка дрожала и билась о спинку кресла.

Я принесъ стаканъ воды и нѣсколько разъ просилъ Мани выпить. Она отняла отъ сухихъ глазъ платокъ и, не трогая стакана, быстро спросила меня:

— Кто это, который убилъ его?

— Вовсе онъ не убить,—отвѣчала я тихо и подвинулъ ей стаканъ съ водою.

Мани нетерпѣливо толкнула отъ себя стаканъ, такъ что вода далеко плеснулась черезъ края по столу, и сама встала съ кресла.

— Марья Ивановна!—сказалъ я, какъ умѣлъ мягче.

— Что?

— Послушайте меня, Марья Ивановна. Не идите сейчасъ домой; успокойтесь прежде хоть немножко.

Мани постояла еще съ минуту и опять спросила:

— Что такое? я не поняла.

— Хоть воды глотокъ выпейте.

— Оставьте, — отвѣчала она шопотомъ и нагнулась въ одну сторону, взявшись рукою за кресло.

Черезъ минуту она распрямилась, сама выпила весь стаканъ воды, протерлась со мной и сказала, что идетъ домой.

Со страхомъ и трепетомъ ждалъ я большой исторіи у Норковъ, но во всякомъ случаѣ не такой, какая совершилась.

Часу въ третьемъ ночи, только-что я успѣлъ заснуть самымъ крѣпкимъ сномъ, вдругъ слышу кто-то сильно толкаетъ меня и зоветъ по имени. Открываю глаза и вижу, что передо мною стоитъ, со свѣчою въ рукахъ, моя старуха.

— Сейчасъ надо,—проговорила она, сунувъ мнѣ подъ носъ маленькую записочку.

«Придите къ намъ сію минуту».

«Ида».

Это все, что было написано на поданномъ мнѣ крошечномъ клочкѣ бумажки.

Спрашиваю старуху:

— Кто принесъ эту записку?

Говорить, что:

— Принесла дѣвочка, сунула въ дверь и ушла, сказавъ, что ей некогда ждать отвѣта.

Я одѣлся въ одну минуту и побѣжалъ къ Норкамъ. Ночь стояла темная и бурная; хлесталъ мелкій дождь, перемежаемый съ снѣгомъ, и со стороны Гавани, черезъ Смоленское поле, доносились частые выстрѣлы сигнальной пушки. Несмотря на то, что разстояніе, которое я долженъ былъ перебѣжать, было очень не велико, я началъ сильно дрожать отъ нестерпимой сиверки и чичера. Подъѣздъ Норковъ, противъ обыкновенія, былъ отпертъ и въ магазинѣ на прилавкѣ горѣла свѣча въ большомъ мѣдномъ подсвѣчникѣ. Съ перваго шага за порогъ чувствовалось, что сюда пришло въ гости ужасное несчастье. Что-то феральное и неотразимое чудилось во всемъ: въ зажженныхъ и безъ всякаго смысла разставленныхъ свѣчахъ, въ сбитыхъ мебельныхъ чехлахъ, въ сухомъ и безтолковомъ хлопаньи дверей. Тревога такой обстановки сообщается ужасно быстро, и я почувствовать ее, какъ только вошелъ въ залу. Здѣсь на фортепьяно горѣла безъ всякой нужды другая свѣча и рядомъ съ нею ночная лампочка, а на диванѣ лежало что-то большое, престранное-странное, какъ будто мертвецъ, закрытый бѣлою простынею. Я подумалъ, что это оставлены на ночь шубы; но изъ-подъ одного края простыни выставились наружу двѣ ноги, обутыя въ бѣлые чулки и голубыя суконныя туфли. Простыня не шевелилась и не двигалась. Господи, что бы это такое значило? Дверь изъ залы въ комнату Софьи Карловны была открыта, и она сидѣла прямо противъ двери на большомъ голубомъ креслѣ, а сзади ея стоялъ Германъ Верманъ и держалъ хозяйку за голову, какъ будто ей приготовлялись дергать зубы. Въ ногахъ Софьи Карловны стояла на колѣняхъ кухарка и выжимала въ рукахъ мокрое полотенце. Увидѣвъ меня, madame Норкъ горько-прегорько заплакала и задергала головою въ кружкахъ ладоняхъ Германа.

— Что это у васъ такое? — спросилъ я, чуть слышно нагинаясь къ уху кухарки.

Софья Карловна еще отчаяннѣе воззрившись въ меня необыкновенно жалобнымъ взоромъ и часто залепетала:

— Циги-циги-циги.

Я взялъ ее за руку и пригнулся ухомъ къ ея лицу.

— Циги-циги-циги, — лепетала старуха, качая головою и заливаясь слезами. Языкъ ни за что ей не повиновался; она это чувствовала и жаловалась одиными слезами.

Въ коридорчикѣ, отдѣлявшемъ комнату Софьи Карловны отъ комнаты дѣвицъ, послышался легкій скрипъ двери и тихій, болѣзненный стонъ, въ которомъ я узналъ голосъ Мани, а вслѣдъ затѣмъ на порогъ торопливо появилась Ида Ивановна: она схватила меня мимоходомъ за руку и выдернула въ залу.

— Доктора?—спросилъ я, глядя ей въ лицо.

— Акушера,—прошептала она, крѣпко сдавивъ мою руку.

Софья Карловна во всѣ глаза глядѣла то на меня, то на Иду Ивановну и плакала; Верманъ попрежнему держалъ ее за голову, а бухарка обкладывала лобъ мокрымъ полотенцемъ.

— А бабушка?—шепнулъ я Идѣ, надѣвая брошенное на фортепьяно пальто.

Ида погрозила мнѣ пальцемъ и, приложивъ его къ своимъ губамъ, приподняла уголь простыни съ лежавшей на диванѣ кучи. Изъ-подъ этого угла выставилось блѣдно-синее лицо старухи.

— Умерла!

— И въ Машинной комнатѣ, — отвѣчала Ида. — И не забудьте,—продолжала дѣвушка: — что она *встала* съ своего кресла, что она, безногая, *пошла*, *прокляла* ее и умерла. Ахъ, что здѣсь дѣлается! что здѣсь дѣлается! Я не знаю, какъ я въ эту ночь не сошла съ ума.

Я не утерпѣлъ и сказалъ:

— Да вы, Ида Ивановна, крѣпитесь.

— Я крѣпка,—отвѣчала, вздрогнувъ, Ида:—о-о! не бойтесь, въ несчастіи всякій крѣпокъ.

Въ эту секунду изъ дальнихъ комнатъ опять донесли слабый стонъ, и Софья Карловна залепетала:

— Циги-циги-циги.

— Бѣгите! — крикнула Ида и сама бросилась изъ магазина.

Сбѣгая съ подъезда, я столкнулся съ Шульцемъ и его женою, но впопыхахъ мы даже не поклонились другъ другу. Я видѣлъ, что Шульцъ дрожалъ.

Одна Ида Ивановна сохранила при этихъ ужасныхъ обстоятельствахъ все присутствіе духа. Она распорядилась вытребовать меня прежде Шульца нарочно, чтобы меня, а не его и не кого-нибудь изъ прислуги послать за акушеромъ.

При всѣхъ стараніяхъ я едва только къ шестн часамъ

утра могъ привезть къ Норкамъ акушера, какого-то развинченнаго, сѣраго господина, который спросонья цѣлый часъ сморкался и укладывалъ свои варварскіе инструменты въ такой длинный замшевый мѣшокъ, что всѣ его руки входили туда по самыя плечи, какъ будто и ихъ тоже слѣдовало завязать тамъ вмѣстѣ съ инструментами.

— Вы, пожалуйста, по возможности старайтесь, чтобы семейство не замѣтило вашей специальности,—просилъ я этого барина, подвозя его къ дому Норковъ.

Акушеръ посмотрѣлъ на меня, высморкался и свернулъ свой мѣшокъ нѣсколько поаккуратнѣе.

Ида Ивановна встрѣтила насъ въ магазинѣ, пригласила врача-специалиста за собою, а мнѣ сказала:

— Идите пока домой.—Здѣсь никого не надо.

Въ отворенныя двери магазина, я видѣлъ, что бабушка уже лежала на столѣ.

Тяжелая полоса потянулась надъ бѣднымъ семействомъ Норковъ. Похороны бабушки отбывались, какъ бы потаймя, безъ всякаго шума и наскоро. Столбняковое состояніе Софьи Карловны окончилось въ минуту ея прощанія съ гробомъ матери: она разрыдалась и заговорила. Виновница всѣхъ этихъ бѣдъ, слабая Маня, хотя и разрышилась въ страшныхъ мукахъ мертвымъ, еще не сформировавшимся ребенкомъ, но оставалась въ положеніи самомъ неутѣшительномъ. Много дней кряду она провела въ постоянномъ забытѣ и безъ сознанія; къ этому присоединились другія явленія, заставлявшія всѣхъ безпрестанно ждать еще худшаго и опасаться то за Мянину жизнь, то за ея рассудокъ.

Въ домѣ Норковъ все шло тихо и уныло. Ни Софья Карловна, ни Ида Ивановна, ни мадамъ Шульцъ хотя и не надѣли по бабушкѣ перезовъ, чтобы не пугать ими Мани, но ходили въ черныхъ платьяхъ, значеніе которыхъ Манѣ не трудно было разгадать, если только эти платья когда-нибудь останавливали на себѣ ея вниманіе. Обо всемъ, что произошло, что, какъ нежданная туча, разразилось надъ этимъ семействомъ, никто никогда не заводилъ ни слова. Всѣ избѣгали самогнѣйшаго намека на то, что случилось, и жили по англійской пословицѣ, запрещающей въ домѣ повѣшеннаго говорить о веревкѣ.

Но тяжелая полоса, я говорю, еще тянулась. Находясь по своимъ дѣламъ въ Москвѣ, такъ черезъ мѣсяцъ, что ли,

послѣ описанной исторіи, я получилъ отъ Иды Ивановны письмо; въ которомъ она дѣлала мнѣ нѣкоторыя порученія и, между прочимъ, писала: «Семейныя несчастія наши не прекращаются; Маня въ самомъ печальномъ положеніи: у нея развивается меланхолія съ самыми странными принадлежностями. Какъ мы ни золотимъ себѣ эту новую пиллюлю, которую судьба заставляетъ насъ проглотить, но вся ея горечь все-таки наружи. Ясно, что это просто тихое сумасшествіе. Я хотѣла въ этомъ удостовѣриться и пригласила доктора N; онъ сказалъ, что я права. Онъ сказалъ, впрочемъ, что положеніе сестры не безнадежно, но что больную слѣдуетъ лѣчить скоро и внимательно, удаливъ ее прежде всего отъ всѣхъ лицъ и предметовъ, которые напоминаютъ ей прошлое. Нечего дѣлать, надо велѣть молчать сердцу и брать въ руки голову: я przygotowляю мать къ тому, чтобы она, для Маниной же пользы, согласилась позволить мнѣ помѣстить сестру въ частную лѣчебницу доктора для больныхъ душевными болѣзнями».

Еще позже, недѣли черезъ двѣ, Ида писала мнѣ: «Мы пятый день отвезли Маню къ N. Ей тамъ прекрасно: помѣщеніе у нея удобное, уходъ хоропій и содержаніе благо-разумное и отвѣчающее ея состоянію. Докторъ N надѣется, что она выздоровѣетъ очень скоро, и я тоже на это надѣюсь. Я видѣла ее вчера; она меня узнала; долго на меня смотрѣла, заплакала и спросила о маменькѣ, а потомъ сказала, что ей здѣсь хорошо и что ей хочется быть тутъ одной, пока она совсѣмъ выздоровѣетъ».

Маня долго, однако, проболѣла. Зима проходила, а она все еще оставалась въ лѣчебницѣ. Ида Ивановна одна навѣщала сестру два раза каждую недѣлю и привозила о ней домой самыя радостныя вѣсти. Мѣсяца за полтора до выхода Мани изъ заведенія, я одинъ разъ провожалъ Иду Ивановну и видѣлъ Маню. Она была очень блѣдна, и эта блѣдность еще болѣе увеличивалась отъ черной шелковой шапочки, которая была на ея обритой головкѣ; но въ общемъ Маня мнѣ показалась совершенно здоровою. Ея болѣзненная впечатлительность, дѣйствительно, замѣтно уменьшалась. Никогда я не видалъ ее болѣе спокойною, хотя Ида Ивановна рассказывала и самъ я замѣтилъ, что у нея зато явился свой новый пунктикъ, новое *вліяніе*. Маня всею душою привязалась къ доктору N. Насколько это чувство

можно было анализировать въ Манѣ, оно имѣло что-то очень много общаго съ отношеніями нѣкоторыхъ молодыхъ религіозныхъ и несчастныхъ въ семьѣ русскихъ женщинъ къ ихъ духовнымъ отцамъ; но, съ другой стороны, это было что-то и не то. Что-то строгое и равноправное заявлялось въ каждомъ обращеніи Мани къ N, но въ то же время все это выражалось съ безграничѣйшимъ довѣріемъ и теплѣйшей дружбой. Когда докторъ N позволялъ себѣ заговорить съ Манею о чемъ-нибудь въ нѣсколько наставительномъ тонѣ, Маня выслушивала его съ глубокимъ вниманіемъ и спокойствіемъ; но тотчасъ же, какъ только онъ произносилъ послѣднее слово, Маня откашливалась и начинала возражать ему, сохраняя свое всегданнее граціозное спокойствіе и тихую самостоятельность. Она писала дневникъ и всякій день давала его просматривать доктору. Этотъ дневникъ и служилъ у нихъ предметомъ разговоровъ, изъ которыхъ выходили ихъ временныя несогласія, но которыхъ, кромѣ ихъ двухъ, никто никогда не слышалъ.

Проходило лѣто; докторъ N давно говорилъ Манѣ, что она совершенно здорова и безъ всякой для себя опасности можетъ уѣхать домой. Маня не торопилась. Она отмалчивалась и все чего-то боялась, но, наконецъ, въ половинѣ сентября, вдругъ сама сказала сестрѣ, что она хочетъ оставить больницу.

Пятнадцатаго числа Ида Ивановна взяла карету и поѣхала за Маней. Въ домѣ давно все было приготовлено къ ея пріему. Ида Ивановна перешла въ комнату покойной бабушки, а ихъ бывшая комната была отдана одной Манѣ, чтобы ее ужъ ровно никто и ничѣмъ не обезпокоилъ. Положено было не надѣдать Манѣ никакимъ особеннымъ вниманіемъ и не стѣснять ее ничьимъ сообществомъ, кромѣ общества тѣхъ, которыхъ она сама пожелаетъ видѣть.

Возвратясь домой, Маня немножко спалакнула, поблагодарила мать за ея любовь и вниманіе и тихо заключилась въ свою комнатку. Съ тѣхъ поръ сюда не входилъ никто, кромѣ Иды, которая сообщала мнѣ иногда по секрету, что Маня до жалости грустна и все-таки по временамъ тяжело задумывается.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Въ эту самую пору, съ птичьимъ отлетомъ въ теплыя страны, изъ теплыхъ странъ совершенно неожиданно воз-

вратился Романъ Прокофичъ Истоминонъ. Онъ явился свѣтымъ, веселымъ, сияющимъ и невозмутимо-спокойнымъ. Было около девяти часовъ утра, когда онъ вошелъ ко мнѣ въ какомъ-то шегольскомъ шиджакѣ и съ легкимъ саквояжемъ изъ лакированной кожи. Онъ обнялъ меня, расцѣловалъ и попросилъ чаю. За чаемъ мы говорили обо всемъ, кромѣ Норковъ и загадочной дуэли. Истоминонъ ни о тѣхъ, ни о другой не заговаривалъ, а я не находилъ удобнымъ наводить его теперь на этотъ разговоръ. Такъ мы отпили чай, и Истоминонъ, переодѣвшись, отправился куда-то изъ дома.

Послѣ обѣда мы опять начали кое-о-чемъ перетолковывать.

— А что это вы ничего не расскажете о вашей дуэли? — спросилъ я Романа Прокофича.

— Есть про что говорить! — отвѣчалъ онъ, разматывая передъ зеркаломъ свой галстукъ.

— А мы тутъ совсѣмъ было васъ похоронили, особенно Фридрихъ Фридриховичъ.

— Ему о всемъ забота!

— А вы у Норковъ не были?

— Нѣтъ, не былъ.

— Вы знаете, что Маня-то выздоровѣла?

— Выздоровѣла! — скажите, пожалуйста! Вотъ слава Богу. Очень радъ, очень радъ, что она выздоровѣла. — Я часто о ней воспоминалъ. Прелестная дѣвочка!

— Еще бы! — смѣло можетъ сказать, что «я вся огонь и воздухъ, и предоставляю остальные стихии низшей жизни»!

— Да, да; все остальное низшей жизни! чудное, чудное дитя! Я бы очень желалъ на нее взглянуть. Перемѣнилась она?

— Очень.

— Отвѣла?

— Да, поотцвѣла.

— Странный народъ эти женщины! — какъ у нихъ это скоро. Я говорю, какъ онѣ скоро отцвѣтаютъ-то!

Истоминонъ прошелся раза два по комнатѣ и продекламировалъ: «да, какъ фарфоръ бранныя женскія особы».

— А что, какъ она?.. спокойна она? — спросилъ онъ, остановясь передо мною.

— Кажется, спокойна.

— Неужто-таки совсѣмъ спокойна?

— Говорять, и мнѣ тоже такъ кажется.

— Таки-вотъ совсѣмъ, *совсѣмъ спокойна?*

Я посмотрѣлъ на Истомина съ недоумѣніемъ и отвѣчалъ:

— Да, совсѣмъ спокойна.

Истоминъ заходилъ по комнатѣ еще скорѣе и потомъ сталъ тщательно надѣвать перчатки, напѣвалъ: «Гошъ, мои гречаники! гошъ, мои бѣлы!»

— Ну, а чортова Идища?

— Чтò такое?

— Не больна, не уязвлена страстью?

— Это, говорю, забавный и странный вопросъ, Романъ Прокофѣичъ.

— Забавно, быть-можетъ, а чтобы странно, то нѣтъ,—процѣдилъ онъ сквозь зубы и, уходя, снова зацѣлъ: «святой Оома, не вѣрю я...»

Опять Истоминъ показался мнѣ такимъ же художественнымъ шалопаемъ, какъ въ то время, когда пѣлъ, что «любить мечту не преступленье» и стрѣлялъ въ карту, поставленную на головѣ Яна.

Онъ возвратился ночью часу во второмъ необыкновенно веселый и легъ у меня на диванѣ, потому что его квартира еще не была приведена въ порядокъ.

— Ыли вы что-нибудь?—освѣдомился я, глядя какъ онъ укладывается.

— Ыль, пиль, гулялъ и жизнью наслаждался, и на сей разъ ничего отъ нея болѣе не требую, кромѣ вашего гостепріимнаго крова и дивана,—отвѣчалъ не въ мѣру развязно Романъ Прокофѣичъ.

«Шалопай ты былъ, шалопай и есть»,—подумалъ я, засыпая.

— Сдѣлайте милость, перемѣните вы эту ненавистную квартиру,—произнесъ за моимъ стуломъ голосъ Иды Ивановны, когда на другой день я сидѣлъ одинъ-одинешенекъ въ своей комнатѣ.

— Я ужъ забыла счетъ,—продолжала дѣвушка:—сколько разъ являюсь я сюда къ вамъ, и всегда по милости какого-нибудь самаго сквернаго обстоятельства, и всегда съ расстроенными чувствами.

— Чтò опять такое сдѣлалось?

— Истоминъ пріѣхалъ?

— Пріѣхалъ.

Ида Ивановна громко ударила ладонью по столу и проговорила:

— Я отгадала.

— Чтò же, спрашиваю,—далѣе?

— Маня не въ себѣ.

— Худо ей?

— Да я не знаю, худо это, или хорошо, только они видѣлись.

— Развѣ былъ у васъ Истоминъ?

— Тогда бы онъ былъ не Истоминъ. Онъ не былъ у насъ, но Маня, должно-быть, было что-нибудь передано, сказано, или ужъ я не знаю, чтò такое, но только она вчера первый разъ спросила про ту картину, которую онъ подарилъ ей; вытирала ее, переставляла съ мѣста на мѣсто и потомъ цѣлый послѣ-обѣдъ ходила по залѣ, а ночь не спала и теперь вотъ чтò: подайте ей Истомина! Сегодня встала, плачетъ, дрожитъ, становится на колѣни, говорить: «я не вытерплю, я опять съ ума сойду». — Скажите, Бога-ради, чтò мнѣ съ нею дѣлать? Вести его къ намъ... при матери и при Фрицѣ... вѣдь это — невозможно, невозможно.

Рѣшили на томъ, что я переговорю съ Истоминнымъ и постараюсь узнать, каковы будутъ на этотъ счетъ его намѣренія.

— Знаете чтò,—говорила мнѣ, прощаясь у двери, Ида:— первый разъ въ жизни, я начинаю человѣка ненавидѣть! Я бы очень, очень хотѣла сказать этому генію, что онъ... самый вредный человѣкъ, какого я знаю.

— И будетъ случай, что я ему это скажу, — добавила она, откинувъ своею рукою дверную задвижку.

— Маня Норкъ очень хочетъ повидаться съ вами,—передать я безъ обиняковъ за обѣдомъ Истомину.

— А! это съ ея стороны очень мило, только къ несчастію неудобно; а то бы я и самъ радъ ее видѣть.

— Отчего же,—говорю:—неудобно? — Пойдемте къ нимъ вечеромъ.

Истоминъ ѣлъ и ничего не отвѣтилъ.

— Вы не пойдете? — спросилъ я его, собираясь сумерками къ Норкамъ.

— Нѣтъ, не пойду, не пойду,—отвѣчала онъ торопливо и сухо.

— Напрасно,—говорю.

— Мой милый друг! не тратьте лучше словъ *напрасно*.

— Надо васъ послушаться,— отвѣтилъ ему я и пошелъ къ Норкамъ, размышляя, что за чушь такую я дѣлалъ, приглашая съ собою Истомина сегодня же.

Ида Ивановна выслушала мой рапортъ и пошла къ Манѣ, а, прощаясь, сунула мнѣ записочку для передачи Роману Прокофьичу, и сказала:

— Если онъ этого не сдѣлаеть, это ужъ будетъ просто безчеловѣчно! Маня просить его униженно, и если онъ не пойдетъ,—я не знаю, что онъ тогда такое. Приходите завтра вмѣстѣ въ пять часовъ—нашихъ никого не будетъ дома, потому что маманъ пойдетъ съ Шульцами въ Коломну.

Я вручилъ Истомину Манину записку. Онъ прочелъ ее и подалъ мнѣ.

«Милый!—писала Маня:—я не огорчу тебя никакимъ словомъ, приходи только ко мнѣ на одну минутку».

— Да; она очень хочетъ васъ видѣть и завтра вечеромъ у нихъ, кромѣ Иды Ивановны, никого не будетъ дома,—сказалъ я, возвращая Истомину Манину записку.

Онъ взялъ у меня ключокъ, мелко изорвалъ его и ничего не отвѣтилъ.

На другой день, ровно въ пять часовъ вечера, Истоминъ вошелъ ко мнѣ въ пальто и шляпѣ.

— Пойдемте!—сказалъ онъ съ сквернымъ выраженіемъ въ голосѣ, и лицо у него было злое, надменное, рѣшительное и тревожное.

Я всталъ, одѣлся, и мы вышли.

— Вы увѣрены, что, кромѣ дѣвушекъ, у нихъ никого нѣтъ дома?—спросилъ онъ меня, лѣниво сходя за мною съ лѣстницы.

— Я въ этомъ увѣренъ,—отвѣчалъ я и снова повторилъ ему слова Иды Ивановны.

Истоминъ позеленѣлъ и спряталъ руку за бортъ своего пальто. Мнѣ казалось, что, несмотря на теплый вечеръ, ему холодно и онъ дрожитъ.

Молча, не сказавъ другъ другу ни слова, дошли мы до квартиры Норковъ и позвонили.

— Смотрите, можетъ-быть, старуха дома?—проговорилъ за моимъ плечомъ какимъ-то упавшимъ голосомъ Истоминъ.

Я ничего не успѣлъ ему отвѣтить, потому что насъ встрѣтила Ида Ивановна.

Истоминъ поклонился ей молча, она тоже отвѣчала ему однимъ поклономъ.

— Подождите,—сказала она, введи насъ въ залу, я сама вышла.

Истоминъ подошелъ—было къ окну, но тотчасъ же снова отошелъ вглубь комнаты и сѣлъ, облокотясь на фортепьяно. Тревожно и съ замираніемъ сердца я ждалъ момента этого страннаго свиданія.

Минуты черезъ двѣ въ залу возвратилась Ида Ивановна.

— Потрудитесь идти за мною,—сказала она Истомину.

Онъ всталъ и смѣло пошелъ черезъ спальню Софьи Карловны въ комнату Мани.

Ида Ивановна пропустила его впередъ и, взявъ меня за руку, пошла слѣдомъ за Романомъ Прокофьевичемъ.

Идучи за Идой Ивановной, я чувствовалъ, что ея рука, которою она держала мою руку, была совершенно холодна. Я посмотрѣлъ ей въ глаза—они были спокойны, но какъ бы ждали откуда-то неминуемой бѣды и были на-стражѣ.

Истоминъ подошелъ къ двери Маниной комнаты и остановился. Дверь была отворена и позволяла видѣть всю внутренность покоя. Комната была въ своемъ обыкновенномъ порядкѣ: все въ ней было безукоризненно чисто, и заходившее солнце тепло освѣщало ее сквозь опущенныя бѣлыя шторы. Маня, въ бѣломъ пеньюарѣ, съ очень коротко остриженными волосами на головѣ, сидѣла на своей постели и смотрѣла себѣ на руки.

— Сестра!—тихо позвала Ида Ивановна.

Маня тихо подняла голову, прищурила свои глазки, взвизгнула и, не касаясь ногами пола, перелетѣла съ кровати на грудь Истомина.

Въ это же мгновеніе, Истоминъ рѣзко оттолкнулъ ее и, прыгнувъ на средину комнаты, тревожно оглянулся на дверь.

Отброшенная Маня держалась за голову и съ каждымъ дыханіемъ порывалась съ мѣста къ Истомину.

— Не отгоняй меня! не отгоняй!—вскрикнула она голосомъ, который обрывался на каждомъ словѣ, и съ протянутыми впередъ руками снова бросилась къ художнику.

Истоминъ однимъ прыжкомъ очутился на окошкѣ, открылъ раму и выскочилъ на желѣзную крышу кухоннаго крыльца.

Въ рукѣ его я замѣтилъ щегольскую оленью ручку дорогого охотничьяго ножа, который обыкновенно висѣлъ у него на коврѣ надъ постелью. Чуть только кровельные листы загремѣли подъ ногами художника, мимо оконъ пролетѣло большое полѣно и, ударившись о стѣну, завертѣлось на камняхъ.

Я выглянулъ въ окно и увидалъ на кухонномъ крыльцѣ Вермана. Истомина ужъ не было и помину. Соважъ стоялъ съ взъерошенными волосами и въ лѣвой рукѣ у него было другое полѣно.

— Я, это я,—говорилъ Соважъ, потрясая полѣномъ.

Маня тихо и молча перебирала ручками свои короткіе волосы.

Я рѣшительно не помню, чтѣ послѣ было и какъ я вышелъ. Я опомнился за воротами, столкнувшись лицомъ къ лицу съ Верманомъ. Соважъ стоялъ на улицѣ въ однихъ панталонахъ и толстой серпичковой рубашкѣ и страшно дымилъ гадчайшею сигарой.

— Германъ! зачѣмъ вы это сдѣлали?—спросилъ я его въ сильномъ волненіи.

— Да!—отвѣчалъ Соважъ:—да!.. бревномъ сакраманта... мерзавца... О, я его здѣсь подожду! я долго подожду, съ этой самой орудія!

Германъ кивнулъ головою назадъ и позволилъ мнѣ разглядѣть лежавшее у него за пятками полѣно.

— Другъ мой, это бесполезно.

— Я не другъ вашъ!—отвѣчалъ сердито Верманъ:—понимайте! Я не другъ того, у кого другъ такой портной.

— Какой портной, Верманъ?

— Какой? какой портной?—Какой безъ узла шьетъ— вотъ какой. Нѣтъ; ти, каналья, съ узломъ нитка шей! да, съ узломъ, съ узломъ, чортъ тебя съѣшь съ твоей шляпой и съ палкой!

Соважъ вдругъ поднялъ надъ головою лежавшее у него за каблуками полѣно и, заскрипѣвъ зубами, какъ-то не проговорилъ, а *прогавкалъ*:

— Портной безъ узла! я тебя... въ столбъ вобью!

Полѣно треснулось съ этимъ словомъ о тумбу, и одно и другая одновременно раскололись.

Соважъ стоялъ и ерошилъ свои волосы надъ разбитою тумбою. На улицѣ не было ни души.

Я долго смотрѣлъ на безмолвнаго Германа — и представьте себѣ, о чемъ размышлялъ я?—Маня, вся только-что разыгравшаяся сцена, все это улетѣло изъ моей головы, а я съ непостижимѣйшимъ спокойствіемъ вспомнилъ о томъ коренастомъ, малоросломъ германскомъ дикарѣ, который въ вѣнскомъ музеѣ стоитъ передъ долговизымъ римляниномъ, и мнѣ становилось понятно, какъ этотъ коренастый дикарь могъ побить и выгнать рослаго, въ шлемъ и латы закованнаго потомка Германика и Агриппины.

Это непостижимо, какимъ это образомъ въ такія страшныя, критическія минуты вдругъ иной разъ вздумается о томъ, о чемъ бы, кажется, нѣтъ никакой стати и думать въ подобныя минуты.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Возвратясь домой, я не пошелъ къ Истомину. Было ясно, изъ-за чего онъ разыгралъ всю эту гадкую исторію: ему вообразилось, что его женить на Манѣ, и все это свиданіе онъ счелъ за подготовленную сцену — за засаду. Досадно было, зачѣмъ же онъ шелъ на это свиданіе? чего же онъ хотѣлъ, чего еще добивался отъ Мани?

Въ одиннадцатомъ часу утра на другой день ко мнѣ является Шульцъ—блѣдный и оскорбленный.

— Здравствуйте,—говорить:—и одѣвайтесь—пойдемте къ Истомину.

— И что,—спрашиваю:—будеть?

— Будеть?—дуэль будетъ. Я убью его.

— Или онъ васъ.

— Или онъ меня.

— Зачѣмъ же вамъ я-то?

— А я хочу имѣть свидѣтеля при этомъ разговорѣ.

Мы вошли къ Истомину; онъ лежалъ на диванѣ, закинувъ руки за затылокъ и уложивъ ногу на ногу. При нашемъ приходѣ онъ прищурилъ глаза, но не приподнялся и не сказалъ ни слова.

— Господинъ Истоминъ!—началъ сухо Шульцъ:—я много ошибся въ васъ...

— Сдѣлайте милость со всѣмъ этимъ къ чорту!—вскрикнулъ, порвавшись съ дивана, Истоминъ.—Я терпѣть не могу присутствовать при составленіи обо мнѣ критическихъ приговоровъ. Мнѣ все равно, что обо мнѣ думаютъ.

— Да; это очень можетъ быть; говорятъ, что въ Россіи есть такіе люди, которымъ все равно, что о нихъ думаютъ; но я во всякомъ случаѣ увѣренъ, что вы честный человѣкъ, господинъ Истоминъ.

— А мнѣ доставляетъ большое удовольствіе замѣтить вамъ, что вы еще разъ ошибаетесь: я нечестный человѣкъ, господинъ Шульцъ.

Шульцъ немного сконфузился и спросилъ:

— Отчего?

Истоминъ разсмѣялся; онъ всталъ на ноги и, заложивъ руки въ карманы, отвѣчалъ:

— Оттого, господинъ Шульцъ, что я нѣсколько разъ хотѣлъ быть какъ слѣдуетъ честнымъ человѣкомъ, и мнѣ это никогда не удавалось — теперь охоты болѣе къ этому не имѣю. Еще оттого, господинъ Шульцъ, что не стѣитъ быть честнымъ человѣкомъ, и, наконецъ, оттого, г. Шульцъ, что быть честнымъ человѣкомъ, значить или быть дуракомъ, или походить на васъ, а я не хочу ни того, ни другого.

— Я, господинъ Истоминъ, хочу не замѣчать вашихъ невѣжливостей...—Шульцъ поперхнулся, сдвинулъ рукою горло и добавилъ:—Я удивляюсь только, господинъ Истоминъ, какъ вы можете быть такъ покойны.

— Значить, вы не большой мудрецъ, г. Шульцъ; большіе мудрецы ничему не удивлялись.

— Можетъ-быть... Простите, пожалуйста; я не для разговоровъ къ вамъ пришелъ... у меня горло сдавливаетъ, г. Истоминъ.

— Ага! сдавливаетъ — это хорошо, что сдавливаетъ; я слыхалъ, что съ приближеніемъ къ полюсамъ, всѣ собаки всегда перестаютъ лаять!

Шульцъ такъ и подпрыгнулъ.

— Лаять! — вскрикнулъ онъ: — лаять! Я лаю, господинъ Истоминъ; я лаю, да я молчкомъ не кусаюсь, да-съ; я вѣрная собака, господинъ Истоминъ; я не кусаюсь. Одинъ человѣкъ на свѣтѣ, котораго я захотѣлъ загрызть — это *вы*. Я вызываю васъ на дуэль, г. Истоминъ.

— Сдѣлайте милость! мнѣ давно хочется убить кого-нибудь, и я очень радъ, что это будетъ такой почтенный человѣкъ, какъ вы. Позвольте, вотъ одно короткое распоряженіе только сдѣлаю.

Истоминъ подошелъ къ столу и написалъ:

«Я застрѣлился оттого, что мнѣ надоѣло жить».

Онъ подаль эту записку мнѣ и сказалъ, не глядя мнѣ въ глаза:

— Это про всякій случай, если я подвернусь подъ негоціантскую пулю.

Съ этимъ вмѣстѣ Истоминъ досталъ изъ стола пару писто-летовъ и подаль ихъ оба на выборъ Шульцу.

— Извольте; я могу стрѣляться безъ секунданта, а мой квартира, надѣюсь, гораздо безопаснѣе парголовскаго лѣса.

Лицо у Истомина было злое и кровожадное.

— Я такъ же могу, — отвѣчалъ Шульцъ:— у меня жена, дѣти и состояніе: мои распоряженія нельзя сдѣлать въ одну минуту. Будемте стрѣляться послѣзавтра за Коломягами.

— Извольте, я могу подождать. — Янъ! подай пальто господину Шульцу, — крикнулъ громко Истоминъ, и снова повалился на диванъ и уткнулся лицомъ въ подушку.

Дузли, однако, не было—ее не допустила Ида Ивановна.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

— Господинъ Истоминъ! — сказала Ида, входя къ нему вечеромъ въ тотъ же день, когда произошло это объясненіе. — Я увѣрена, что вы меня не выгоните и не оскорбите.

Истоминъ вскочилъ съ дивана, вѣжливо поклонился ей и подаль стулъ.

— Вы, взамѣвъ того, можете быть спокойны, что я пришла къ вамъ не съ объясненіями. Никакія объясненія не нужны.

— Благодарю васъ, — отвѣчалъ Истоминъ.

— Прошедшему нѣтъ ни суда, ни порицанія. Если это была любовь — она не нуждается въ прощеніи; если это было увлеченіе — то... пусть и этому проститъ Богъ, давшій вамъ такую натуру. Вотъ вамъ моя рука, Истоминъ, въ знакъ полнаго прощенія вамъ всего отъ всей нашей семьи и... *отъ нея самой.*

Истоминъ взялъ и съ жаромъ поцѣловалъ протянутую ему руку Иды.

Дѣвушка тихо высвободила свою руку и отошла къ окну.

— Ида Ивановна! — сказалъ, подходя ближе къ ней, Истоминъ. — Столько презрѣнія къ себѣ, сколько чувствую я, повѣрьте, не испытывалъ ни одинъ человѣкъ.

— Радуюсь, узнавая, что вы способны осуждать себя.

Истоминъ остановился.

— Ида Ивановна, неужто вы, въ самомъ дѣлѣ, меня простили!

— Monsieur Истоминъ, если я сказала, что я пришла къ вамъ не за тѣмъ, чтобы вызывать васъ на объясненія, то я и не за тѣмъ пришла, чтобы шутить съ вами для своего удовольствія,—отвѣчала спокойно Ида.—Если вы въ этомъ сомнѣваетесь, то я бы желала знать, что такое именно вы считаете непростительнымъ изъ вашихъ поступковъ?

— Мое гадкое охлажденіе къ вашей сестрѣ, которая меня любила!

Ида пожала плечами и сказала:

— Ну, къ несчастію, не всякій человѣкъ умѣетъ не охлаждаться. — Вы виноваты въ другомъ: въ нашемъ недостойномъ вчерашнемъ подозрѣніи; но не будемъ лучше говорить объ этомъ. Я пришла не за тѣмъ, чтобы вынести отъ васъ въ моему сердцу вражду, а я тоже человѣкъ и... не трогайте этого лучше.

— Я все готовъ сдѣлать, чтобы заслужить ваше прощеніе.

— Все?.. а что это такое, напримѣръ, вы можете сдѣлать *все*, чтобы *заслужить* прощеніе въ такомъ поступкѣ?—спросила она, слегка покраснѣвъ, Истомина.*

— Я знаю, что мой поступокъ заслуживаетъ презрѣнія.

— Да! вѣчнаго презрѣнія!

— Да; презрѣнія, презрѣнія; но... я могу имѣть, наконецъ, добрыя намѣренія...

— Добрыя намѣренія! Можетъ-быть. Добрыми намѣреніями, говорятъ, весь адъ вымощенъ.

Истоминъ промолчалъ.

— Вы можете получить прощеніе, какъ милостыню, а не заслужить его!.. Видите, я говорила вамъ, чтобы вы меня не трогали.

— Говорите все; казните, какъ хотите.

— Это все равно, — продолжала, сдвигая строго брови, Ида: — мы васъ простили; а ваша казнь?.. она придетъ сама, когда вы вспомните вчерашнюю свою продѣлку.— Мой Боже! такъ оскорбить женщину, которая васъ такъ любила, и послѣ жить!.. Нѣтъ; сдѣлавши такое дѣло, я, женщина, я бѣ не жила пяти минутъ на свѣтѣ.

Истоминъ сильно терзался.

— Простите, не упрекайте вы меня: я хоть сейчас готовъ на ней жениться,—говорилъ онъ, ломая руки.

— Какая честь высокая! — сказала, презрительно кусая губы, Ида: — да вы спросите лучше: какая женщина за васъ пошла бы? Конечно, дурь и всякихъ низкихъ женщинъ много есть на свѣтѣ; но какъ же Маню-то вы смѣете равнять со всякой дрянью?.. Вы слушайте, Истоминъ! вы знайте, что я теперь бѣшусь, и я вамъ, можетъ-быть, скажу такое, что я вовсе не хотѣла вамъ сказать и чего вы, вѣрно, давно не слыхивали... Вы должны были оберечь мою сестру отъ увлеченій; да, оберечь, сестра любила васъ; она за васъ не собиралась *замужъ*, а такъ любила, сама не зная почему; вы увлекли ее... Богъ знаетъ для чего, на что? и теперь...

— И теперь она меня не любитъ больше? — произнесъ съ оскорбленіемъ и испугомъ Истоминъ.

— Гм! часъ отъ часа не легче... Какой вы жалкій человекъ, м-г Истоминъ! Утѣшу васъ: нѣтъ, *любитъ*. Радуйтесь и торжествуйте—*любитъ*. Но вы... Вотъ отгадайте-ка, что я хочу вамъ досказать?

— Что я любви не стою? это вѣрно?

— Совсѣмъ не то; къ несчастію, женщинамъ перебирать-то много некъмъ, м-г Истоминъ! Нѣтъ, вѣрно, стоите, пожалуй. Когда бы не было въ васъ ничего, что, на несчастье женщины, ей можетъ нравиться при нынѣшнемъ безлюдьи, такъ васъ бы этакъ не любили! но вы... да вы сами, подумайте, развѣ вы можете кого-нибудь любить? У васъ была худая мать, Истоминъ, худая мать; она дурно васъ воспитывала, дурно, дурно воспитывала!—докучила Ида и, чего бы, кажется, никакъ нельзя было отъ нея ожидать, она съ этимъ словомъ вдругъ сердито стукнула концомъ своего бѣлаго пальца въ красивый лобъ Романа Прокофьяча.

Художникъ не пошевелился.

— Вы правы; вы безконечно правы, — шептала онъ потерянно: — но вы повѣрьте... это все не такъ... вы судите по жалобамъ однимъ...

— Оставьте! перестаньте, *monsieur* Истоминъ, говорить такіе вздоры! Какія жалобы? Кто слышалъ эти жалобы отъ порядочной женщины? Куда? кому можетъ честная женщина жаловаться за оскорбленіе ея чувства?.. Для этихъ жалобъ земля еще слишкомъ тверда, а небо слишкомъ высоко.

Вышла минутная пауза. Ида покачала головою и, какъ будто что-то вспомнивъ, заговорила:

— А васъ любили въ самомъ дѣлѣ, и еще какъ преданно, какъ жарко васъ любили! Не Маня, можетъ-быть, одна, а и другія, серьезнѣе и опытнѣе Мани женщины въ своемъ пріятномъ заблужденіи васъ принимали за человѣка, съ которымъ женщины пріятно было бы идти объ руку...

Ида Ивановна на минуту остановилась; Истоминъ смотрѣлъ на нее, весь дужжа, мѣтя и волнуясь.

— Но этого не можетъ быть! — прошепталъ онъ послѣ новой паузы, отодвигаясь со страхомъ на шагъ далѣе отъ Иды.

— Чего?

— Того, что вы сказали.

— Отчего?—продолжала, спокойно глядя, дѣвушка.

— Нѣтъ; этого не можетъ быть!

Дѣвушка опять долго, безъ устали смотрѣла въ лицо художнику и, наконецъ, она его поняла и поблѣднѣла. Въ эту же терцію бѣлый червячокъ шевельнулся у нея надъ верхней губою.

— Что дѣлають изъ человѣка его дурныя страсти!—начала она, покачавъ головою. — И это вамъ не стыдно подумать то, что вы подумали! О, Боже мой! простая дѣвушка, которая ни разу никому не объяснялась въ чувствахъ, которая и говорить-то объ нихъ не умѣетъ, и безъ всякаго труда, безъ всякаго особаго старанія, въ какое она васъ ставитъ теперь положеніе? Что вы даете мнѣ читать по вашему лицу? Я такой страшной надписи никогда не читывала. Неужто вы подумали, что женщина, которая любила васъ окромѣ Мани,—я?.. И вы бы, Истоминъ, хотѣли этого? Возвысьтеся хоть разъ до правды передъ женщиной: вѣдь это правда?.. такъ?.. вы бѣ этого хотѣли?

Истоминъ не зналъ, что говорить и думать.

— Боже! Боже!.. ну, такъ ужъ далеко моя фантазія не ухидила!—продолжала, не выдержавъ, Ида.—Польщу вамъ лишнею побѣдой, и вы со всею вашей силой, со всѣмъ своимъ талантомъ громкимъ, какъ пудель, ляжете вотъ здѣсь къ моимъ ногамъ и поползете куда вамъ прикажу!.. И все изъ-за чего? изъ-за того, чтобы взойти въ паеосъ, потоки громкихъ фразъ пустить на сцену и обмануть еще одну своимъ минутнымъ увлеченіемъ... да?

— Не понимаю, зачѣмъ намъ говорить о томъ, чего не будетъ?

— О, да! о, да! мнѣ кажется, что этого не будетъ; вы это вѣрно угадали, — подхватила съ полной достоинства улыбкой Ида. — А вѣдь смотрите: я даже не красавица, Истоминонь, и что изъ васъ я сдѣлала?.. Смѣшно подумать, право, что я, я, Ида Норкъ, теперь для васъ, должно быть, первая красавица на свѣтѣ? что я сильнѣй всѣхъ этихъ умницъ и красавицъ, которыя сдѣлали васъ такимъ, какъ вы теперь... обезоруженнымъ, несчастнымъ человѣкомъ, рабомъ своихъ страстей.

— Спасибо вамъ за эти горькія слова! Я не забуду ихъ, — покорно отвѣчать художникъ, протягивая дѣвушка съ благодарностью обѣ руки.

Ида ему не подала ни одной своей руки и проговорила:

— Я не хотѣла васъ учить: вы сами напросились на урокъ. Запомните его; Богъ знаетъ, можетъ-быть, еще и пригодится.

— Ида Ивановна! честию клянусь вамъ, меня первый разъ въ жизни такъ унижаетъ женщина, и если бы эта женщина не была вы, я бы не снесъ этихъ оскорбленій.

— Гм!.. Что же такое, однако, я для васъ, въ самомъ дѣлѣ?—проговорила она, сдвигая брови и поднимая голову.

Ида измѣнила позу и сказала, вздохнувъ:

— Ну, однако, довольно, monsieur Истоминонь, этой комедіи. Униженій передъ собою я не желаю видѣть никакихъ, а вашихъ всѣхъ менѣе; взволнована же я, вѣроятно, не менѣе васъ. Въ двадцать четыре года выслушать, что я отъ васъ выслушала, да еще такъ внезапно, и потомъ въ ту пору, когда семейная рана пахнетъ горячей кровью, согласитесь, этого нельзя перенести безъ волненія. Я запишу этотъ день въ моей библии; замѣйте и вы его на томъ, что у васъ есть завѣтнаго.

Лицо Иды вдругъ выразило глубокое негодованіе; она сдѣлала одинъ шагъ ближе къ Истомину и, глядя ему прямо въ лицо, заговорила:

— Забыто все! и мать моя, и бабушка, и Маня, и нашъ позоръ семейный—все позабыто! Все *молодость*,—передразнила она его съ презрѣніемъ.—По-вашему, на всѣ гадости молодость право имѣеть. Ахъ, вы этакой молодой палачъ! Что мать моя?.. что ея за жизнь теперь?.. Вѣдь вы въ нашъ

тихий домъ взонли, какъ волкъ въ овчарнѣ, вы нашъ палачъ?—Вы молоды, здоровы и думаете, что старость—это ужъ... дрова гнилыя, соръ, такая дрянь, которая и сожалѣнія даже ужъ не стоить?.. Какая почтенная у васъ натура?—Скажите мнѣ... Вамъ никогда не говорила ваша мать, что тотъ проклять, чья молодость положить лишнюю морщину на лбу у старости?—Нѣтъ—не сказала?.. Говорите же, вѣдь не сказала?—О, да! пускай ее за это Господь проститъ, но я... я, женщина, и я скорѣе васъ прощу, а ей... хотѣла бы простить, да не могу: столько доброты нѣтъ въ моемъ сердцѣ.

Ида сложила на груди руки, быстро сѣла въ стоявшее возлѣ нея кресло, посмотрѣла минуту въ окно и, снова взглянувъ въ лицо Истомину, продолжала:

— Не знаю, да, клянусь вамъ, истинно не знаю, кого могли вы увлекать когда-нибудь?—Дѣтей, подобныхъ Манѣ, или такихъ, которыхъ нечего и увлекать... а я!.. Да, впрочемъ, вѣдь за что-жъ бы для меня вамъ сдѣлать исключенье?—Ну, да! скорѣй, скорѣй теперь, Истоминъ, на колѣни! Вы будете прекрасны, я не устою передъ этимъ, и мы двойнымъ, нигдѣ, мнѣ кажется, еще неслыханнымъ стыдомъ, покроемъ нашу семью. Старуха выдержать: она молиться будетъ и снесетъ; не то, не выдержать—стара, туда ей и дорога... Ну, что-жъ вы стали?—руку! давайте руку на позоръ!

Истоминъ молча пряталъ глаза въ темный уголъ; на лбу его были крупныя капли пота и волосы вснутались, точно его кто растрепалъ.

— Вамъ поздно думать о любви,—начала, медленно приподнимаясь съ кресла, Ида...—Мы васъ простили, но за вами, какъ Авелева тѣнь за Каиномъ, пойдетъ повсюду тѣнь моей сестры. Каждый цвѣтокъ, которымъ она невинно радовалась; птичка, за которой она при васъ слѣдила по небу глазами, само небо, подъ которымъ мы ее лелѣли для того, чтобы вы отняли ее у насъ—все это за нее заступится.

Истоминъ все слушалъ, все не двигался и не издавалъ ни звука.

— Я вамъ сказала минуту назадъ, что женщинамъ, къ несчастію, перебирать—то много некъмъ, а вѣдь любить... кому же съ живою душою не хотѣлось любить. Но, m-r Истоминъ, есть женщины, для которыхъ лучше отказаться

отъ малѣйшей крупицы счастья, чѣмъ связать себя съ нулемъ, да еще... съ нулемъ, нарисованнымъ въ квадратѣ. Я одна изъ такихъ женщинъ.

Истомивъ сверкнувъ глазами и тотчасъ же усмирѣлъ снова. Но Ида тѣмъ же самымъ тономъ продолжала:

— Молитесь лучше, чтобы вашей матери прощень былъ тяжкій грѣхъ, что вамъ она не вбила вонъ туда въ тотъ лобъ и въ сердце хоть пару добрыхъ правилъ, что не внушила вамъ, что женщина вамъ не игрушка; и вотъ за то теперь, когда вамъ тридцать лѣтъ—вамъ дѣвушка читаетъ наставленія! А вы еще ее благодарите, что васъ она, какъ мальчика, бранить и учить! и вы не смѣете въ лицо глядѣть ей, и самому себѣ теперь вы гадки и противны.

— Больнѣй, больнѣй меня казните, Бога-ради!

— Ахъ, какъ это противно, если бы вы знали! Вы, Бога-ради, бросьте всѣ эти фразы и эту, вовсе мнѣ не нужную покорность, — отозвалась нетерпѣливо Ида. — Какая казнь! На чтѣ она кому-нибудь?.. Я къ вамъ пришла совсѣмъ за другимъ дѣломъ, а не казнить васъ: отвѣтите мнѣ, если можете, искренно: жаль вамъ мою сестру или нѣтъ?

— Вы знаете впередъ, чтѣ я вамъ отвѣчу.

— Нѣтъ, не знаю. Я васъ спрашиваю поистинѣ, искренно... Я еще такихъ словъ отъ васъ не слыхала.

— Жаль.

— И способны вы хоть что-нибудь принести ей въ жертву?

— Все! мой Боже! все, чтѣ вы прикажете!

— Ни жизни и ни чести я у васъ не попрошу. Садитесь и пишите, чтѣ я вамъ буду говорить.

Это было сказано тихо, но съ такою неострашимой внушительностью, съ какою развѣ могло соперничать только одно приказаніе королевы Маргариты, когда она велѣла встрѣченному лѣсному бродягѣ беречь своего королевскаго сына.

Такихъ приказаній нельзя не слушаться безъ разбора, даетъ ли ихъ мѣщанка, или королева и, дабы властительная способность отдавать такіа приказанія не сдѣлалась банальной, природа отмѣчаетъ ея мѣщанокъ съ немѣншею строгостію, чѣмъ королевъ.

Истомивъ подошелъ къ столу и взялъ перо.

Ида стала у него за стуломъ и глядѣла черезъ плечо въ бумагу.

— Пишите, — начала она твердо: — «Милостивый государь, Фридрихъ Фридриховичъ!»

— Это къ Шульцу? — спросилъ Истоминъ, какъ смиренный ребенокъ, пораженный величиною урока, спрашиваетъ: «это всю страницу выучить?»

— «Милостивый государь, Фридрихъ Фридриховичъ!» — продолжала Ида.

Художникъ написалъ.

Дѣвушка продолжала даѣ:

— «Я искренно раскаиваюсь во всемъ, что дало вамъ поводъ вызвать меня на дуэль. Я считаю себя передъ вами виноватымъ и прошу у васъ прощенія»...

Истоминъ остановился и, не поднимая головы, закусилъ зубами перо.

— «И прошу у васъ прощенія», — повторила, постоявъ съ секунду, Ида.

— *И прошу у васъ прощенія!* — выговорила она, еще настойчивѣе и слегка толкнувъ Истомина концами пальцевъ въ плечо.

Художникъ вздохнулъ и четко написалъ: «прошу у васъ прощенія».

— «И даю мое честное слово, — продолжала, стоя въ томъ же положеніи, дѣвушка: — что мое присутствіе болѣе не нарушитъ спокойствія того лица, за которое вы благородно потребовали меня къ отвѣту: я завтра же уѣзжаю изъ Петербурга и надолго».

— Позвольте мнѣ послѣднее слово замѣнить другимъ?

— Какимъ?

— Я желаю написать: «навсегда».

— Напишите, — сказала, подумавъ, Ида, и когда Истоминъ подписалъ, какъ принято, свое письмо, она тихо насыпала золотистымъ пескомъ исписанный листокъ, тщательно согнула его ногтемъ и положила подъ корсажъ своего строгаго платья.

— Проводите меня до двери—я боюсь вашей собаки.

Истоминъ ударилъ ногою своего водолаза и пощель немного сзади Иды.

— Прощайте,—сказала она ему у двери.

Онъ ей молча поклонился.

— Послушайте! — позвала Ида снова, когда Истоминъ

только-что повернулъ за нею ключъ и еще не успѣлъ отойти отъ двери.

Художникъ отперъ.

— Въ несчастіи трудно владѣть собою и быть справедливымъ:—я много сегодня сказала вамъ,—начала, сдвинувъ брови, Ида. — Я недовольна этимъ; я васъ обидѣла болѣе, чѣмъ имѣла права.

Истоминъ опять отвѣчалъ молчаливымъ поклономъ.

— Да,—заклчила дѣвушка.—Я это чувствую, и я вернулась сказать вамъ, что и васъ мнѣ тоже жаль искренно.

Ида протянула Истомину руку.

— Прощайте,—добавила она тихо, отвѣтивъ на его пожатіе, и снова вышла за двери.

Романъ Прокофьичъ сдержалъ обѣщаніе, данное Идѣ: онъ уѣхалъ на другой же день, оставивъ всѣ свои дѣла въ совершенномъ безпорядкѣ. Недѣли черезъ три я получилъ отъ него вѣжливое письмо съ просьбою выслать ему нѣкоторыя его вещи въ Тифлисъ, а остальные продать и съ квартирою распорядиться по моему усмотрѣнію.

Въ своемъ письмѣ Истоминъ, между прочими строками дѣлового характера, лаконически извѣщалъ, что намѣренъ изучать природу Кавказа, а тамъ, можетъ-быть, проѣдетъ посмотрѣть на берега Сыръ-Дарьи.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Прошелъ годъ, другой — о Романѣ Прокофьичѣ не было ни слуха, ни духа. Ни о самомъ о немъ не приходило никакихъ извѣстій, ни работъ его не показывалось въ свѣтѣ, и великія ожиданія, которыя онъ когда-то посылалъ, рухнули и забылись, какъ забылись многія большія ожиданія, рано возбужденныя и рано убитыя многими подобными ему людьми. Норки жили попрежнему; Шульцъ тоже. Онъ очень долго носился съ извинительной запиской Истомина и даже держался слегка дуэлистомъ, но, наконецъ, и это надобно, и это забылось.

Маня Норкъ жила совсѣмъ невидная и неслышная; но черная тоска не переставала грызть ее. Мѣста, стѣны, люди—все видимо тяготило ее. Пользуясь своей безграничной свободой въ домѣ, она часто уходила ко мнѣ и про-сиживала у меня цѣлые дни, часто не сказавъ мнѣ ни одного слова. Иногда, впрочемъ, мы бесѣдовали, даже ва-

рили себѣ шоколадъ и даже смѣивались, но никогда не говорили о прошломъ. Чего ждала она и чего ей сколько-нибудь хотѣлось отъ жизни—она никогда не высказывала. Разъ только помню, когда, въ какомъ-то разговорѣ, я спросилъ ее, какая доля, по ея мнѣнію, самая лучшая?—она отвѣчала, что доля пушкинской Татьяны.

— А почему?—спросилъ я.

— До потому, что для бѣдной Тани всѣ были жребіи равны,—отвѣчала Маничка.

Такъ это все и жилось тихо. Во все это время насъ тревожило немножко только одно газетное извѣстіе о какой-то битвѣ русскихъ съ черкесами въ ущельяхъ Дарьяла. Романическая была исторія! Писали, какая была ночь, какъ вечеръ быстро смѣнялся тьмою, какъ осторожно наши шли обрывомъ взорванной скалы, какъ сшиблись въ свалкѣ и крикнулъ женскій голосъ въ толпѣ чеченцевъ; что на этотъ голосъ изъ-за нашихъ рядовъ вынесся находившійся въ экспедиціи художникъ И., что онъ рубилъ своихъ за ба-сурманку, съ которой былъ знакомъ и считался кунакомъ ея брату, и что храбрѣйшій офицеръ, какой-то N или Z, ему въ лицо стрѣлялъ въ упоръ, и если не убилъ его, такъ какъ пистолетъ случайно былъ лишь съ холостымъ зарядомъ, то вѣрно ослѣпилъ. «Измѣнникъ обнялъ дѣвушку и вмѣстѣ съ ней скатился въ бездну», было написано въ газетѣ.

Всѣ мы были увѣрены, что это дѣянія Истомина, и тщательно скрывали это отъ Мани. Такъ это, наконецъ, и произошло. Маня попрежнему жила очень тихо и словно ни о чемъ не заботилась; словно она все свое совершила и теперь ей все равно; и вдругъ, такъ мѣсяца за полтора передъ лондонской всемірной выставкой, она совершенно неожиданно говорить мнѣ:

— А знаете, я съ Фридрихомъ Фридриховичемъ поѣду за границу.

Смотрю, и въ самомъ дѣлѣ у Норковъ идутъ сборы — снаряжаютъ Маню за границу.

— Чего это ѣдетъ Маня?—спросилъ я разъ Иду.

— А отчего-жъ,—отвѣчаетъ,—ей и не ѣхать?

Старуха-мать ходитъ съ наплаканными глазами, но тоже собираетъ Маню бодро.

— А вы, — спрашиваю Маню, — какъ ѣдете: — радуетесь или нѣтъ?

— Миѣ все равно, — отвѣтила Маня спокойно и равнодушно.

Ида знала пружины, выдвигавшія Маню изъ Россіи за границу, но молчала какъ рыба, и только когда Маня сѣла въ вагонъ, а Фридрихъ Фридриховичъ съ дорожною сумкою черезъ плечо цѣловаль руку плачущей старухи Норкъ, Ида Ивановна посмотрѣла на него долгимъ, внимательнымъ взглядомъ и, закусивъ губы, съ злостью постучала кулакомъ по своей ладони.

Черезъ три мѣсяца Шульцъ писалъ изъ одного маленькаго шверинскаго городка, что Маня выходитъ замужъ за одного машиннаго фабриканта родомъ изъ Сарепты, но имѣющаго въ мѣстечкѣ Плау свою наслѣдственную фабрику. Маня тоже писала объ этомъ матери и сестрѣ и просила у старухи благословенія.

— Вотъ нашъ милый Фрицынька какія штучки устраиваетъ!— сказала съ ироніей Ида, сообщивъ миѣ извѣстіе о Маниномъ замужествѣ.— Смылъ семейное пятно съ громкаго имени Норковъ.

— Вы, Ида Ивановна, противъ этого замужества?

— Я ни противъ чего; но, помилуйте, что-жъ это можетъ быть за замужество, да еще для такой восторженной и чуткой женщины, какъ Маня? И представьте себѣ, что еще когда онъ только заговаривалъ, чтобы повезть ее *по-развлечья*, я тогда очень хорошо предвидѣла и знала все, чѣмъ это окончится.

— Чего-жъ вы ей объ этомъ не сказали?

— Я говорила ей—она отвѣтила: «миѣ все равно»—и только.

— Дай Богъ одно теперь,—сказалъ я:—чтобъ это, по крайней мѣрѣ, было что-нибудь похожее на человѣка.

— На ангела, на ангела, а не на человѣка!—перебила Ида.—Человѣка мало, чтобы спасти ее. Ангель! Ангель!—продолжала она, качая головою:—слети же, въ самомъ дѣлѣ, разъ еще на землю; вселися въ душу мужа, съ которымъ связана жена, достойная любви, безъ силъ любить его любовью, и покажи, что можетъ сдѣлать этотъ бѣдный человѣкъ, когда въ его душѣ живутъ не демоны страстей, а ты, святой посланникъ неба?

Фридрихъ Шульцъ возвратился совѣмъ отцомъ и покровителемъ. Маня, по его миѣнію, была пристроена прекрасно

и сама она два или три раза писала мнѣ и Идѣ Ивановнѣ, что ей хорошо. «Одно только,—добавляла она въ послѣднемъ письмѣ:—тяжкія бываютъ минуты тоски, хочется куда-то бѣжать, куда-то броситься, и все представляется, будто я еще сдѣлаю что-то ужасное».

Въ семьѣ Норковъ такъ всѣ чего-то и ожидали: ни Ида матери, ни мать Идѣ не говорили другъ другу ни про какія опасенія; но стоило только кому-нибудь при нихъ невзначай произнестъ слово: *новость*, какъ обѣ эти женщины блѣднѣли и окаменѣвали.

Софья Карловна старѣлась не по днямъ, а по часамъ и даже часто совсѣмъ теряла память.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Переносимся на короткое время далеко въ Германію, въ Сѣверный Шверингъ.

Маленькое мѣстечко Плау, расположенное при небольшомъ Плаускомъ озерцѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Доберана, все на праздничной ногѣ. Изъ высокой дымовой трубы на фабрикѣ изобрѣтателя качающихся паровыхъ цилиндровъ, доктора Альбана, уже третій день не вылетаетъ ни одной струи дыма; пронзительный фабричный свистокъ не раздастся въ покрытыхъ снѣгомъ поляхъ; на дворѣ сумерки; густая, сѣрая луна изъ-за горы поднимается тускло; деревья индифѣютъ. Вездѣ тихо-тихохонько: только въ полумракѣ на синемъ льду озера катается на конькахъ нѣсколько прозябшихъ мальчиковъ; на улицѣ играютъ и вертятся на спинахъ двѣ собаки; но Плау не спитъ и не скучаетъ; въ окошкахъ его чистенькихъ красныхъ домиковъ вездѣ горятъ веселые огоньки и суетливо бѣгаютъ мелкія тѣни; нѣсколько тѣней ченутся передъ маленькими гамбургскими зеркальцами; двѣ тѣни шнуруютъ на себѣ корсеты, одна даже пудритъ себѣ шею. Все это прекрасно видно съ улицы, на которой играютъ двѣ собаки, но собаки не обращаютъ на это никакого вниманія и продолжаютъ вертѣться въ мягкомъ снѣжку. Сегодня вечеромъ все Плау намѣрено танцовать у преемника Альбана, доктора Риперта. Каждый годъ докторъ Рипертъ даетъ своимъ сосѣдямъ очень веселый вечеръ на третій день Рождества Христова, и у него въ этотъ день обыкновенно бываетъ все Плау; но нынче дѣло не ограничится одними плаузецами. Нынче

у Риперта будетъ на вечерѣ Беръ—человѣкъ, который пѣ-
лый вѣкъ сидитъ дома, самъ дѣлаетъ сбрую на своихъ ло-
шадей; ложится спать въ девять часовъ непременно и, къ
довершенію всѣхъ своихъ чудачествъ, женился на русской,
которая, однако, заболѣла, захирѣла и, говорятъ, непре-
мѣнно скоро умретъ съ тоски. Это очень романическая пара:
одни говорятъ, что Беръ увезъ свою жену; другіе расска-
зываютъ, что онъ купилъ ее. «Гдѣ же купить?—Помилуйте,
гдѣ же въ нашъ вѣкъ въ Европѣ продаются на рынкахъ
женщины?» Этакъ говорили скептики, но какъ скептиковъ
даже и въ Германіи меньше, чѣмъ легковѣрныхъ, то легко-
вѣрные ихъ перекричали и рѣшили на томъ, что «а вотъ
же купилъ!» Но это ужъ были старые споры; теперь гово-
рилось только о томъ, что эта жена умираетъ у Бера, въ
его волчьей норѣ, и что онъ, наконецъ, рѣшился вывезти
ее, дать ей вздохнуть другимъ воздухомъ, показать ее
людямъ. По правдѣ сказать, все Плау-таки ужъ давно
скандализировано тѣмъ, что Беръ никому не покажетъ своей
жены. Многіе считали это сначала просто пренебреженіемъ,
и успокоились только, когда распространился слухъ, что
Беръ сектантъ, герингутерь, пуританинъ и даже ханжа, но
тѣмъ интереснѣе, что этотъ пуританинъ сегодня явится въ
обществѣ, да еще вдобавокъ съ своей русской женою. А
что они сегодня явятся, въ этомъ не было никакого сомнѣ-
нія, потому что madame Рипертъ сама объявила объ этомъ
дочерямъ кузнеца Шмидта и столяра Тишлера, и совѣто-
вала имъ пріодѣться. Весь вопросъ теперь могъ заклю-
чаться только въ томъ, будетъ ли сектантъ Беръ играть
въ карты, и позволить ли онъ танцовать своей женѣ. Всѣ,
впрочемъ, довольно единогласно рѣшали, что играть въ
карты онъ, можетъ-быть, и станетъ, но танцовать своей
женѣ ужъ навѣрно не позволить.

— Я, мама, ни за что не пошла бы замужъ за герингу-
тера,—говорила матери одна изъ дочерей Тишлера.

— И я тоже,—подкрѣпила другая.

Съ этими словами онѣ вошли на высокое каменное
крыльцо фабриканта.

То же самое говорили черезъ нѣсколько минутъ, всходя
на это крыльцо, дочери Шмидта.

Самъ Рипертъ, встрѣчая гостей въ углу своей залы и
подавая имъ толстую руку съ огромнымъ перстнемъ на

большомъ пальцѣ, тоже выразился кому-то о геригутерѣ очень неблагопріятно.

Тѣмъ не менѣе, конечно, при каждомъ шумѣ въ сѣняхъ, всѣ съ любопытствомъ взглядывали на двери.

Изчужа можно было предполагать, что сюда на этотъ вечеръ ожидаютъ прибытія Кармакдоуля, или Рауля Синей-Бороды.

Наконецъ они пріѣхали. Это была поистинѣ очень торжественная минута. Они пріѣхали на какихъ-то оригинальныхъ саяхъ, запряженныхъ парюю очень хорошихъ лошадей, но безъ кучера. За ними пріѣжала огромная лохматая собака, которую Беръ назвалъ Рапд, и велѣлъ ей лечь въ сани. Собака въ ту же секунду вспрыгнула въ сани, свернулась кольцомъ и легла на указанное ей мѣсто. Беръ вынулъ изъ кармана шубы тонкій ременный чембуръ и собственноручно привязалъ своихъ лошадей къ столбу. Конюхъ Риперта предложилъ-было Беру свои услуги побережь его лошадей, но тотъ коротко отвѣчалъ: «не надо». Всѣ, которымъ послѣ захотѣлось поближе полюбоваться заинтересившей парюю прекрасныхъ коней Бера, согласились, что бережь ихъ, дѣйствительно, было *не надо*. Каждому человѣку, подходившему къ лошадямъ ближе пяти шаговъ, Рапд давалъ самый энергическій знакъ удалиться. Покрытый морозною пылью, лохматый песъ былъ такъ же немногорѣчивъ, какъ его хозяинъ; онъ не рычалъ при приближеніи человѣка, а молча вскакивалъ во весь свой ростъ въ саяхъ, становился передними лапами на край и выжидалъ перваго движенія подходившаго, чтобы броситься ему на грудь и перекусить горло.

Слесарный подмастерье, который, бывши одинъ разъ въ Лейпцигѣ, купилъ себѣ тамъ на ярмаркѣ иллюстрированный экземпляръ «Парижскихъ тайнъ» и зналъ эту книгу какъ свои пять пальцевъ, увѣрялъ, что точно такая собака была у Дагобера.

— Можетъ-быть, это она и есть?—заподозрилъ Рипертовъ конюхъ.

— Я много не прозакладую, что это не она,—отвѣчалъ слесарный ученикъ.

Все дышало какою-то таинственностью около саней страннаго гостя: словно все это прилетѣло изъ какого-то другаго міра. Лошади сильныя, крѣпкія какъ львы, вороныя и всѣ

покрытыя серебряною пылью инея, насаѣвшаго на ихъ потную шерсть, стоятъ тихо какъ вкопанныя; только сѣдя, заиндѣвшія гривы ихъ топорщатся на морозѣ и изъ ноздрей у нихъ вылетаютъ четыре дымныя трубы, широко расходящіяся и исчезающія высоко въ тихомъ, морозномъ воздухѣ; сани съ непомято высокимъ переднимъ щиткомъ похожи на адскую колесницу; странный пѣсъ напоминаетъ Цербера: когда онъ встаетъ, луна бросаетъ на него тѣнь такъ странно, что у него вдругъ являются три головы: одна смотритъ на поле, съ котораго пріѣхали всѣ эти странныя существа, другая—на лошадей, а третья—на тѣхъ, кто на нее смотритъ.

— Я бы, однако, далъ довольно дорого, чтобы посмотреть на самого этого гостя,—проговорилъ слесарный ученикъ, который, впрочемъ, потому и былъ такъ щедръ, что никому не могъ ничего дать.

— Это можно сдѣлать очень просто,—отвѣчалъ безкорыстный конюхъ:—ты становись мнѣ на плеча, смотри въ окно и хорошенько мнѣ все рассказывай.

Они такъ и сдѣлали: конюхъ сталъ, опершись руками въ стѣну, а слесарный ученикъ взмогся ему на плечи, но морозъ очень густо разрисовалъ окна своими узорами, и слесарный ученикъ увидѣлъ на стеклахъ только однѣ сѣдыя полосы, расходящіяся рогами.

— Я тебѣ скажу,—говорилъ съ конюховыхъ плечъ слесарный ученикъ:—что я вижу что-то странное: я вижу какъ будто огонь и какіе-то ледяные рога...

И онъ не договорилъ, что онъ видѣлъ, еще болѣе потому, что въ это время стоявшаго противъ дверей конюха кто-то ужасно сильно толкнулъ кулакомъ въ брюхо и откинулъ его отъ стѣны на цѣлую сажень. Слесарный ученикъ отлетѣлъ еще далѣе и вдобавокъ чрезвычайно несчастливо воткнулся головою въ кучу снѣга, которую онъ самъ же и собралъ, чтобы слѣпить здѣсь бѣлаго великана, у котораго въ пустой головѣ будетъ горѣть фонарь, когда станутъ расходиться по домамъ гости.

Всѣ эти обстоятельства чрезвычайно странно вязались съ какою-то святочной чертовщиной, потому что когда слесарный ученикъ и конюхъ встали, у нихъ у обоихъ звенѣло въ ушахъ, и они оба были поражены самымъ неожиданнымъ зрѣлищемъ: по бѣлому, ярко освѣщенному луною

полю дѣйствительно несся чортъ. Онъ скакалъ на той самой парѣ серебряныхъ лошадей, извергавшихъ изъ ноздрей цѣлые клубы дыма; у самого чорта лежало что-то бѣлое на колѣняхъ, а сзади его, трепля во всю мочь лохматыми ушами, неслась Дагоберова собака. И когда этотъ адскій поѣздъ быстро выѣхалъ въ мелкій перелѣсокъ, что начинался тотчасъ за полемъ, то и чортъ, и собака разомъ закричали что-то неимоверно страшное. На этомъ разстояніи и слесарному ученику, и конюху стало видно, что паръ, которымъ дышали лошади, болѣе не поднимался вверхъ расходящимися трубами, а ложился конямъ на спины, и у нихъ на спинахъ выросли громадныя крылья, на которыхъ они, чортъ ихъ знаетъ куда и дѣлись, вмѣстѣ съ саними, собакой и хозяиномъ.

— Я никогда въ жизнь мою не ожидала такого скандала,—говорила, возвращаясь домой, кузнечиха Шмидтъ столярихѣ Тишлерѣ.

— И я тоже,—отвѣчала Тишлерѣ.

Старшая дѣвица Шмидтъ хотѣла-было блеснуть образованностью и выговорила «et moi aussi», но мать ее тотчасъ остановила и сказала:

— Я полагаю, что ты еще, слава Богу, не русская барышня, чтобы не умѣть говорить на своемъ языкѣ.

Мѣстечко было до того взволновано этимъ событіемъ, что нѣсколько человекъ тотчасъ же отправились къ старому кузнецу Шмидту, разбудили его и заставили ударить три раза молотомъ по пустой наковальнѣ, и только тогда успокоились, когда онъ это исполнилъ, такъ какъ извѣстно, что эти три удара совершенно прочно заклепываютъ цѣпь сорвавшагося чорта сѣверо-германскихъ прибрежій.

А вотъ въ чемъ, въ самомъ дѣлѣ, состояло происшествіе: все это надѣлала русская барышня.

Madame Шмидтъ такъ рассказывала дома эту исторію мужнину молотобойцу, которому она имѣла привычку приносить ужинъ въ особую каморку, когда уже все ея честное семейство засыпало, или мнилось заснувшимъ.

— Они вошли,—говорила madame Шмидтъ.—Онъ такой, какъ этотъ чортъ, который нарисованъ въ Кѣльнѣ. Ты, можеть-быть, не видалъ его, но это все равно: онъ маленькій, голова огромная, но волосы всѣ вверхъ. Я полагаю, что онъ непременно долженъ ѣсть сырое мясо, потому что

у него глаза совершенно красные, какъ у пьянаго француза. Фи, я терпѣть не могу французовъ.

Молотобоецъ сдѣлать «гм!» такъ, какъ будто онъ въ этомъ сомнѣвался, и залилъ свое сомнѣніе новою кружкой пива.

— А Робертъ Вейсъ, который долженъ быть играть на фортепяно, ушелъ къ совѣтнику... и онъ былъ пьянъ къ тому же! Да! я и забыла тебѣ сказать, что съ нимъ прѣѣхала его жена. Она изъ Россіи. Она очень недурна, но я думаю, что она глупа, и послѣ я въ этомъ еще больше убѣдилась. У нея, во-первыхъ, нѣтъ роста: она совершенно карманная женщина. Я думаю, это вовсе не должно нравиться мужчинамъ. Хотя у мужчинъ бываютъ и очень дикіе вкусы, но большой ростъ все-таки очень важное дѣло.

Madame Шмидтъ была очень большого роста.

Молотобоецъ опять только промычалъ: «гм!»

— Да; я увѣрена, что это не можетъ нравиться, — продолжала madame Шмидтъ. — Это, конечно, строго соображая, не ея вина, и я ее за это строго не осуждаю, но все-таки такая женщина не можетъ дѣйствовать на человѣка.

Молотобоецъ опять промычалъ: «гм!»

— Да все это еще простительно, если смотрѣть на вещи снисходительнымъ глазомъ: она вѣдь могла быть богата, а Беръ, говорятъ, слишкомъ жаденъ и самъ своихъ лошадей кормить. Я этому вѣрю, потому что на свѣтѣ есть всякіе скареды. Но Вейса не было, а онъ долженъ былъ играть на фортепяно. Позвали этого русскаго Ивана, что дѣлать формы, и тутъ-то началась потѣха. Ты знаешь, какъ онъ страшень? Онъ вѣдь очень страшень, ну, и потому ему надѣли на глаза зеленый зонтикъ. Все равно, онъ такъ распорядился, что ему глаза теперь почти не нужны.

— Пенужны, — произнесъ молотобоецъ.

— Онъ сѣлъ за фортепяно съ зонтикомъ. Но онъ ужасно сбивалъ всѣхъ съ такта. Я никогда не слыхала, чтобы хотя одинъ музыкантъ игралъ такъ дурно. Это, конечно, очень понятно, потому что у него почти все равно, что нѣтъ глазъ, но дѣвицы были этимъ очень недовольны, всѣ молодые люди хотѣли его выслать... Штромъ сказалъ: я дамъ одинъ пять талеровъ тому, кто намъ сыграетъ хорошо хоть два вальса. А она... нужно тебѣ сказать, что она не танцевала, она сѣла за фортепяно и сыграла пять вальсовъ. Я не могу сказать, чтобы она играла хуже madame

Рипертъ. Но ты себѣ представь, что она зато сдѣлала! Ей, конечно, никто не смѣлъ заплатить пять талеровъ; но она сама взяла его шляпу и пошла у всѣхъ собирать для него деньги! Со мною, разумѣется, не было ничего, ни одного зильбергроша, потому что я шла, вѣдь, надѣюсь, въ семейный домъ, а не на складчину. Но мужчины наклали ей очень много денегъ. Ея мужъ положилъ десять талеровъ, а Рипертъ, ты знаешь, какой онъ пустой человѣкъ: онъ изъ тшеславія положилъ двѣнадцать. Это, я говорю, не правда ли, такъ очень бы хорошо играть, за такую цѣну? — Это и ты бы, я думаю, радъ былъ играть, если бы умѣлъ.

— Да, если бѣ умѣлъ, — отвѣчалъ молотобоецъ.

— Вотъ тутъ зато и вышла цѣлая исторія. Да; я ужасно жалѣла, что я взяла туда съ собою моихъ дочерей. Тутъ онъ снялъ свой зонтикъ; она закричала: «ахъ!» онъ закричалъ: «ахъ!» онъ затрясся и задрожалъ: она упала, а этотъ ея звѣрь, этотъ проклятый гернгутерь-то, взялъ ее въ охапку, выбѣжалъ съ нею на дворъ и уѣхалъ. Каково, я тебя спрашиваю, это перенести madame Рипертъ? — Согласенъ ли ты, что вѣдь это можно назвать происшествіемъ?

Молотобоецъ отвѣчалъ, что онъ съ этимъ согласенъ.

Madame Рипертъ это, дѣйствительно, не могло понравиться, тѣмъ болѣе, что черезъ три дня послѣ этого она имѣла удовольствіе прочитать всю эту исторію въ игривомъ фельетонѣ трехгрошовой доберанской газеты. Да и скажите, пожалуйста, что здѣсь такого, что могло бы понравиться-то уважающей себя женщинѣ?

Вотъ другое бы дѣло, если бы въ доберанской газетѣ напечатали другую исторію, которая случилась гораздо послѣ; но про эту исторію доберанская газета рѣшительно не могла узнать ничего, потому что исторія эта разыгралась въ очень темномъ яру и съ такою скромностью, съ которою обыкновенно совершаются, дѣйствительно, любопытныя исторіи. Въ этомъ узкомъ темномъ яру, заваленномъ тучами бѣлаго снѣга, стояло странное красное зданіе: это были двѣ круглыя, красныя башни, соединенныя узкимъ корпусомъ, внизу котораго помѣщались кузня и точильня, а вверху жиле въ пять высокихъ готическихъ оконъ. Зданіе это въ Плау называли «норою Бера».

У этого страннаго зданія, въ темномъ яру, куда никогда не западалъ блѣдный лучъ мѣсяца, остановилась пара по-

серебряныхъ лошадей, ускакавшихъ на третій день Рождества изъ Плау.

Изъ саней тогда вышелъ тотъ же приземистый Кармакдойль и вынесъ на рукахъ молодую женщину, которую онъ всю дорогу согрѣвалъ въ своей шубѣ. Онъ внесъ ее въ длинную комнату, занимавшую половину коридора, который соединялъ двѣ башни; свистнулъ своей собагѣ, повернулъ въ дверяхъ ключъ и вышелъ.

Въ этомъ, конечно, нѣтъ еще никакой исторіи. Исторія началась собственно на другой день, или на другую ночь, а разыгралась еще гораздо позже.

На слѣдующую ночь, въ лѣвой башнѣ, подъ которой приходилась конюшня, гдѣ стояла пара лошадей, изумлявшихъ своею силой и крѣпостью плаузскаго Ринертова конюшаго, въ круглой, красной комнатѣ горѣлъ яркій-пре-яркій огонь. Этотъ огонь пылалъ въ простомъ кирпичномъ каминѣ, куда сразу была завалена цѣлая куча колючаго, сухого вереска.

Передъ каминомъ, въ углу, на старомъ креслѣ, обитомъ зеленымъ сафьяномъ, помѣщался Беръ, одѣтый въ толстыя лосиные штаны и желтую, стеганную нанковую куртку. У ногъ его, на шкурѣ дикой козы, лежалъ, протянувъ морду къ камину, Рапд.

Если бы я искалъ случая *подражать*, въ чемъ меня такъ любезно упрекають добрые друзья мои, то я могъ бы списать здѣсь цѣлую картину у Вальтеръ-Скотта, и она пришла бы сюда какъ нельзя болѣе кстати. На дворѣ была морозная ночь; полная луна ярко свѣтила на полѣ и серебрила окраины яра, но не заходила въ ущелье, гдѣ было бы темно совѣзмъ, какъ въ преисподней, если бы изъ кузнечнаго горна, передъ которымъ правили насѣвки, не сыпались красныя искры, да не падалъ красный пукъ свѣта изъ окна хозяйской круглой комнаты. Въ дальнемъ углу оврага были въ переключку два волка, вторя другъ другу раздирающимъ унисонѣмъ.

Беръ сидѣлъ въ своей комнатѣ одинъ, съ своей лохматой собакой. Каминный огонь прихотливо озарялъ его круглую нору. Это была комната въ башнѣ, увѣшанная кругомъ машинными ремнями, конскими хомутами, тяжелыми насѣками, буравами и винтовыми досками. Въ одномъ заворотѣ у камина стоялъ тяжелый токарный станокъ съ подвижнымъ

патрономъ, въ другомъ—желѣзная кровать хозяина, покрытая верблюжьемъ войлокомъ. Противъ нея помѣщался старинный комодъ съ львиными лапами вмѣсто ручекъ. На стѣнѣ висѣли два двустольныя ружья, а между ними огромное черное распятіе. Волѣ здѣсь не было никакой мебели и никакихъ украшеній.

Робертъ Беръ сидѣлъ здѣсь, не выходя никуда съ самаго утра. Правда, онъ вышелъ на минуту передъ вечеромъ, но только для того, чтобы велѣть принести себѣ новую кучу вереска, но тотчасъ же возвратился сюда снова, сѣлъ противъ каминна, и съ тѣхъ поръ уже не вставалъ съ этого мѣста. Онъ даже не зашелъ сегодня къ своимъ лошадямъ, чѣмъ онъ не манкировалъ ни одинъ день въ жизни.

Теперь онъ сидѣлъ тихо, какъ человѣкъ, одержавшій побѣду надъ внутреннимъ врагомъ своимъ и довольный своею силою. Передъ нимъ лежала большая книга, развернутая на страницѣ, на которой широкою красною чертою была подчеркнута строка: *«И не восхотѣ обличити ю, но восхотѣ тай пустити ю».*

Робертъ Беръ былъ очень разстроенъ: окружающіе его замѣтили это потому, что онъ былъ необыкновенно тихъ и бездѣйствовалъ, тогда какъ обыкновенно у него въ крови всегда бѣгала ртуть и руки его постоянно искали работы.

Ровно въ одиннадцать часовъ въ толстую дубовую дверь круглой комнаты раздались три легкіе удара. Услыхавъ этотъ стукъ, Беръ вскочилъ съ своего кресла, сжалъ руки у сердца и, пошевеливъ беззвучно устами передъ распятіемъ, произнесъ: «войдите», и снова опустился на прежнее мѣсто.

Изъ темнаго пространства, открытаго повернувшеюся на широкихъ петляхъ дубовою дверью, тихо вступила бѣлая, женская фигура.

Беръ не шевелился и не поднималъ кверху опущенной головы; уста его продолжали тихо двигаться, а глаза смотрѣли на сложенные на колѣняхъ руки.

Женщина подошла къ самому креслу Бера, сбросила съ головы бѣлую шерстяную косынку, которою была покрыта, и, опершись локтемъ на карнизъ каминна, проговорила:

— Я пришла въ тотъ часъ, когда вы хотѣли.

Эта женщина была Марія Норкъ.

— Да,—отвѣчалъ Беръ:—да, я хотѣлъ этого, Марія: намъ надо поговорить съ тобой.

— Я васъ слушаю.

— Ты сядь, разговоръ можетъ выйти немного продолжительнѣе.

Онъ подвинулъ ей ногою простой деревянный табуретъ, и опять сказалъ:

— Сядь! сядь!

Она сѣла. Вышла очень продолжительная пауза. Положеніе молодой женщины становилось невыносимымъ: она была слаба, волновалась ожиданіями предстоящаго тяжелаго объясненія, и ее томилъ неосвобождающій ее ни на минуту проницательный взглядъ мужа.

Наконецъ, Беръ положилъ конецъ этой сценѣ. Онъ переложилъ лѣвую ногу на правую и проговорилъ:

— Итакъ, Марія!..

Женщина вскинула голову и, замѣти новую склонность Бера къ паузамъ, спокойно сказала:

— Я васъ слушаю.

— Вы... его любите?

— Нѣтъ.

Беръ подумалъ и произнесъ тихо:

— Будемъ откровенны.

— Я вамъ отвѣчала откровенно, — подтвердила Маня.

Беръ остановился и стоялъ, то широко раскрывая вѣки, то быстро захлопывая ихъ и затѣмъ опять снова раскрывая.

Маня молчала, собирая рукою подъ подбородкомъ свои разбѣжавшіеся пепельные волосы.

— Вы, однако, любили его? — пробурчалъ Беръ.

— Онъ сдѣлалъ все, чтобы убить мою любовь къ себѣ.

— Какъ?

Маня задумалась, покраснѣла и, гляди въ огонь, добавила:

— Если ему удалось унижить меня одинъ разъ — я не хочу увеличивать мое униженіе разговоромъ, какъ я его понимаю. Вамъ не нужно это. Я не знаю, чего вы отъ меня хотите? Теперь глухая ночь; здѣсь всё вамъ преданы, начиная отъ этой собаки, которая готова загрызть меня, если вы ей это прикажете; отойдя кругомъ на пять миль, нѣтъ человѣческаго жилья; зима, морозъ, въ оврагѣ волки воютъ; вы — всё говорятъ, вы страшный человѣкъ; никто еще ни жалости и ни улыбки не видывалъ на вашемъ лицѣ ужасномъ; и вы меня силою позвали на допросъ!.. Вы здѣсь меня хотите пытать? Пытать меня будете? — Пытайте.

Маня сдѣлала два шага къ мужу и прошептала:

— Я не боюсь васъ!

— Вы слышали? — повторила она громко: — *я не боюсь васъ*. Поймите вы, что тѣмъ, кому, какъ мнѣ, жизнь—бремя, тѣмъ смерть есть высшее блаженство.

— Вамъ въ тягость жизнь?

— Да; она давно, давно мнѣ въ тягость.

— Вамъ скучно здѣсь?

— Вездѣ равно мнѣ скучно.

— Вы ненавидите меня?

— Я не люблю васъ.

— Не ненавидите, однако?

— Не ненавижу, потому что я не умѣю ненавидѣть. Я не люблю васъ; мнѣ съ вами тяжело. Я думаю и этого довольно, чтобъ для меня всю цѣну потеряла жизнь.

— А если бъ Богъ вамъ далъ теперь другую жизнь?

— Я бъ не взяла ея.

— Зачѣмъ?

— Затѣмъ, что для меня жить снова невозможно.

— Я вѣрю вамъ, Марія: и я бы тоже не взяла.

Беръ снова опустилъ голову и снова задумался.

— Прощайте,—проговорила тихо, вставая, Маня.

— Нѣтъ, пару словъ еще.

Маня снова безропотно сѣла.

— Такъ жить нельзя,—произнесъ Беръ.

— Живу, какъ Богъ судилъ мнѣ,—отвѣчала, нервно подергиваясь, Маня.

— Да, какъ Богъ судилъ... Нѣтъ, Богъ такъ не судилъ, Марія. Богъ не судилъ намъ жить съ тобой.

Беръ взялъ жену сильно за руку и еще разъ добавилъ:

— Богъ не судилъ.

Маня спокойно смотрѣла на мужа.

— Но Богомъ суждена для всѣхъ одна дорога: то путь къ добру, Марія. Нѣтъ положенія, въ которомъ человѣкъ не нашель бы средства быть полезнымъ людямъ и помириться съ собою.

Беръ приподнялся и сказалъ:

— Марія!—жить одному, это... несносно тяжело!

— Да, это тяжело.

— А жить вдвоемъ и врознь желать и порознь думать, и вѣчно тяготить другъ друга, и понимать все это—еще тяжеле.

— Еще тяжеле.

— Да, еще тяжеле. Одинъ въ постелю ляжетъ, заплачетъ въ изголовье, въ своемъ углу онъ перемучитъ горе свое, помолится, когда душа молитвы хочетъ, и станетъ выше, чище—приблизится страданьемъ къ Богу.

— Да.

— Союзъ хорошъ, когда одна душа святитъ собой другую.

— Что жъ вы хотите?

— Ты не раба моя. Я далъ обѣтъ тебя сберечь, и я хочу его исполнить.—Разстанемся.

Маня, молча, изумленными глазами смотрѣла на мужа.

— Съ тобою въ провозкатые я не пошлю своихъ упретковъ. Я виноватъ во всемъ. Я думалъ, если я соединю въ одномъ гнѣздѣ два горя, два духа, у которыхъ общаго такъ мало съ міромъ, какъ у меня и у тебя, то, наконецъ, они поймутъ другъ друга. Я, сирота сѣдой, хотѣлъ ожить, глядясь въ твои глаза, Марія, и какъ уродъ обезобразилъ зеркало своимъ лицомъ. Не ожилъ я, и ты завяла. Ты хочешь умереть, а я хочу тебѣ дать жизнь. Хотѣла бы ты жить съ нимъ? съ тѣмъ... кого любила?

— Нѣтъ,—спокойно отвѣчала Маня.

— Скажи еще! скажи еще мнѣ это слово!

— Я не хочу съ нимъ жить,—твердо повторила Маня.

— О, не ходи! о, не ходи къ нему!

Беръ тихо взялъ ее за руку и, показывая другую черезъ окно вдаль, заговорилъ:

— Тамъ, за этою норой, Марія, цѣлый міръ, прекрасный, вѣчно юный; тамъ — поля, лѣса, тамъ рѣки свѣжія, моря и люди, тамъ Божій міръ: я весь его тебѣ открою. Кто ошибается любя, тотъ всѣхъ способнѣй съ любовью жъ поправлять самъ ошибки. Пусть мертвые хоронятъ своихъ мертвецовъ, но ты жива и жива душа моя, чтобы оставить тебя. Тебѣ не за что умереть. Великая тоска въ душѣ живой должна создать великія рѣшенья. Марія! посмотри, одна ли ты несчастлива! Есть много женщинъ, которымъ, какъ тебѣ, не посчастливилось у очага, и онѣ не изнывали духомъ, онѣ себѣ у Бога не просили смерти, и не пошли путемъ лукавымъ. Онѣ создали себѣ мѣсто въ жизни; создали его себѣ у каждаго очага, гдѣ вечеромъ тихо горитъ обрубокъ дерева, передъ которымъ садится мать съ дѣтьми. Да, Марія, когда семейство садится у этого камина и мать,

читая добрую книгу дѣтямъ, ведетъ ихъ дѣтскую фантазію по дѣвственнымъ лѣсамъ, черезъ моря, черезъ горы, къ тѣмъ жалкимъ дикарямъ, которые не знаютъ ни милосердія, ни правды, тогда надъ яркимъ огонькомъ вверху — и это самъ видалъ въ былые годы — тогда является дѣтямъ старушка, въ фланелевомъ капотѣ, съ портфеликомъ у пояса и съ суковатой палочкой въ рукѣ. Она киваетъ бѣленькимъ чепцомъ оттудова ребенку; онъ улыбается, глядитъ ей въ добрые глаза и засыпаетъ, слушая ея рассказы. И въ этотъ часъ, когда такое множество людей найти не могутъ во снѣ покоя, невинное дитя спитъ сладкимъ сномъ и въ этомъ снѣ еще все улыбается ей, доброй бабушкѣ, старушкѣ Идѣ Пфейферъ. Иди за ней, иди, моя Марія! Тебѣ со мной тоска. Изломанную жизнь клеить напрасно. Тоска, какъ цѣпкая трава, перерастаетъ дерево, вокругъ котораго она завьется. Иди, у ногъ твоихъ прошу тебя, иди!—Беръ сталь передъ женою на колѣни и добавилъ: — Она, старушка Пфейферъ, зоветъ тебя себѣ на смѣну; она тебѣ примѣръ и подкрѣпленье. Не отдавай напрасно жизнь тоскѣ и возврати талантъ сребра, который далъ тебѣ Создатель.

— А ты?—спросила тихо Маня.

— Ты говоришь мнѣ *ты*. Благодарю тебя.

Беръ поднялся съ колѣнъ и продолжалъ:

— Я... я, какъ жилъ встарь, опять попрежнему я буду жить въ моей норѣ и буду счастливъ.

Онъ сморгнулъ слезу и добавилъ:

— Певѣрь, мнѣ будетъ хорошо; да, хорошо. Блаженнѣйшимъ покоемъ полна будетъ моя душа, когда я вспомню о тебѣ. Тогда я стану здѣсь, вотъ здѣсь, передъ крестомъ, вздохну... быть-можетъ, и заплачу, но тогда я буду *мужъ*, Марія. Я буду гордый мужъ, мужъ силы, мужъ, который не сгубилъ, а спасъ тебя и поднялъ. Марія! — продолжалъ Беръ, складывая у подбородка кисти своихъ рукъ: — чтобы соблюсти душу твою, я долженъ потерять ее для себя: иначе нѣтъ спасенія. Впередъ, мой другъ! Впередъ, моя Марія! Тоска... мечтанія безплодныя... конецъ, конецъ всему! На бой, на жизнь! Иди, иди, молю тебя, моя Марія!

Маня тихо подала обѣ свои прозрачныя ручки мужу, положила ему на грудь свою голову и прошептала:

— Иду! Благослови меня, мой Робертъ.

Беръ взялъ ея руки и молча подвелъ ее къ окну: луна

совсѣмъ садилась; синее небо подергивалось легкою предразсвѣтною пеленою и на горизонтѣ одиноко мерцала одна утренняя звѣзда.

— Она одна,—произнесъ съ чувствомъ Беръ:—и мы съ тобою будемъ одиноки. Всегда вотъ въ этотъ часъ, когда она одна становится на небѣ, я стану на нее смотрѣть и думать о тебѣ; проснись и ты тогда и тоже погляди, и трое одинокихъ будемъ вмѣстѣ.

— Мы будемъ вмѣстѣ,—прошептала Маня.

— И будемъ чисты, какъ она.

— Да, да, мы будемъ чисты.

— О, да, мы будемъ чисты; мы счастливы, и всегда, вспоминая другъ друга, будемъ смотрѣть вверхъ. Душа! не сись, лети отсюда туда и встрѣтись тамъ съ сіяющей душой моей Маріи! — проговорилъ онъ въ молитвенномъ созерцаніи и тотчасъ же добавилъ: — теперь иди, засни, Господь съ тобою, моя малютка!

Онъ проводилъ жену съ свѣчою до двери, потомъ вернулся и простоялъ у окна, пока утренняя звѣзда совершенно исчезла въ заревѣ разсвѣта.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Весной распускались сирени, въ поляхъ пробивалась травка; очистилось море отъ льда и тихо у пристани колыхался большой пароходъ, готовый на завтра отчалить далеко.

Въ нижнемъ этажѣ Беровой башни, какъ разъ подъ той комнатою, гдѣ происходила послѣдняя сцена, въ такой же точно по размѣрамъ, но въ совершенно иной по убранству комнатѣ, густыя сумерки застаютъ двухъ человѣкъ. Молодая женщина, одѣтая въ сѣрой фланелевой блузѣ, сидитъ въ старинномъ креслѣ спиной къ открытому окну, въ которое лѣзутъ густыя вѣтки сирени. Голова этой женщины покоится на слабой бѣленькой ручкѣ, опирающейся локтемъ о столъ и поддерживающей ладонью подбородокъ; большіе голубые глаза ея устремлены въ уголь, гдѣ въ густой темнотѣ помѣщается мужская фигура, нѣсколько согбенная и опустившаяся. Мужчина сидитъ на креслѣ съ опущенной головой и руками, схваченными у себя на колѣняхъ.

Это Маня и Истоминонъ, котораго Беръ привезъ сегодня, чтобы онъ могъ проститься завтра съ Маней.

Самого хозяина здѣсь не было: онъ съ кривымъ ножомъ

въ рукахъ стоялъ надъ грушевымъ прививкомъ, въ углу своего сада, и съ такою пристальностью смотрѣлъ на солнце, что у него безпрестанно моргали его красные глаза и безпрестанно на нихъ набѣгали слезы. Губы его шептали молитву, читанную тоже въ саду. «Отче! — шепталь онъ: — не о всемъ мѣрѣ молю, но о ней, которую Ты далъ мнѣ, молю Тебя: спаси ее во имя Твое!»

Въ комнатѣ была тишина невозмутимая.

«И это онъ!» думала Маня, глядя на человѣка, котораго она нѣкогда такъ страстно любила. Онъ самъ, тотъ чудный человѣкъ, который блисталъ такою гордой смѣлостью и вызывалъ ея младенческую душу на подвигъ Анны Денманъ. Какъ это было? — И передъ нею Петербургъ, ея совершеннолѣтіе, и бабушка съ своею канарейкой, и Верманъ съ домикомъ, и Ида... Воспоминанія обрываются при этомъ дорогомъ имени, и вдругъ выступаетъ какая-то дѣйствительность, но такая смутная, точно ѣдешь въ крытомъ возкѣ по скрипучему первозимку — и кажется, что ѣдешь, и кажется, что и не ѣдешь, а будто какъ живешь какой-то сладкою забытой жизнью; и все жужжить, жужжить по снѣгу гладкій полозъ подъ ушами и все, и взадъ и впередъ, дергается разомъ — и память, и дорога.

Имя Иды, какъ толчокъ, какъ пень заѣзженный, какъ придорожная могила толкнула на минуту Маню, и снова поползли предъ ней воспоминанья. Ей вспомнилось, какъ снилась ей тогда всю ночь до утра Анна Денманъ, и эта Анна Денманъ была сама она; а онъ былъ Джономъ Флакманомъ. Иль просто онъ былъ — онъ, а она — она, и они шли вмѣстѣ. *Она была нужна* ему. О, сколько было въ этомъ счастья! О, какъ ей хотѣлось жить, какъ все свѣтло ей свѣтилось въ будущемъ. Они пришли въ деревню; былъ вечеръ тихій; собака лаяла; имъ дали уголь на сѣноваль: онъ спитъ, она его лелѣетъ... Потомъ ей видится Италия, Неаполь, Римъ и Палестина — она вездѣ ему нужна, она ему подруга; у ней нѣтъ для себя желаній, она вся жертва, и это жизнь ея — та жизнь, какой она хотѣла. И наконецъ, ужъ онъ великъ и говорить ей: «Ты, Анна Денманъ, ты была нужна мнѣ; ты была моею силой; у насъ теперь есть домъ, и въ палисадникъ окна, и съ нами будетъ мать твоя, и бабушка, и Ида...» И вновь толчокъ: проснулась бабушка и встала съ кресла, и пошла, и проклала ее... Все это ни-

чего: проклятыя Богъ не внемлетъ. Тяжелый сонъ опять: садъ въ домѣ сумасшедшихъ; душа больна, и надъ всѣмъ преобладаетъ одно желанье—спрятаться, бѣжать куда-то, а изъ кустовъ ей все киваетъ кто-то и говоритъ ей: «Здравствуй! здравствуй!» Опять жужжать полозья: и вдругъ дребезжить разбитое окно; стукъ, трескъ, хаосъ кругомъ, и снова Ида. И все идетъ, какое-то все ближе уясненіе, и, наконецъ, раздражается огненной молоньею и гремитъ небесной грозой. Все стало ясно... Такъ вотъ на чтò! *Такъ вотъ на чтò была нужна я!* восклицаетъ Маня, и передъ нею прямо онъ и завтра. *Завтра* — это день, которому довлѣетъ его міръ и его злоба. *Онъ* — это кумиръ, поверженный и втоптаный судьбой въ болото. Но съ восходомъ на востокъ этого *завтра*, ему никто ужъ не подастъ руки и не поможетъ. Маня задумалась и заплакала, и сквозь застилавшій взглядъ ея слезы увидала, что среди комнаты, на сѣромъ фонѣ сумеречнаго свѣта, какъ братья обнялись и какъ враги боролись два ангела: одинъ съ кудрями свѣтлыми и легкими, какъ горный лентъ, другой — съ лицомъ, напоминающимъ египетскихъ красавицъ. Они боролись долго, и свѣтлый ангелъ одолѣлъ.

Маня встала и подошла къ Истомину.

— Не думайте, что вы виновны такъ, какъ вамъ сказала Ида, и это я прошу васъ сдѣлать въ память обо мнѣ. Да, я прошу васъ: въ память обо мнѣ.

Проговоривъ эти слова, Маня подала руку художнику: онъ сжалъ ее.

— Мы поднимались на ходули; мы въ самомъ дѣлѣ ниже, чѣмъ мы думали.

Истоминъ выронилъ молча ея руку.

«О,—думалъ онъ:—какъ ты растешь! какъ ты растешь, моя одинокая Денманъ!»

Маня продолжала:

— Мы упали. Не будемъ плакать и простимъ другъ другу все прошлое передъ разлукой.

Истоминъ не удержался и зарыдалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не надо слезъ — не надо ихъ, не надо. Миръ прошлому. — Я ѣду съ миромъ въ сердца, не возмущайте тишины, которая теперь въ душѣ моей. Не думайте, что вы несчастливѣй другихъ: здѣсь всѣ несчастны, и вы,

и я, и онъ... Онъ, можетъ-быть, несчастій всѣхъ, и онъ всѣхъ меньше насъ достоинъ своего несчастія.

Маня нѣжно положила ручку на плечо Истоминна и сказала съ болью:

— Онъ все свое горе отъ меня спряталъ; не дайте жъ никому превзойти васъ въ послѣднемъ великодушїи ко мнѣ!

Слѣпой художникъ утихъ.

— Я хотѣла вамъ сказать слово «миръ» — это все, что я могу сдѣлать. Онъ разгадалъ это, и привезъ васъ. Благодарю, что вы прїѣхали.—Теперь все кончено.

Маня коснулась своей рукою головы Истоминна и проговорила:

— Забвеніе прошлому; моей душѣ покой... а вамъ... моя слеза и вѣчное благословеніе.

Маня сама тихо заплакала, прислонясь къ стѣнѣ своею головкой.

— Аминь,—произнесъ, стоя въ саду и глядя внутрь комнаты въ окно, гернгутерь.

— Аминь, аминь, — повторили въ одно и то же время Маня и художникъ.

Свѣрое утро, взшедшее за этой ночью, освѣтило несущуюся по дорогѣ отъ норы Бера рессорную таратайку, запряженную парю знакомыхъ намъ вороныхъ коней. Лошадьми, по обыкновенію, правилъ Беръ; рядомъ съ нимъ сидѣла его жена; сзади ихъ, на особомъ сидѣньи, помѣщался художникъ.

Онѣ ѣхали шибко и въ седьмомъ часу утра остановились у пристани, гдѣ величаво качался собравшійся въ далекую экспедицію паровой корабль.

— Накрапываетъ дождь—путь добрый будетъ,—проговорилъ, высаживая жену, молчавшій во всю дорогу Беръ.

— О чемъ же мы съ тобой попросимъ одинъ другого передъ разлукой? — спросилъ Беръ, держа въ своихъ рукахъ женины руки.

Маня молча взглянула на Истоминна. Беръ отвѣтилъ ей крѣпкимъ пожатіемъ.

— А когда пройдутъ... многіе, многіе годы...—заговорилъ онъ и остановился.

— Тогда я возвращусь къ тебѣ,—договорила Маня.

— Чтобы мой старый слухъ могъ упиваться гармоніей твоихъ бесѣдъ про безпредѣльный міръ, который ты увидишь.

— Про миръ души моей, который ты создалъ. — закончила, становясь ногою на трапъ, Маня.

Черезъ полчаса, дымящійся пароходъ, качаясь, отчаливалъ отъ берега и на его палубѣ стояла Маня. Она была во вчерашнемъ сѣромъ платьѣ, въ широкой шляпѣ и съ лакированной сумкой на груди.

На берегу стояли Беръ и рядомъ съ нимъ Истоминонъ.

— Завидую и въ первый разъ завидую въ жизни, Марія, — заговорилъ, глядя на жену, Беръ. — Передъ тобою раскроется широкой океанъ чудесъ и, какъ ласточка глотаетъ на лету муху, проглотитъ онъ твою кручину.

Маня въ отвѣтъ молча перекрестила мужа.

Тяжелыя колеса парохода заколотили, вода зашумѣлась, задрожали трубы, и пароходъ пошелъ спорымъ ходомъ въ море.

Не сводя глазъ съ жены, Беръ показалъ ей рукою по направленію, гдѣ предъ зарей стоитъ утренняя звѣзда; туда же поднялась и снова опустилась окутанная тяжелымъ, сѣрымъ рукавомъ слабая ручка Мани.

Пароходъ скрылся на горизонтѣ.

— Садитесь, — пригласилъ Истомина Беръ, подбирая свои вожжи.

Художникъ махнулъ рукою.

— На васъ лежитъ ея благословенье, и я хочу, чтобы оно принесло покой вамъ.

Истоминонъ сѣлъ молча, какъ автоматъ, и они поѣхали, не говоря во всю дорогу другъ другу ни слова.

Они уже долго ѣхали. Утро оставалось такое же сырое и тихое; воздухъ не согрѣвался; по сѣрому небу не ползло ни облачка: все сѣрѣло какъ опрокинутая миска, и только съ сѣвера на югъ какъ будто тянулся какой-то крошечный обрывокъ мокрой бечевки; не было это облако, не была это и бечевка.

Истоминонъ сидѣлъ, закрывши глаза и сложивъ на груди руки; Беръ молча правилъ лошадыи и заставлялъ себя спокойно слѣдить за тѣмъ, что тамъ ползло по небу шнурочкомъ.

Истоминонъ былъ въ тупомъ состояніи деревяннаго покоя. У несчастья есть свое милосердіе; какъ кредиторъ, чтобы вѣрнѣй получить по документу долгъ, оно даетъ душѣ передышку. Человѣкъ самъ этой передышки себѣ ни за что

не сумѣлъ бы устроить. И такая льгота дается намъ только при большомъ горѣ, при несчастіи, такъ сказать, вдосталь дошибающемъ человѣка. Извѣстно, что многіе изъ людей, приговоренныхъ къ смерти, въ послѣднюю ночь передъ казнью останавливались воспоминаніемъ на какомъ-нибудь мелкомъ, самомъ незначительномъ случаѣ своей юности; забывали за этимъ воспоминаньемъ ожидавшую ихъ плаху и какъ бы усыпали, не закрывая глазъ. Нѣкоторые изъ нихъ сами рассказывали, что они въ это время видѣли лучшіе сны. Умный и весьма наблюдательный священникъ, которому печальная обязанность поручаетъ послѣдніе дни осужденныхъ на-смерть, говорилъ пишущему эти строки, что ему никогда не случалось видѣть осужденнаго въ такомъ настроеніи. о какомъ Викторъ Гюго такъ неловко рассказываетъ въ своемъ «*Dernier jour d'un condamné*». Бываетъ въ большинствѣ случаевъ гораздо проще. Въ большинствѣ случаевъ, если несчастный не находится подъ вліяніемъ горячаго раскаянія, возвышающаго человѣка до игнорированія ожидающей его завтра смерти, и если онъ въ такомъ настроеніи не молится и не плачетъ, то чаще всего онъ впадаетъ въ какое-то мечтательное забытѣе. Онъ забудется и мечтаетъ: мечтаетъ совершенно нехотя, непроизвольно. Въ этомъ забытѣи вдругъ, совершенно внезапно врывается въ мозгъ искра сознанія дѣйствительности, и человѣкъ вскакиваетъ, трепеща, какъ осиновый листъ. Въ эту минуту, онъ, вѣроятно, всадилъ бы себѣ въ бокъ ножъ съ стическимъ спокойствіемъ Катона, или разбилъ бы себѣ голову объ уголь мрачной амбразуры входа; но громъ цѣпей, ночная лампа и неподвижный часовой довершаютъ пробужденіе, и завтрашній мертвецъ тяжело опускается, иногда стонетъ и снова забывается. Одному изъ такихъ несчастныхъ постоянно грезилась мать: она подходила къ нему, развязывала воротъ у его рубашки и, крестя его лицо, шептала: «Христось съ тобой, усни спокойно; а завтра...» Осужденный ни одного раза не могъ дослушать, что обѣщала ему его мать «завтра». Это роковое слово будило его, и онъ, стоная, повторялъ: «Охъ, куда дѣться?.. куда дѣваться?» — и забывался снова, и снова мать выходила къ нему изъ черной стѣны каземата.

Есть что-то не постижимое въ этой, такъ сказать, физиологиче безвозвратнаго отчаянья.

Въ интересной, но надобѣдающей книжкѣ «Послѣдніе дни самоубійцы», есть разсказъ про одну дѣвушку, которая, рѣшившись отравиться съ отчаянія отъ измѣны покинуваго ее любовника, поднесла уже къ губамъ чашку съ ядомъ, какъ вдругъ вспомнила, что, грустя и тоскуя, она уже болѣе десяти ночей не дождалась въ постель. Въ это мгновеніе она почувствовала, что ей страшно хочется спать. Она тщательно сирятала чашку съ ядомъ, легла, выпалась и, вставъ на утро, съ свѣжею головою записала все это въ свой дневникъ и затѣмъ отравилась.

Трудно было предсказать, что разбудить теперь Истомина изъ того забытья, въ которое впалъ онъ. Изъ всей окружающей его дѣйствительности онъ только сознаетъ одно, что онъ ѣдетъ; но кто онъ такой и куда, и зачѣмъ онъ ѣдетъ—это ему совершенно непонятно. Что это за мѣстность, какой это день и какая пора дня?—тоже не уясняется. Но вотъ наконецъ-то... теперь все это ясно: это лѣтнія сумерки на стѣняхъ за Окою. Двѣ косматыя лошадки, меньше похожія на лошадей, чѣмъ на вылинявшихъ медвѣжатокъ, частятъ некованными ногами по мягкой грунтовой дорожкѣ. Мужичокъ, съ желтой мычкой на подбородкѣ и въ разноцвѣтномъ зидунишкѣ, сидитъ и трясется на грядкѣ, на которой бы воробью сидѣть впору. Ему скучно. И вотъ онъ мѣтится, мѣтится во что-то волжанковымъ кнутовищемъ. Увидѣвъ такіе прицѣлы изъ-подъ рогожной кибитки, покрытой сѣдою дорожною пылью, на четверенькахъ выползаютъ черненькій мальчикъ: онъ тихо, затаивъ дыханіе, подвигается къ переднему вязку телѣги. Волжанковая палочка все надходитъ надъ свою цѣль: эта цѣль — зеленоголовый слѣпень — онъ блаженствуетъ, сидя у перекрестныхъ ремней шлеи и внизъ отъ этого мѣста по шерсти лохматой лошадки сочатся кровавыя капли. Но щелкнула волжанка, слѣпень кувырнулся, и въ то же мгновеніе упалъ покатясь подъ телѣгу. Ребенокъ выкрикнулъ отъ радости, обнявъ ручонкой загорѣлую шею сосѣда-охотника и поцѣловалъ его въ его желтую мычку.

Засмѣялся мужичъ и еще кто-то назади засмѣялся, въ кибиткѣ. Смѣхъ это, или не смѣхъ? Что-то какъ будто не смѣхъ, или смѣхъ вмѣстѣ съ кашлемъ.

— У, да какъ же хорошо-то кругомъ, то-есть что жъ тутъ, по правдѣ говоря, и хорошаго-то? Ничего очень хо-

рошаго, да такъ легко, и ото всего, отъ чего вы хотите, вбѣтъ этой тихой радостью русской картины. Вонъ на пыльной дорогѣ ряды перекрестныхъ колеѣ отъ телѣжныхъ колесъ; по высокому рубежу куда-то спѣшить голубокъ, и безпрестанно путаясь ножками въ травкѣ, идти поневолѣ развалистымъ шагомъ: онъ тащитъ въ клювъ вѣтку и высоко закидываетъ головку, чтобъ перекинуть свою пошу черезъ высокіе стебли; на вспаханномъ полѣ свищетъ ображекъ и, свистнувъ, тотчасъ же нырнетъ, а потомъ опять выскочитъ, сидеть и утирается бархатной лапкой. Солнце садится за лѣсомъ, луга закрываются на ночь фатой изъ тумана; зеленныя сосны чернѣютъ, а тамъ гдѣ-нибудь замелькаютъ кресты и встаетъ за горой городочекъ, покрытый соломой — вотъ ты и вся здѣсь, родная картинка, а тепло на душѣ каждый разъ, когда про тебя вспомнется.

Полно и крѣпко забилося въ мятежной груди Истомина его русское сердце. Еще чутче становится онъ къ давно минувшему. Не только мысленное око его не знаетъ преградъ, его ухо тоже слышитъ Богъ-вѣсть когда и гдѣ раздавшіеся звуки.

— А вотъ это видишь,—говоритъ ему изъ-подъ пыльной кибитки слабый женскій голосъ, перебиваемый удушливымъ кашлемъ.—Гляди вонъ туда, вонъ высоко, высоко подъ небомъ—это летятъ журавли.

— На ночлегъ поспѣшаютъ,—досказываетъ мужичокъ съ желтой мычкой.

Сколько разсказовъ начинается объ этихъ журавляхъ! И какіе все хорошіе разказы!—вѣкъ бы ихъ слушать, если бы только опять ихъ точно такъ же рассказывали. Рѣчь идетъ про порядки, какіе ведутъ эти птицы, про путину, которую каждый годъ они держатъ, про судъ, которымъ судятъ преступившихъ законы журавлинаго стада. Все это такъ живо, веселѣй чѣмъ у Брема. Какъ памятна всѣ впечатлѣнія первой попытки вздохнуть однимъ дыханьемъ съ природой.

Впечатлѣніе это вспоминается необыкновенно рѣдко, случайно, безъ всякой стати, какъ вспоминается иногда вещь давно-давно забытая когда-то на грязномъ столѣ почтовой станціи глухого, пустынного тракта.

Стрѣлою, пущенною съ тугой тетивы, несется въ памяти въ погоню за этой порою другая пора: пора сладкой юности, годы тревогъ и страстей. И недвижно стоитъ только

одинъ какой-то день; одинъ изъ множества дней, стоитъ онъ какъ звѣзда, уснувшая на зенитѣ. Стоитъ онъ долго—ничто его не сдвигаетъ, ничто не трогаетъ съ мѣста. Это и есть тотъ день, отъ котораго въ виду смерти станешь спрашивать: «куда дѣться?—куда дѣваться?» Этотъ день бѣлъ, какъ освѣщенное солнцемъ сжатое поле, на которомъ нѣтъ ни жнецовъ, ни птицъ, уносящихъ колосья; на которомъ не слышно ни дѣтскаго плача, ни жалобъ клянущей жизнь плоти, ни шелеста травы, ни стрекота букашекъ—все мертво и тихо, какъ въ опаленной долинѣ Иерихона, и надо всѣмъ этимъ безмолвіемъ шагаетъ, не касаясь ногами земли, одинъ ужасный призракъ. Этотъ призракъ измѣнчивъ, какъ хамелеонъ—это женщина, появляющаяся то съ головой, остриженной какъ у цезарскаго рекрута, то съ лакированной сумочкой на груди. Но и она исчезаетъ, и въ ту минуту, когда она уже исчезла, когда не стало ея, художникъ вернулся къ дѣйствительности. Онъ сдѣлалъ этотъ переходъ съ такою быстротою, что его трудно опредѣлить словомъ. Какъ быстро уналъ съ поднебесья внезапный крикъ пролетающей журавлиной стаи, такъ быстро, услыхавъ этотъ крикъ, Истоминъ выпрыгнулъ изъ таратайки, сталъ на ноги и, прижавъ къ груди руки, затрясся отъ внутренняго зноба.

Онъ не видалъ этихъ птицъ, когда онъ подлетали, тянувшись по небу шнурочкомъ: одинъ Беръ видѣлъ, какъ этотъ шнурокъ все подвигался въ треугольникъ, состоящій изъ отдѣльных точекъ, расположенныхъ какъ камни, обозначающіе могилу араба, похороненнаго среди песчаной Сахары, и когда съ неба неожиданно упало это рѣзкое, заунывное турчанье, оно для Истомина было безъ сравненія страшнѣе слова матери, которое нарушало покой ночи осужденнаго на смерть.

«Ага! летять ужъ Ивиковы журавли... да, да, пора конецъ положить», подумалъ Истоминъ, стоя съ открытой головою внизу пролетающей стаи. А стая все летитъ и летитъ, и все сильнѣе и чаще падаютъ отъ нея къ низу гор-таные звуки.

Этотъ крикъ имѣетъ въ себѣ что-то божественное и угнетающее. У кого есть сердечная рана, тотъ не выноситъ этого крика, онъ ее разбередитъ. Убійцы Ивика, закопаннаго въ лѣсу, вздрогнули при этихъ звукахъ и сами назвали дѣла свои.

— Проститесь же лучше здѣсь, чѣмъ подь вашей кровлей,—заговорилъ, проводя глазами журавлей, Истоминъ. — Не думайте, что я неблагодаренъ. Въ благодарность вамъ я буду отъ васъ очень далеко.

— А мой уголь, хлѣбъ и мой привѣтъ...

— Да, да, пусть они подождутъ меня...

Истоминъ почесалъ себя ногтями по голой груди и до-
бавилъ:

— Кончаю тѣмъ, что и за это не въ правѣ обижаться, но только вотъ что: Канну угла-то ничего не нужно... Прощайте, Беръ—вамъ здѣсь направо, а я пойду налѣво—такимъ манеромъ, дастъ Господь, мы другъ другу на дорогѣ не встрѣтимся. Я, должно быть, ужъ не обойду вокругъ свѣта.

— Иди,—сказалъ ему спокойно Беръ.

— Аминь — иди, пока споткнешься на свою могилу,—
отвѣтилъ ему Истоминъ и пошелъ влѣво.

Такъ они и разстались на этой дорогѣ.

Въ домѣ Норкъ обо всемъ этомъ не знали ничего, но непрежнему страшно боялись слова *новость*.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Наконецъ, чего долго ждешь, того иногда и дождешься: въ домѣ Норковъ, какъ съ неба упала новость. Религіозное настроеніе Софьи Карловны такъ и приняло ее, какъ посланницу неба, несмотря на то, что новость эту принесъ имъ полицейскій городовой Васильевскаго Острова.

Городовой явился въ магазинъ Норковъ передъ вечеромъ пятаго мая и, заставъ здѣсь одну Иду, просилъ ее немедленно послать кого-нибудь въ мертвецкій покой, чтобы «обознать» принадлежащее имъ *тѣло*, найденное у берега въ Чекушахъ.

Ида поблѣднѣла. Вермана четвертый день не было дома, и новость эта могла касаться его непосредственно. Соважъ перваго мая отправился на екатерингофское гулянье и не могъ встрѣтить серьезныхъ препятствій отыскаться на пятый день въ видѣ тѣла, принадлежащаго Норкамъ.

Въ это время Ида также припомнила странную исторію, которую на другой день екатерингофскаго гулянья принесла домой Авдотья, ходившая навѣстить свою сестру въ Чекуши.

Въ исторіи этой тоже былъ замѣшанъ чортъ, и притомъ замѣшанъ и скомпрометированъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ

святочной исторіи въ Плау, потому что здѣсь онъ напалъ на людей не легковѣрныхъ и остался въ дуракахъ.

Дѣло было вотъ въ чемъ: ночью съ перваго на второе мая очередные рыбаки на тоняхъ, при свѣтѣ бѣлой ночи, видѣли, какъ кто-то страшный и издали немножко схожій съ виду съ человѣкомъ, бросился съ екатерингофскаго берега въ Неву. Рыбаки, имѣющіе безпрестанныя столкновения съ водяными чертями, служащими по ихъ департаменту, тотчасъ сообразили, что это ни болѣе, ни менѣе, какъ одна изъ тысячи продѣлокъ потѣшающагося надъ ними дьявола, ибо человѣку не могло придти въ голову попробовать переплыть Неву въ этомъ мѣстѣ. Пока рыбаки разсуждали, для какой бы дѣли было дьяволу морочить ихъ такимъ образомъ, дьяволъ началъ кричать. По водѣ далеко было слышно, какъ онъ тяжело отдувался. Рыбаки отвернулись къ гаваньской церкви и стали молиться. Огорченный обращеніемъ ихъ къ храму, дьяволъ, чтобъ увеличить соблазнъ, началъ кричать человѣческимъ голосомъ и звать себя на помощь. Рыбаки опустили въ лодкахъ на колѣни и стали молиться еще жарче. Какъ ни выбивался злой духъ изъ послѣднихъ силъ своихъ, чтобы подмануть христіанскую душу, это не удалось ему, потому что, хотя онъ и очень вѣрно подражалъ человѣческому голосу, но прежде чѣмъ рыбаки, глядя на гаваньскую церковь, окончили ограждающую ихъ молитву, на правомъ берегу въ Чекушахъ прогнѣлъ полночный пѣтухъ, и съ его третьимъ крикомъ и видѣнье, и крики о помощи смолкли.

Третьяго дня чортъ этотъ благополучнѣйшимъ образомъ былъ выкинутъ волненіемъ на берегъ въ тѣхъ же Чекушахъ, и былъ отправленъ въ мертвецкій покой.

Быстро сочетавъ всѣ эти обстоятельства въ своемъ соображеніи, Ида, не говоря ни слова матери, бросилась къ зятю. Шульцъ тотчасъ поѣхалъ и, возвратясь черезъ полчаса, объявилъ, что утопленникъ, дѣйствительно, есть токарный подмастерье Германъ Верманъ, которому на гробъ и погребенье, онъ, Шульцъ, оставилъ двадцать пять рублей, прося знакомаго квартальнаго доставить ихъ насторю.

— А все-таки это страшная мерзопакость, — порѣшилъ Шульцъ. — На меня это такъ дурно подѣйствовало, что я просто самъ не свой теперь.

Шульцъ не любилъ первой бѣды, хотя она его обходила

и издалека. Изъ наблюденій собственныхъ, изъ старческихъ повѣрій, какъ и изъ словъ великаго Шекспира, Шульцъ состроилъ убѣжденіе, что радости рѣзвятся и порхаютъ въ одиночку, а «бѣды ходятъ толпами» и старушка-горе неспѣшлива.

Торопиться ей не нужно:
Посидѣть съ работою любить.

Тому, что «бѣды ходятъ толпами», вѣрили, впрочемъ, всѣ въ семействѣ Норковъ, и потому, когда Шульцъ объявилъ, что, по случаю этого несчастья, онъ откладываетъ на недѣлю переходъ въ свой новый домъ, отстроенный на Среднемъ проспектѣ, то и Берта Ивановна, и Софья Карловна это совершенно одобрили.

— Неприятно, чтобъ это осталось воспоминаніемъ въ одинъ и тотъ же день,—объявилъ Фридрихъ Фридриховичъ.

Берта Ивановна и m-me Норкъ обѣ сказали то же самое.

Ида, правда, ничего не сказала, но это, вѣроятно, потому, что ее вообще очень мало занималъ вопросъ о новомъ домѣ зятя. Она стояла возлѣ кресла матери, которая, разстроившись смертью Вермана, совсѣмъ распадалась, сидѣла опустя руки и квахтала, какъ ослабѣвшая на гнѣздѣ курица насѣдка. Ида, молча, соединяла въ небольшомъ стеклянномъ пузырькѣ немного выдохшуюся нашатырную соль съ какимъ-то безцвѣтнымъ спиртомъ. Она нюхала эту смѣсь, встряхивала ее, держа пузырекъ между большимъ и указательнымъ пальцемъ правой руки, смотрѣла на нее, прищуря одинъ глазъ на свѣтъ, и, снова понюхавъ, опять принималась трясти снова.

— Стоить ли, сестра, возиться съ этой дрянью?—проговорилъ ей Шульцъ.

Ида, не отвѣчая зятю, молча дала понюхать матери спирту и, опустивъ склянку въ карманъ, молча облокотилась на материно кресло.

— Сядь, Ида,—не люблю, когда ты стоишь надо мною,—произнесла старуха.

Ида сѣла на первый ближайшій стулъ. Старуха опять начала квахтать и водить по угламъ своими старческими глазами.

— Бѣдняжка,—заговорила она:—какая смерть-то странная; теперь вода еще холодная... Мученье, бѣдненькій, какое перенесъ... а?—И дочка!—я говорю, мученье-то какое—правда?

— Это, мама, одна минута.

— Ну, какъ одна минута! Какъ, право, ты все, Идилька, какъ-то такъ легкомысленно все любишь говорить!—Кричалъ, вѣдь, онъ, говорятъ тебѣ, такъ это не минута.

Старуха опять заквахтала и, закашлявшись отъ поднесеннаго ей снова Идой спирта, слегка толкнула ее по рукѣ и досадливо проговорила:

— Поди на мѣсто.

Старушка, съ самаго отъѣзда Мани, во всѣ тяжелыя минуты своей жизни, позволяла себѣ капризничать съ Идою, какъ иногда больной ребенокъ капризничаетъ съ нѣжно-любимой матерью, отталкивая ея руку, и потомъ молча притигивая ее къ себѣ снова поближе.

— Не старъ еще вѣдь былъ?—заговорила черезъ минуту Софья Карловна.—А, впрочемъ... пятьдесятъ четвертый годъ...

— Чтѣ вы говорить изволите, маменька? — отозвался Шульцъ, быстро подходя къ тещѣ отъ окна, у котораго стоялъ во время ея послѣднихъ словъ.

— Я говорю, что покойникъ-то... Онъ и въ тотъ годъ, когда Иогансъ умеръ, онъ также закутился и переплылъ сюда съ гулянья... А нынче, вѣрно, старъ... Ужъ какъ хотите, а пятьдесятъ четвертый годъ... не молодость.

— Лѣта хорошія.

— Да; пожилъ.

— Другіе не живутъ и этого.

Старуха засмутилась и тихо сказала:

— Ну, да; кутятъ все.

Ида опустила глаза и пристально посмотрѣла на Шульца.

— Да, все кутить, кутить покойникъ. Я тридцать лѣтъ его ужъ знаю—все кутить.

— Неужто тридцать лѣтъ?

Ида опять пристальнѣе и еще съ большимъ удивленіемъ поглядѣла черезъ плечо на зятя и обернулась къ матери. Старушка провела рукою по рукѣ, какъ будто она забыла, и опять тихимъ голосомъ отвѣчала:

— Что-жъ, тридцать лѣтъ! Да, вонъ, твоей женѣ теперь ужъ двадцать девять. Года мои считать немудрено: я въ двадцать замужъ шла, а къ году родилася Бертинька, вотъ вамъ и всѣ пятьдесятъ... А умирать еще не хочется... пока не съѣзжу къ Машкѣ. Теперь я ужъ къ ней непременно поѣду.

Шульцы ушли къ себѣ довольно поздно; старуха оставила Иду спать на диванѣ въ своей комнатѣ и нѣсколько разъ начинала безпокойно увѣрять ее, что кто-то стучится. Ида разъ пять вставала и ходила удостовѣряться.

— Намъ велика, Идинька, двоимъ эта квартира, — старалась старушка заговаривать съ дочерью, когда та возвращалась.

— Подумаемъ, мама, что сдѣлать, — отвѣчала, укладываясь, Ида.

— Непремѣнно надо подумать.

— Подумаемъ.

— И то... я, знаешь, Идочка, безъ шутокъ, право, въ нынѣшнемъ году поѣду къ Манѣ.

— Что-жь, мама, и прекрасно; поѣзжайте съ Богомъ.

— А то тоска мнѣ.

— Да; поѣзжайте, душка, поѣзжайте.

Старуха заснула.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Прошла недѣля, Вермана схоронили; Шульцъ перебрался въ свой домъ, надъ воротами котораго, на мраморной бѣлой доскѣ, было изсѣчено имя владѣльца и сочиненный имъ для себя гербъ. Шульцъ нигдѣ не хлопоталъ объ утверженіи ему герба и не затруднялся особенно его избраніемъ; онъ, какъ чисто русскій человѣкъ, зналъ, что «у насъ въ Разсенъ изъ эстого просто» и изобразилъ себѣ муравейникъ съ извѣстной надписью голландскаго червонца: «*Concordia res parvae crescunt*».

У Фридриха Фридриховича переходъ въ свой домъ совершился со всякой торжественностью: утромъ у него былъ приходскій православный священникъ, пѣлъ въ залѣ молебень и служилъ водосвятіе; потомъ священникъ взялъ въ одну руку крестъ, а въ другую крошило, а Фридрихъ Фридриховичъ поднялъ новую суповую чашу съ освященною водою, и они вмѣстѣ обошли весь домъ, утверждая зданіе во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

Въ залѣ, когда священникъ разоблачился и сталъ благословлять подходящую прислугу, Шульцъ тоже испросилъ и себѣ его благословенія и поцѣловалъ его руку. Священникъ сконфузился.

— Батюшка!—проговорилъ Шульцъ:—этого нашъ долгъ требовать.

Священникъ хотѣлъ что-то отвѣчать, но Шульцъ предупредилъ его.

— Оно, конечно, это ни для меня и ни для васъ не нужно; но это такъ долгъ повелѣваетъ.

Шульцъ пригнулся къ уху священника и, слегка кося глазами на суетившуюся прислугу, добавилъ:

— Для нихъ этотъ примѣръ совѣтъ необходимый.

Священникъ согласился.

— Основательно, весьма основательно, Фридрихъ Фридриховичъ,—отвѣтилъ онъ Шульцу.

— Эхъ, батюшка, да зовите меня просто Федоръ Федорычемъ. Вѣдь это вшитко едно, цо конь, цо лошадь.

— Такъ-съ, Федоръ Федорычъ; такъ-съ.

— Ну, такъ этому и оставаться.

Два дня происходила переноска мебели и установка хозяйской квартиры, на третій день вечеромъ былъ назначенъ банкетъ. Берта Ивановна говорила, что банкетъ слѣдуетъ отложить, что она рѣшительно не можетъ такъ скоро устроиться, но Шульцъ пригналъ цѣлую роту мебельщиковъ, драпировщиковъ и официантовъ, и объявилъ, чтобъ завтра все непременно было готово.

— Ужасно это, ей-Богу, у тебя все какъ вдругъ, Фрицъ,—говорила, слегка морщась, Берта Ивановна.

— А вы вотъ лучше смотрите-ка, Берта Ивановна, какъ бы мы съ вами въ новомъ домѣ не поссорились,—отвѣчалъ ей супругъ, собственноручно приколачивая съ обойщикомъ карнизы драпировокъ.

Берта Ивановна съ этихъ поръ не возражала уже мужу ни слова.

Банкетъ былъ громкій: были здѣсь все, кого зналъ Шульцъ и кто зналъ Шульца: старый хозяинъ, новые жильцы собственнаго дома, пасторъ, русскій священникъ и три конторщика.

— У насъ, батюшка, по-христіански — съ чадами и домочадцы,—говорилъ Шульцъ, указывая священнику на жавшихся въ уголокъ трехъ младшихъ конторщиковъ, вступающихъ завтра въ должность по новооткрываемой конторѣ.

Вышито было стелько, что самъ Шульцъ, поправляя потный хохоль, шепталъ:

— Однако, чертъ возьми, мы, что называется, кажется, засвѣтили!

Но, тѣмъ не менѣе, онъ, однако, опять насѣдалъ на гостей съ новой бутылкой и самыми убѣдительными доводами. Наливая стаканъ своему домовому доктору, который выразилъ опасеніе, не будетъ ли въ новомъ домѣ сыро?—Шульцъ говорилъ:

— Это, Альбертъ Вилибальдовичъ, сырость вытягиваетъ. Докторъ отвѣчалъ:

— Но для здоровья — особенно у кого короткая шея... это...

Докторъ лукаво погрозилъ Шульцу съ улыбкою пальцемъ.

— Да; но иногда-то?—иногда?

— Ну, иногда... да, это конечно!—заканчивалъ докторъ.

Шульцъ напалъ на священника.

— Вино, батюшка, веселитъ сердце человѣка.

— До извѣстной мѣры-съ, Ѳедоръ Ѳедорычъ, до извѣстной мѣры,—отвѣчалъ священникъ.

— Ну, этого въ Писаніи не сказано.

— А, не сказано-съ, но тамъ зато сказано: «не упивайтесь, въ немъ-бо»...—Священникъ кашлянулъ и договорилъ:— «въ немъ-бо есть грѣхъ».

Шульцъ разрѣшалъ и это затрудненіе. Ударяя рукою по столу, онъ проговорилъ:

— Грѣхъ, батя, это пусть будетъ самъ собою, а вы вотъ это выкушайте.

Священникъ отвѣчалъ: «оно конечно», и хлебнувъ вина, досказалъ: «не всегда все въ своей совокупности».

На другой день послѣ этого пира, Шульцъ сидѣлъ вечеромъ у тещи, вдвоемъ съ старушкой въ ея комнатѣ, а Берта Ивановна съ сестрою въ магазинѣ. Авдотья стояла, пригорюнилась и подпершись рукою, въ коридорѣ: все было пасмурно и грустно.

— Я не знаю, право, Ида, что тебѣ такое; изъ-за чего ты споришь?—говорила, глядя на сестру, Берта Ивановна.

— Я и не спорю,—отвѣчала Ида.

— Мама этого хочетъ.

— А, мама хочетъ, такъ такъ и будетъ, какъ она хочетъ.

— Но неирѣдно, что ты дѣлаешь это съ неудовольствіемъ.

— Это все равно, Берта.

— Ты, Ида, дѣлаешься какая-то холодная.

Ида промолчала.

— Я знаю, что Фридрихъ добрый родной и онъ васъ любить, и я люблю... не знаю, что тебѣ такое?

— Я вѣрю этому,—отвѣчала Ида.

— Но что-жъ тебѣ такое?—что тебѣ этого не хочется?

— Не хочется?—проговорила, вздохнувши, Ида. — Не хочется мнѣ, Берта, потому, что просторнѣй жить—тѣснѣе дружба.

— Мы не поссоримся.

— И не поссорившись не всегда хорошо бываетъ.

— Да отчего же, Ида?—отчего?—ты Расскажи.

— Неровныя отношенія.

— Мой Господи, какъ будто мы чужіе! Вѣкъ цѣлый прожили, всякій день видались: вѣдь все равно и такъ какъ вмѣстѣ жили. Ты посуди, въ самомъ дѣлѣ, какая-жъ разница?

— Большая, Берта, разница. Жить порознь, хоть и всякій день видѣться, не то, что вмѣстѣ жить. Надо очень много деликатности, Берта, чтобы жить вмѣстѣ.

— Все у тебя, Ида, деликатность и деликатность; неужто ужъ и между родными все деликатность?

— Съ родными больше, чѣмъ съ чужими.

— Не понимаю; Фрицъ, кажется, очень деликатный человекъ. Развѣ я чѣмъ-нибудь — такъ ты вѣдь мнѣ прямо все говоришь.

— Вмѣстѣ живя, Берта, нужна постоянная деликатность; пойми ты — *постоянная*: кто не привыкъ къ этому — это очень нелегко, Берта. Твой мужъ—онъ, говоришь ты, добрый родной — я противъ этого не скажу ни слова; но онъ, на-примѣръ, недавно говорилъ же при матери такъ, что она какъ будто стара ужъ.

— Господи, какія мелочи! Я Богъ знаетъ какъ увѣрена, что онъ и не замѣтилъ этого.

— Мелочи! Я знаю, что это мелочи, и что онъ даже не замѣтилъ, какъ это дѣйствуетъ на маму, и я на него за это ни крошечки не сержусь. Понимаешь, это *теперь* ровно ничего не значило, кромѣ неловкости.

— А если бы вы жили у насъ?

— А если бы мы жили у васъ и онъ бы сказалъ это, это была бы ужасная не деликатность. Ты не сердись—я не хочу неприятностей — я говорю тебѣ, что онъ сказалъ это безъ умысла, но мнѣ бы это показалось... могло бы пога-

заться... что мать моя въ тягость, что онъ рѣшилъ себѣ, что ей довольно жить; а это-бъ было для меня ужасно.

— Я скажу это Фридриху.

— Сдѣлай милость, скажи,—отвѣчала спокойно Ида.

Черезъ минуту m-me Норкъ позвала ее къ себѣ. Дѣвушка взошла и молча стала передъ матерью. Софья Карловна взяла ея руки и сказала:

— Ну, какъ же, Ида?

— Какъ вамъ угодно, мама.

— Ты согласишься.

— Мама, я съ вами всегда согласна.

— Да, согласишься. Гдѣ намъ теперь искать другого подмастерья? Я старая, ты дѣвушка... похлопотали... У насъ свое есть — мы въ тягость имъ не будемъ. — Дай ручку — согласишься?

Ида подала матери руку.

— Ну, Берточка! — позвала старушка: — согласна — пусть будетъ такъ, какъ вы хотите съ мужемъ.

Берта Ивановна опустила у материнскаго кресла на колѣни и, поцѣловавъ ея руку, осталась въ этомъ положеніи.

M-me Норкъ долго ласкала обѣихъ дочерей и проговорила сквозь слезы:

— Вотъ и Манька моя будетъ рада, дурка, какъ узнаетъ! — Ида! я говорю, Манька-то наша: она какъ узнаетъ, что мы вмѣстѣ живемъ — она обрадуется!

— Обрадуется, мама, — отвѣтила Ида, проводивъ Шульцевъ, уложила старушку въ постелью, а сама до самаго свѣта просидѣла у ея изголовья.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Фридрихъ Шульцъ самъ взялся разверстать и покончить всѣ дѣла тещи. На другой же день онъ явился къ тещѣ съ двумя старшими дѣтьми и съ большимъ листомъ картона, на которомъ въ собственной торговой конторѣ Фридриха Фридриховича было мастерски награвировано на русскомъ и на нѣмецкомъ языкѣ:

«Токарное заведеніе, магазинъ и квартира передаются. Объ условіяхъ отнестись въ контору нелоцианта Шульцъ et С-ніе, В. О., собственный домъ на Среднемъ проспектѣ».

Шульцъ собственноручно поставилъ этотъ картонъ на окно, у котораго обыкновенно помѣщалась за прилавкомъ

Ида. Далеко можно было читать эту вывѣску и имя негоціанта Шульца. Впрочемъ, вывѣска эта не принесла никакой пользы. Преемниковъ госпожѣ Поркѣ Шульцъ отыскалъ безъ помощи вывѣски и самъ привелъ ихъ тещѣ. Заведеніе, квартира, готовый товаръ и мебель—все было продано разомъ. Старушка удержала за собою только одну гогоубую мебель, къ которой она привыкла.

— А вы, сестра, не оставите ли себѣ чего? — отозвался Шульцъ, налѣвая въ магазинѣ свою высокую негоціантскую шляпу.

— Нѣтъ, ничего,—отвѣчала Ида.

— Любимое что-нибудь?

— У меня вещей любимыхъ нѣтъ.

— Фортепянь, Идочка, фортепянь-то себѣ оставь,—послышался изъ залы голосъ Софьи Карловны.

— Нѣтъ, мамочка, не надо, — отвѣчала, встрепенувшись, Ида.

— Оставь, дружокъ,—убѣждала, выползая, старушка.

— Мама, да какая я музыкантна?

— Мнѣ когда-нибудь вечеркомъ поиграешь; я люблю, когда ты играешь.

— Я вамъ на сестриномъ поиграю, когда прикажете,—отвѣчала, размѣявшись, Ида.

— И то дѣло; есть у насъ и своя этакая балалайка,—зарѣшилъ Шульцъ, и отправился домой писать съ преемникомъ условіе.

Въ этотъ же день Шульцъ, обогнавъ меня на своемъ гнѣдомъ рысакѣ, остановился и рассказалъ, что онъ перевозитъ свояченицу и тещу «въ свою хату».

— Что жъ имъ тормониться-то больше? — разсуждалъ онъ.—Слава Богу, есть своя изба, хоть плохенькая, да собственная, авось размѣстимся.—Онъ понизилъ голосъ до тона глубокой убѣдительности и заговорилъ: — я вѣдь еще какъ строилъ, такъ это предвидѣлъ, и тамъ, помилюйте, вы посмотрите вѣдь, какъ я для нихъ устроилъ. Вѣдь не чужія жъ, въ самомъ дѣлѣ, да, наконецъ, у нихъ вѣдь и свое есть.

— Есть развѣ?

— Ну да, еще бы! Тысячъ восемь теперь всего-то наберется. Случись вѣдь что съ старушкой, такъ вѣдь сестрѣ на всемъ готовомъ и процентовъ истратитъ некуда. Да, что:

я вамъ скажу, еще дай Богъ всякому такъ кончить, какъ они.—Шульць крикнулъ кучеру: пошелъ!

Вотъ ужъ и слово *кончить* примѣнилось къ тебѣ, дорогая Ида Ивановна! Вотъ и масштабъ для тебя составленъ и дорога твоя предусмотрѣна: непочатыми будутъ твои капиталы и процентовъ тебѣ не прожить.

«Еще и всякому такъ дай Богъ кончить!...»

О, Боже! Боже! какъ страшно и какъ холодно становится на свѣтѣ живому человѣку, когда сведешь его на этотъ узкій, узкій путь, размѣренный масштабомъ теплаго угла, кормленья и процентовъ! А еще и тебѣ скажутъ ближніе твои: благо тебѣ, искренній, зане многимъ на землѣ и еще того хуже; зане у многихъ на землѣ нѣтъ ни угла, ни крова, ни капитала въ карманѣ, ни капитала въ головѣ, ни капитала въ характерѣ и въ нравѣ. Но и чрезъ золото такъ точно льются слезы, какъ льются онѣ и черезъ лохмотья нищеты, и если поражаетъ насъ желтолицый голодъ и слеза униженія, текущая изъ глазъ людей нищихъ духомъ, то, можетъ-быть, мы нашли бы еще болѣе поражающаго, опустясь въ глубину могучихъ душъ, молчащихъ вѣчно, душъ, замкнутыхъ въ средѣ, гдѣ одинаковы почти на видъ и сила, и безсилье. Мы ужаснулись бы, глядя, какъ ихъ гнететъ и давитъ спящая ихъ собственная сила; какъ ихъ духъ, вѣдунъ нѣмой, томится и цѣлый вѣкъ все душитъ человѣка. Такъ Святогоръ, народный богатырь нашего эпоса, спитъ въ желѣзномъ гробѣ; накипаютъ на его гробѣ закрытомъ все новые обручи; душитъ-бьетъ Святогора его богатырскій духъ; хочетъ витязь кому-бъ силу сдать, не беретъ никто; и все крѣпче спирается могучій духъ, и все тяжче онъ томитъ витязя, а желѣзный гробъ все качается.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Я вечеромъ пошелъ къ Норкамъ. Ида Ивановна сидѣла одна въ магазинѣ, закрытая отъ окна несвятою еще вывѣскою о передачѣ магазина. ●

Подавая мнѣ руку, она только молча кивнула головою.

Я сѣлъ въ простѣнокѣ, такъ что если бы кто подошелъ съ улицы даже къ самому окну, то меня ему все-таки не было бы видно.

Ида сама рассказала мнѣ, что они прекращаютъ торговлю и переселяются къ Шульцу.

— Вы вѣдь, — спросилъ я: — нехотя это дѣлаете, Ида Ивановна?

Дѣвушка помолчала, сдвинула слегка брови и отвѣчала:

— Нѣтъ... все равно ужъ! Пусть будетъ какъ мамѣ угодно.

— Вашъ вѣкъ, можно думать, длиннѣе Софьи Карловниного.

— Если мама умретъ, я тогда пойду къ Манѣ,—произнесла Ида скороговоркой и, быстро распахнувъ окно, добавила:—фу, Господи, какъ жарко!

Она высунула голову за окно, и мнѣ кажется, она плакала, потому что когда она черезъ минуту откинулась и снова сѣла на стуль, у нея на лбу были розовыя пятна.

— Фрицъ идетъ,—проговорила она, принимаясь за оставленную работу.

Я посмотрѣлъ въ окно, никого не было видно.

— Онъ далеко еще, не увидите.

— А какъ же вы-то его увидали?

— Я не вижу его.—Ида улыбнулась и добавила: — мой носъ полиціймейстеръ, я его сигару слышу.

Въ эту минуту щелкнула калитка палисадника и подь окномъ, дѣйствительно, явился Шульцъ.

Не знаю почему, я не поднялся, не заявилъ ему о своемъ присутствіи, а остался, вовсе не замѣчаемый имъ, попрежнему за простѣякомъ.

— Ну, да, — началъ Шульцъ: — я всегда говорилъ, что бѣды ходятъ толпами.

— Тише,—проговорила Ида.

Она встала, затворила дверь изъ магазина въ комнаты и снова сѣла на свое мѣсто.

— Чтò такое?

— Вотъ что,—началъ Шульцъ:—Маня оставила мужа.

Ида вскочила и стала у шкапа. Шульцъ говорилъ голосомъ нервнымъ и дрожащимъ.

— Мнѣ вотъ чтò писать мужъ ея. Не безпокойтесь давать мнѣ свѣчки, а вамъ прочту и такъ, и Шульцъ прочелъ холодное, строгое и сухое письмо Бера, начинавшееся словами: «На девятое письмо ваше имѣю честь отвѣчать вамъ, что переписка между нами дѣло совершенно излишнее». Далѣе въ письмѣ было сказано, что «мы съ Маріей разстались, потому что я не хотѣлъ видѣть ее ни въ са-

ванѣ, ни въ сумасшедшемъ домѣ». Извѣстное намъ дѣло было изложено самымъ короткимъ образомъ и затѣмъ письмо непосредственно оканчивалось казенною фразой и крючкоставою подписью Бера.

— Какъ вамъ это нравится? — спросилъ Шульцъ, дочитавъ письмо.

Ида молчала.

— Вѣдь этого не можетъ быть! Вѣдь это вздоръ! все это выдумка!

— Не говорите только, пожалуйста, объ этомъ матери.

— Да нечего и говорить... это невозможно!.. *das ist nicht möglich*.

— Конечно,—уронила Ида.

Шульцъ посмотрѣлъ въ глаза свояченицѣ и, черкнувъ по зажигательницѣ спичкой, сказалъ:

— Я думаю, однако, пѣнію время, а молитвѣ часъ. Вы еще молоды, чтобы надо мною смѣяться.

— А!.. Вотъ то-то-бъ вамъ поменьше хлопотать! Да! да не *das ist nicht möglich*, а это *gewiss, Herr Schulz, gewiss...* вы погубили нашу Маню.

— Покорно васъ благодарю, — произнесъ съ шипѣніемъ Шульцъ.

— Вы! вы! и вы! — послала ему въ напутствіе Ида, и съ этими словами, съ этимъ взрывомъ гнѣва она уронила на грудь голову, за нею уронила руки, вся пошатнулась на бокъ всей своей стройной фигурой и заплакала цѣлыми рѣками слезъ, ничего не видя, ничего не слыша и не сводя глазъ съ одной точки посередниѣ пола.

Она плакала какими-то мертвыми, ледяными слезами. О такихъ слезахъ никто не разсказывалъ ни въ одной исторіи, ни въ одной сказкѣ. Обыкновенно думаютъ, что самая больная слеза есть слеза самая теплая, «горючая», какъ называютъ ее сказки и былины нашего эпоса. Усталый витязь, уснувшій непробуднымъ сномъ на колѣняхъ красавицы, которую онъ долженъ былъ защитить отъ выходившаго изъ моря чудовища, пробудился отъ одной слезы, павшей на его лицо изъ глазъ дѣвушки при видѣ вышедшаго змѣя. Такъ горяча слеза молодой жизни, просящей защиты. Но есть еще другія, болѣе страшныя слезы, и хотя ихъ нельзя назвать горючими, но онѣ заставляютъ васъ трепетать, когда текутъ по женскимъ щекамъ.

Есть много извѣстныхъ женскихъ лицъ, трудясь надъ изображеніями которыхъ, даровитые художники представили этихъ женщинъ плачущими. Таковы извѣстные изображенія: вѣжной дочери короля Лира, *Корделии*; цѣломудренной римлянки *Лавиніи*, дочери Тита Андроника; развѣчанной *Маріи Антуанетты* въ минуту ея прощанія съ дѣтьми; *Аліции Паули Монти*; *Орлеанской Дѣвы*; св. *Маріи Магдалины*, изъ русскихъ — *Ксеніи Годуновой* и, наконецъ, еще такъ изображена *Констанція*, вдова, устами которой Шекспиръ сказалъ краснорѣчивѣйшее опредѣленіе скорби. Изучая эти плачущія лица, вы чувствуете, что каждое изъ нихъ плачетъ *своими слезами*, и даже какъ будто чувствуете температуру этихъ слезъ. *Корделия*, молящаяся за сумасшедшаго отца; *Лавинія*, обезчещенная, съ обрубленными руками; *Марія Антуанета*, утопшая въ крови и бѣдахъ; царица *Ксенія Годунова*, эта благоуханная, чистая роза, кинутая въ развратную постель самозванца, и *Констанція*, научающая скорбь свою быть столь гордой, чтобы пришли къ ней короли

«Склоняться предъ величьемъ тяжелой скорби»,

все это женщины съ различными скорбями. Пересчитавъ столько женскихъ обликовъ, я, кажется, имѣю довольно большой выборъ для сравненія; но какъ ни многорѣчевы эти прекрасныя, высоко-художественныя изображенія, я ни передъ однимъ не смѣлъ бы вамъ сказать: мнѣ кажется, что Ида плакала вотъ такъ!—Она плакала совсѣмъ иначе.

Еще одно женское лицо, также плачущее, останавливаетъ на себѣ наше вниманіе въ роскошномъ изданіи L'Abbé et G. Darbois: «Les femmes de la Bible». Это высокая и стройная библейская красавица, которая стоитъ передъ вами полуобнаженная: она плачетъ только ступивши ногою съ постели, ея станъ едва лишь покрытъ ветхозавѣтною восточною рубашкой, то-есть кускомъ холста, завязаннымъ надъ лѣвою ключицей. Другое плечо, грудь, шея и правая рука обнажены. Рука въ заплатахъ, которыя не были сняты ночью — виситъ, какъ стебель, лѣвая, также нагая отъ самаго локтя, держитъ упавшую голову. Изъ глазъ тихо катятся холодныя, крупныя слезы, и катятся какъ градины на раскаленную ниву. За этою фигурой вы видите двухспальную постель, часть смятаго изголовья и больше ничего: все остальное закрываетъ пестрое восточное одѣяло, которое

женщина потянула, проснувшись, и, судорожно сжавъ его край, плачетъ ледяною слезою.

Я не знаю, беретесь ли вы отгадать, кто эта библейская женщина?.. Это дочь Рагуила, та несчастная красавица Сара, которая семь разъ входила на брачное ложе и видѣла всѣхъ семерыхъ мужей своихъ умершими и оставившими ее дѣвой. Художникъ изобразилъ моментъ пробужденія ея въ первую ночь седьмого брака: она ужъ не въ испугѣ, не въ ужасѣ и не въ отчаяннѣ. Ей не идетъ *горючая* слеза скорбей, живыхъ еще хотя бѣ *надеждою*, хотя бѣ однимъ *желаньемъ*, переживающимъ надежду: у ней даже желаній нѣтъ. Она не ждетъ еще пришествія Тови, который долженъ съесть въ ея опочивальнѣ рыбуе сердце: она одна теперь съ умершею надеждою жить и съ улетѣвшими желаньями; она застыла и ея слезы падаютъ оледенѣлыми.

Такова была, плачучи, Ида.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Глава вмѣсто эпилога.

Съ тѣхъ поръ, какъ передъ нами плакала Ида, до дня, въ который вы прочтете эту повѣсть, минули не одна весна и не одно лѣто. Въ это время въ трехъ прекрасныхъ комнатахъ на антресоляхъ въ домѣ богатаго негоціанта Шульца умерла Софья Карловна Норкъ. Въ теченіе пяти лѣтъ, которыя старушка провела у дочери и у зятя, ни она, ни Ида не имѣли ни малѣйшаго основанія пожалѣть о томъ, что онѣ оставили свое хозяйство. Шульцъ угождалъ матери и благоговѣлъ передъ Идой. Старушка умерла отъ рака въ желудкѣ. Цѣлый годъ ее томили голодомъ, чтобы удерживать развитіе болѣзни и облегчить ей послѣдній шагъ въ вѣчность. Софья Карловна сдѣлалась младенцемъ.

— Идочка! — часто шептала она потихоньку, вскакивая на своей кроваткѣ: — дай ты мнѣ, мой другъ, немножко булочки.

— Мамочка, невозможно вамъ, голубчикъ, булочки! — отвѣчала Ида.

— Ну, съ булавочную головку дай.

— Ну, стѣить ли, мама, съ булавочную головку?

— Стѣить, мама моя, стѣить, — отвѣчала старушка, называя дочь своею матерью.

Ида будто не слыхала и начинала про себя читать, или работать.

— Ну, что жъ, и Богъ съ тобой.—говорила старушка.— Я все, бывало, видѣла во снѣ, какъ тебя носила, что ты меня кормишь,— а ты не хочешь, ну, и Богъ съ тобой: стало-быть, это неправда.

Ида не выдерживала и давала матери кусочекъ съ гороховину.

— Да я не хочу изъ твоихъ рукъ.—хитрила старушка.— Чтò ты мнѣ не вѣришь! Я не дитя. Ты дай мнѣ, я и сама отломлю.

Ида знала, чѣмъ это кончится, но подавала матери ломтикъ, и Софья Карловна скоро-скоро выколупывала дрожущими пальцами мякишъ, совала его себѣ въ ротъ и, махая руками, шептала: «убери! убери поскорѣй, убери, а то сестра придетъ!»

День-ото-дня старушка все болѣе и болѣе уподоблялась младенцу невинному и попрежнему все хитрила съ Идой, подговариваясь то подъ кофе, то подъ бисквиты, которые она будто видѣла во снѣ.

— Мама, вамъ этого не снилось,—отвѣчала Ида.

— Какъ не снилось! Вотъ новости! Какъ это не снилось?

— Не снилось, мама, не снилось, потому что вамъ этого невозможно.

— Да! невозможно, а все-таки снится, — отвѣчала, обижаясь и отстаивая свою хитрость, Софья Карловна.

Наконецъ, дни Софьи Карловны были сочтены и загорѣлася ея послѣдняя заря. Дѣти знали это отъ доктора, но старушка не знала своего положенія.

— Мнѣ, Идочка, сегодня снилось,—говорила она:—будто мнѣ можно полчашки кофею.

— Можно, мама,—отвѣчала Ида.

— Можно! — переспросила изумленная старушка и, посмотрѣвши съ упрекомъ на дочь, вдругъ горько заплакала.

— Подать вамъ, мама?

— Нѣтъ, нѣтъ, не надобно, не надобно... Мнѣ это вредно, — отвѣчала Софья Карловна и закрыла свои прозрачныя вѣки, тонкія какъ перепонки крыла летучей мыши. Изъ-подъ этихъ вѣкъ выдавились и остановились въ углахъ глазъ двѣ тощія слезинки.

— Почитай,—попросила она дочь.

На небѣ садился ранній зимній вечеръ, съ однимъ изъ тѣхъ страшныхъ закатовъ, которые можно видѣть въ сѣверныхъ широтахъ зимою — закатъ желтый, какъ отблескъ янтаря, и сухой. По этому янтарному фону, снизу отъ краевъ горизонта клубится словно дымъ куреній, возносящійся къ таинственному престолу, сокрытому этимъ удивительнымъ свѣтомъ.

Съ антресолей Шульца, если сидѣть въ глубинѣ комнатъ, не видно было черты горизонта, и потому, когда загорается зимою надъ Петербургомъ такая янтарно-огненная заря, отсюда не видать тѣней, которыя туманными рубцами начинаютъ врѣзываться снизу воперекъ янтарной зари, и задвигаютъ, словно гигантскими заставками, эту гигантскую дверь на усыпающее небо.

Такая заря горѣла, когда Ида взяла съ этажерки свою библию. Одна самая нижняя полоса уже вдвигалась въ янтарный фонъ по красной чертѣ горизонта. Эта полоса была похожа цвѣтомъ на полосу до-красна накаленного чугуна. Черезъ нѣсколько минутъ она должна была остывать, синѣть и, наконецъ, сравняться съ темнымъ фономъ самага неба.

Ида знала эту доску, знала, что за нею нѣсколько выше скоро выдвинется другая, потомъ третья, и каждая будетъ выдвигаться одна послѣ другой, и каждая будетъ, то цѣлыми тонами, то полутонами свѣтлѣй нижней, и, наконецъ, на самомъ верху, вслѣдъ за полосами, подобными прозрачнѣйшему розовому крепу, на мгновеніе сверкнетъ самая странная — бѣлая, словно стальная пружина, только-что нагрѣтая въ бѣлокапильномъ пламени, и когда она явится, то всѣ эти доски вдругъ сдвинутся, какъ легкія дощечки зеленыхъ жалюзи въ окнѣ опочивальнаго покоя, и плотно закроютъ двери на небо.

Евреи вѣрятъ, что небо запирается каждый вечеръ, и если вы хотите, то вы можете видѣть, какъ это производится невидимыми руками, задвигающими зорю и повертывающими послѣднюю пружину этихъ задвижекъ.

При такой зарѣ, покуда не забрана половина облитого янтарею неба, въ комнатахъ Иды и ея матери держится очень странное освѣщеніе — оно не угнетаетъ какъ бѣлая ночь, и не радуется, какъ свѣтъ, падающій лучомъ изъ-за тучи, а оно приноситъ съ собою что-то фантазмагориче-

ское: при этомъ освѣщеніи измѣняются цвѣта и положенія всѣхъ окружающихъ васъ предметовъ: лежащая на столѣ головная щетка оживаетъ, скидывается черепахой, и шевелить своею головкой; у стараго жасмина вырастаютъ вмѣсто листьевъ голубинныя перья; по лицу сидящаго противъ васъ человѣка протягиваются длинныя, тонкіе, фосфористые блики и хорошо знакомые вамъ глаза свѣтятъ совсѣмъ не тѣмъ блескомъ, который всегда вы въ нихъ видѣли.

То же самое происходитъ въ это время съ вашимъ лицомъ и со всѣми лицами, которыя будутъ освѣщены этимъ свѣтомъ.

Ида знала всю прихотливость этого освѣщенія; любуясь его причудами, она посмотрѣла вокругъ себя на стѣны, на цвѣты, на картины, на Манинъ портретъ, на усаживающуюся на жердочкѣ канарейку: все было странно — все преобразалось. Ида оглянулась на мать: лицо Софьи Карловны, лежавшей съ закрытыми вѣками, было словно освѣщенный трафаретъ, на которомъ прорѣзаны линіи лба, носа, губъ, а остальное все темно.

Дѣвушка открыла вѣчную книгу на томъ мѣстѣ, гдѣ въ ней лежала широкая, матовая, голубая лента, и вѣчная книга приготовилась рассказывать своимъ торжественно простымъ языкомъ свои удивительныя повѣсти.

«Упалъ, погрязая во злѣ, народъ Израилевъ до того, что не было мужа способнаго спасти его, и возопили сыны Израилевы ко Господу», начала читать Ида.

«И была въ то время судьей Израиля Девора пророчица, жена Лапидофова.

«Она жила подъ пальмою Девориною, между Раммою и Вефилемъ на горѣ Ефремовой, и приходили къ ней туда сыновья Израилевы на судъ.

«И призвала Девора Варака и сказала ему: повелѣваетъ тебѣ Іегова: возьми десять тысячъ мужей, а я приведу къ тебѣ, къ потоку Киссону, Сисару, врага народа моего, и колесницы его, и многочисленное войско его и предамъ ихъ въ руки твои.

«Варакъ же сказалъ ей: если ты пойдешь со мною, я пойду; а если не пойдешь со мною, я не пойду.

«И сказала Девора: хорошо, пойду съ тобою, но не тебѣ будетъ слава въ семъ пути, а въ руки женщины предастъ Господь врага народа своего.

«И встала Девора и пошла съ Варакомъ въ Кедошъ».

Проходить шумъ битвы; убитый Сисара лежитъ, лежитъ съ нимъ и все его войско, а Девора опять стоитъ подь своею пальмою и Варакъ у ногъ ея и поетъ Девора:

«Слышите, цари, внемлите, вельможи: я пою, я бряцаю Іеговъ-Богу, передь которымъ, когда шелъ онъ, земля тряслась, небо капало, горы растаявали и облака проливали воду.

«Взящіе на ослицахъ бѣлыхъ, сидящіе на коврахъ, пойте пѣснь.

«Не было вождей у Израила, ни одного не было, пока не возстала я, Девора, пока не возстала я, мать народа моего».

Бряцаетъ Девора, стоя подь пальмою Девориною между Раммою и Вефилемъ, и поетъ долгую пѣснь Іеговъ сердце и умъ пророчицы, видя возставшую доблесть народа своего. И на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ списана пѣсня Деворы, вѣчная книга уже начинается новую повѣсть: тутъ не десять тысячъ мужей боятся идти и зовутъ съ собою женщину, а горсть въ три сотни человѣкъ идетъ и гонитъ несмѣтный станъ враговъ своихъ. И какъ это сдѣлано! и какъ это рассказано въ вѣчной книгѣ! Оживляется Ида, читая объ этомъ страшномъ походѣ героевъ съ свѣтильниками, опущенными въ глиняные кувшины; тише дышитъ больная старушка, въ сотый разъ слушающая эту исторію, и поворачиваетъ къ свѣту свое лицо; и нынѣ, какъ въ дѣтствѣ, она ждетъ, когда разлетится въ черепья кувшинъ Гедеоновъ и за нимъ треснутъ другіе кувшины и разольется во тьмѣ полуночи свѣтъ, въ нихъ скрытый... И вотъ это свершилось... звеня разлетѣлись кувшины и идетъ облако свѣта во тьмѣ. О, какъ чуденъ сегодня этотъ свѣтъ свѣтильника, долго бывшаго заключеннымъ въ глиняномъ сосудѣ; какимъ блистаньемъ покоя осѣнилъ онъ мать сестеръ Норковъ. Да; это самъ, «одѣянный свѣтомъ, какъ ризою», сталъ у ея изголовья и назвалъ ея душу, и душа вопросила его: «Какъ имя твое?» но онъ отвѣтилъ ей, что отвѣтилъ видѣвшему его лицомъ къ лицу Іакову— онъ сказалъ ей: «что тебѣ въ имени моемъ?—*оно чудно*».

Въ комнатѣ вовсе стемнѣло; Ида свернула книгу, положила ее на прежнее мѣсто и, опершись локтемъ о подоконникъ, отдыхала глазами на густѣвшемъ закатѣ.

Уже почти все звенья янтарных дверей были забраны, и в ярких просветах между темных полос клубились легкия струйки тумана. Густой массой сначала мнутя онъ внизу, потомъ быстро несутся кверху, какъ легкия тѣни въ длинныхъ одеждахъ, и исчезаютъ вверху, гдѣ смыкается небо.

«Да, закрывается небо и отошедшія души спѣшатъ, чтобъ не скитаться до утра у запертой двери», подумала Ида, и съ этою мыслью неволью вздрогнула: ей показалось, что въ это мгновение ея тихая мать тоже стоитъ у порога той двери, откуда блистаетъ фантастическій свѣтъ янтара, догорѣвъ надъ полуночнымъ краемъ.

Это такъ и было: Софья Карловна умерла во время Идиного чтенія—умерла счастливо, покушавъ долго снившейся ей булочки, слушая чудную повѣсть, которую читалъ для нея милый голосъ, и сохраняя во всей свѣжести вчера принесенную Шульцемъ новость о Магѣ.

Вчера Фридрихъ Фридриховичъ прочелъ въ «Allgemeine Zeitung» статью, посвященную разбору дѣтской книжки путешествій, написанной путешественницей Маріей Норкъ. О самой путешественницѣ и до сихъ поръ нѣтъ очень подробныхъ извѣстій, но книга говоритъ за нее, гдѣ она была и какими очами на все смотрѣла. Это было событіе, давнее много чистыхъ и теплыхъ минутъ семейству Шульца, и особенно Идѣ и ея матери. Вѣроятно, не менѣе радостей принесла эта книжка одинокому Беру, такъ горячо хлопотавшему «поднять душу живую».

Одного Истомина она могла бы потревожить. Эта радостная новость, можетъ-быть, опять взлетѣла бы надъ нимъ Ивиковыми журавлями и, напомнивъ ему отринутое счастье, заставила бы задрожать за неузнатую Денманъ. Но Истоминъ давно куда-то безслѣдно исчезъ и, навѣрное, никогда объ этомъ не узнаетъ.

Фридрихъ Фридриховичъ и сегодня такой же русскій человекъ, какимъ почиталъ себя цѣлую жизнь. Даже сегодня, можетъ-быть, больше, чѣмъ прежде: онъ выписываетъ «Московскія Вѣдомости», очень сердитъ на поляковъ, сочувствуетъ русскимъ въ Галиціи, трунить надъ гельсингфорскими шведами, участвовалъ въ подаркѣ Комиссарову и говорилъ двѣ рѣчи американцамъ. Въ театры онъ ѣздитъ только, когда даютъ Островскаго.

— Ужасно люблю этихъ канальевъ-самодуровъ, — гово-

рить ояъ женѣ.—Какъ ты думаешь, Берта Ивановна, отчего бы это у меня вкусъ такой?

Берта Ивановна на это ему ничего не отвѣчаетъ.

— Оттого, можетъ-быть, Фрицъ, что вы сами... — шутя говорить за сестру Ида.

— Что-съ?—оттого, что я самъ самодуръ, вы это хотите сказать, Ида?

— Да.

— Въ самой вещи!

— Такъ—немножечко.

Фридрихъ Фридриховичъ задумывается и, нимало не обижаясь, отвѣчаетъ:

— Что жъ, очень можетъ быть, что вы и правы, потому, магуника-сестрица, что я отъ міра не прочь и на міръ не челобитчикъ.

Берта Ивановна вся въ мужѣ, въ вязанѣ и въ хозяйствѣ.

Иду Поркъ вы, если хотите, можете видѣть, даже не будучи знакомы съ Фридрихомъ Шульцемъ. Домъ Шульца отыскать не трудно, а необыкновенно чистыя, большія окна одной половины перваго этажа, завѣшанныя дорогими гардинами, укажутъ вамъ собственное помѣщеніе хозяйскаго семейства. Въ эти свѣтлыя окна видна вся внутренность роторныхъ покоевъ негоціанта и особенно видна огромная свѣтлая зала, въ углахъ которой красуются двѣ довольно дорогія гипсовыя статуи новгородскаго мужика и бабы, которыхъ со дня перенесенія ихъ сюда съ художественной выставки Фридрихъ Фридриховичъ назвалъ Ивановъ Коломенскимъ и Марьей Коломенской. Лѣтомъ у средняго окна залы, на спокойномъ креслѣ, передъ опрятнымъ рабочимъ столикомъ, почти всегда сидитъ молодая женщина, которой нынче уже лѣтъ за тридцать. На бѣлой шеѣ, плечахъ и груди у нея уже слегка образуется полнота; но она еще очень граціозна и необыкновенно мила: строгое платье ея сдѣлано прекрасно, фигура стройна, пепельные волосы ложатся по плечамъ длинными локонами. Это Ида Поркъ. Наружно она только пополнила, сильный подбородокъ ея немножко еще приподнялся, да она перемѣнила прежнюю простую прическу на болѣе сложную. Въ тотъ день, когда она шутя завила себѣ въ первый разъ локоны и вышла такъ къ чаю, сестра ея и Фридрихъ Фридрихо-

внчъ невольно вскрикнули, а дѣти бросились за кресло Берты Ивановны и шептали:

— Бабушка! бабушка!

— Я такъ теперь и останусь бабушкой, — отвѣчала весело Ида; и она такъ и осталась съ прекрасными локнами, которые еще не скоро посѣдѣютъ, чтобы довести сходство Иды съ матерью до нераздѣлимаго подобія.

Около Иды всегда кругомъ дѣти, и они ей не мѣшаютъ, потому что въ нихъ-то и ожили снова ея глубокія симпатіи.

Зимой, когда дни коротки и сумрачны, вамъ удобнѣе разсмотрѣть Иду Ивановну вечеромъ. Фридрихъ Фридриховичъ, возвратясь въ эту пору съ биржи домой и плотно пообедавъ, а потомъ поцѣловавъ руки жены и свояченицы, обыкновенно отирается всхраннытъ на мягкомъ диванѣ въ жениной спальнѣ. Въ это время, попрежнему красивая, хотя сильно располнѣвшая Берта Ивановна рассказываетъ на цыпочкахъ по столовой и охраняетъ мужнино спокойствіе, а въ залѣ, въ огромномъ пзациномъ каминѣ, работы Санъ-Галли, стараніями дѣтей, разводится яркое пламя. Къ этому огню прикатывается большое, стальное, качающееся кресло: на немъ садится Ида. Около нея цѣлая дѣтская груна: одинъ у нея лежитъ на козлѣнахъ и весело грѣется; старшіе трое тѣснятся у теткихъ плечъ и съ жадностью ловить ея каждое слово, а пятый, кудрявый мальчишка, по пятому году, постоянно любитъ дремать, какъ котенокъ, у нея за спиною.

Долго пылаетъ этотъ привѣтный огонь, и долго, и плавно текутъ передъ нимъ живыя бесѣды. Картина бываетъ такая прекрасная и внушающая, что на нее поневолѣ заглядывается и дѣловой человекъ съ наморщеннымъ лбомъ, посиѣшающій къ дѣлу на истерзанной ключѣ петербургскаго ваньки, и веселая компанія, отправляющаяся на нанятой вскладчину тройкѣ, чтобы убить гдѣ-то и время, и деньги — и пѣшеходъ, тихо плетущійся къ своей одинокой каморкѣ. Пѣшеходъ даже часто останавливается здѣсь передъ окнами Шульцевой залы, и иногда въ темный вечеръ ихъ столкнется здѣсь и двое, и трое: тотъ изъ Уфы, другой — изъ Кіева, а третій изъ дальней Тюмени, и каждый, стоя здѣсь на этомъ тротуарѣ, переживаетъ хотя одну изъ тѣхъ минутъ, когда собственная душа его была младенчески чиста, и раскрывалась для воспріятія благого слова, какъ ча-

печка ладнына раскрываецца зарею, для прынятія капли питаючай росы.

И долго-долго иной раз застоится здѣсь забывшись мой прохожій, и потомъ, закрывшись воротникомъ, зашагаетъ, выглядывая однимъ глазомъ, какъ Оденъ сѣверной саги, потерявшій свой другой глазъ при погушеніи украсть меду поэзія у Гунледа.

Не нянькины сказки, а полныя смысла прямого ведутся у Иды бесѣды. Читаетъ она здѣсь изъ Плутарха про великихъ людей; говоритъ она дѣтямъ о матери Вольфганга Гёте; читаетъ имъ Смайльса *Zelf-Help*—книгу, убѣждающую человѣка «самому себѣ помогать»; читаетъ и про тебя, кроткая Руѣ, обрѣтшая себѣ, ради достоинствъ души своей, отчизну въ землѣ чуждой.

И крѣпнеть дѣтскій духъ въ этихъ бесѣдахъ, и какъ шептунъ-трава, тихо растутъ и вырастаютъ въ нихъ и рѣшимость, и воля, и воспитывается то, что далекій потомокъ, можетъ-быть, условится называть въ человѣкѣ прямою добродѣтелью гражданина.

Но не слышать этихъ бесѣдъ Иды за окнами Шульцева дома, и проносящіяся мимо этихъ оконъ сами себѣ надоѣвшіе праздные, скучные люди, и молчаливо бредущій прохожій, слышать и понимаютъ изъ нихъ не болѣе, чѣмъ каменный коломенскій Иванъ и его расплывшаяся Марья, истуканами стоящіе въ залѣ, гдѣ васильеостровская Ида, своимъ незримымъ рукоположеніемъ, низводитъ наследственную благодать духа на дѣтей васильеостровскаго Шульца.

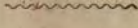
~~~~~
INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

Оглавленіе

ХІІ ТОМА.

Островитяне. Повѣсть.

	стр.
* * *	5
Глава первая	9
Глава вторая	11
Глава третья	14
Глава четвертая	22
Глава пятая	28
Глава шестая	34
Глава седьмая	50
Глава восьмая	65
Глава девятая	77
Глава десятая	81
Глава одиннадцатая	89
Глава двѣнадцатая	104
Глава тринадцатая	106
Глава четырнадцатая	111
Глава пятнадцатая	117
Глава шестнадцатая	122
Глава семнадцатая	128
Глава восемнадцатая	135
Глава девятнадцатая	137
Глава двадцатая	145
Глава двадцать первая	148
Глава двадцать вторая	161
Глава двадцать третья	170
Глава двадцать четвертая	174
Глава двадцать пятая	178
Глава двадцать шестая	180
Глава двадцать седьмая. Глава вмѣсто пролога	184

F

24.124/10-12